Николай Амосов
ППГ-2266 или Записки полевого хирурга

http://www.icfcst.kiev.ua/Amosov/PPG2266-1_r.html

Аннотация

Это записки известного советского хирурга, Героя Социалистического Труда Н. М. Амосова, которые он вел всю войну в периоды затишья на фронте. Из этой мемуарно-беллетристической повести читатель узнает немало интересного о героизме и мужестве людей в белых халатах, благодаря самоотверженному труду которых тысячи и тысячи советских воинов, раненных в боях, возвращались в строй, громили фашистских захватчиков. А скольким матерям, женам, детям вернули сыновей, мужей, отцов их заботливые руки!..

ППГ-2266 или Записки полевого хирурга

Глава первая. НАЧАЛО

Через темные сени я вхожу в большую комнату, совсем пустую. Жалкая мебель, комод с фотографиями, над ним на стене рупор. Конец фразы диктора:

— ...Молотов...

И дальше — речь: «Граждане и гражданки Советского Союза. Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы...»

Война... Война!

Все сразу изменилось. Вспомнилось: в старой кинопередвижке остановилась пленка. Пат и Паташон в молчании застыли на экране в нелепых позах. Потом с краю вдруг поползло грязно-розовое пятно, пожирая пространство и героев. Секунды тишины — и крик: «Пожар!»

И нет уже фильма, смешных героев, мыслей, пожатий рук, теплоты плеча в полумраке... Паника. Мысль: «Спокойно! Не потерять лица». Да. Не потерять.

Я пришел в этот дом, чтобы навести справки о своих сводных братьях. Отец бросил нас с мамой и сестрой, женился 10 лет назад, И умер, оставив двух мальчиков. Обиды забылись, осталось любопытство: «Какие они, эти ребята? Может помочь им?» Долго собирался — и так неудачно.

Тихо в городе: Домики дремлют под липами. По деревянным тротуарам изредка простучат каблуки девчонки. Иногда из окон слышится радио-музыка... «Была ли речь-то?» Была.

Обманчивая тишина. Те, кто слышал речь, уже горько думают. Но не все еще и знают. Мысли по инерции еще бегут по старым дорожкам, но натыкаются на острое. О больных... Вчера прооперировал старика с ущемленной грыжей. Поздний случай, с резекцией кишки. Нужно пойти посмотреть. Возможен перитонит. «Хирургии теперь будет — сколько угодно!»

Вчера был трудный вечер. Хорошо быть молодым, холостым, сильным... Год назад я разошелся с Алей. Спокойно разошлись, по-хорошему. Прожили шесть лет. Любовь была какая! А потом прошла. Детей не было...

Еще — наука. Хороший был год — сбежал от рутины и скуки аспирантуры, теперь думал, о чем хотел. Теория регулирования жизненных функций. Регулирующие системы организма. Регулирование клетки. Теория психики. Сложные схемы поведения... Понять, хочу понять, чтобы вмешаться. Для этого — математика, физика. Я — инженер и врач, мне доступно. «Теперь придется все бросить... Некогда будет думать». Да и бросать-то нечего.

Багаж маловат. За год аспирантуры сменил три кафедры и, наконец, сбежал. Никаких научных работ и конкретных тем. Только тетрадочки с «теориями». Смешно...

Пошел в больницу. За полчаса город уже изменился. Суета, тревога. Женщины спешат с кошелками, У магазинов — очереди. Мужчин не видно. Наверное, дома, последние часы. «Явиться через два часа после объявления всеобщей мобилизации по адресу...» По радио все еще музыка. Но вот-вот местный диктор объявит: — Приказ...

Наша межрайонная больница построена на окраине. В вестибюле много посетителей. Обычно в воскресенье здесь довольно приятно. Выздоравливающие выходят к родственникам, радостно улыбаются, что-то говорят и тут же на скамейках закусывают. Или выходят в садик. Сегодня только плачут.

Девушка-санитарка дает мне халат и сообщает: «Борис Дмитриевич наверху».

Вот он сидит в коридоре за столом и пишет. Сухой, высокий старик, седина ежиком. Б.Д. Стасов, племянник Владимира Васильевича Стасова. Человек отличный, доктор хороший, а хирург — средний. Я так считаю и только чуточку сомневаюсь — могу ли судить? (Стаж у него — лет сорок, у тебя — неполных два). Немножко поговорили о войне, о больных, и меня вызвали в военкомат.

У военкомата, на углу Советской и Энгельса, оживленно. Толпится разный народ, мужчины военные и в гражданском. Даже стоит легковая машина. Их в нашем городе всего три штуки. Часовой. Свежий приказ на двери. Чернеют слова: «Всеобщая мобилизация».

Майор распорядился:

— Пойдете во вторую школу на призывной пункт хирургом в комиссию. Сейчас.

2-я школа новая, четырехэтажная — украшение Череповца. Пока здесь относительно тихо. Врачи уже в сборе. Я знаю их всех: терапевт, глазник, отоларинголог, невропатолог и я — хирург. Начальник пункта, толстый подполковник, предупредил:

— Товарищи врачи, судите строго и ответственно. Я знаю ваши штучки — направлять на консультацию, обследования. Этого не нужно. Времени нет. За два дня мы должны отмобилизовать наши контингенты.

Мы рассаживаемся в двух кабинетах. С четырех часов пошли мобилизованные. Регистратура выдавала нам их карточки или просто военные билеты. Солдат вызывают из коридора по фамилиям, секретарь проверяет, когда проходил медкомиссию. Если давно — посылает к врачам, если недавно — спрашивает:

— Здоров? Служить можешь?

— Могу.

Штамп — и конец. Принят.

Вот они идут передо мной — защитники Отечества. От 20 до 35. Колхозники из пригородных деревень. Рабочие нашей промышленности — лесопилки, пристаней, леспромхоза, мелкие служащие — их теперь много в районе и городе, сапожники и портные из артелей. Они мне знакомы — по больнице, по прошлым переосвидетельствованиям, просто по улице. Плохо одетые, но не запущенные, в чистых рубахах.

Так уж повелось на Руси: В большинстве- худые. Хмурые. Слов не говорят. Собрались на тяжкую работу. Нужно. Надо идти. Они раздеваются у входа в класс, в загородке из скамеек. Кладут на пол свои холщовые мешки или фанерные чемоданчики, снимают латаные сапоги или матерчатые туфли, брюки и пиджаки из «чертовой кожи», домотканые холщовые порты и подходят к доктору, прикрывая ладонями стыдные места.

Голый человек совсем безоружен. Он даже соврать боится, если, конечно, опыта не имеет.

— Ну, так что болит?

— Да так, ничего, к погоде плечо грызет, перелом был.

Ему 35 лет, трое ребят и беременная жена. Руки от работы будто покрыты дубовой корой. Он робко говорит свои жалобы, чуть-чуть надеется, что доктор найдет какой-нибудь огрех в его теле и отпустит домой.

Я смотрю на его руку, проверяю силу и объем движений в суставах. Потом слушаю его

грудь — без капли жира и с четкой границей коричневого загара на шее. Слушаю больше для порядка, он здоров.

— Все у вас хорошо. Нужно служить.

— Служить так служить. Как все, так и мы.

Пошел одеваться, будто с облегчением. Молодой парень, с чубом, с улыбкой всеми зубами.

— Не, не служил. Порок сердца признавали, отсрочивали. Да я здоров, доктор, здоров! На лесопильном работаю. На фронт надо, фашистов бить.

Послушал сердце и написал: «Годен к строевой службе».

Попадаются и такие, что симулируют. Наивно, большей частью без особых надежд на успех.

Часам к семи вечера народ пошел густо. Очередь шумела в коридоре. Выпившие попадались все чаще и чаще. Совсем пьяных отсеивали в регистратуре — складывали в один класс, вповалку, чтобы проспались. Без особых придирок. Тех, кто уже прошел комиссию, собирали в другой класс, а как накопится взвод, строили на дворе и — в запасной полк — или прямо на вокзал.

Из открытых окон видно, как вокруг разрастается целый лагерь. На телегах и на земле сидят бабы, дети и мужики компаниями, беседуют, едят, выпивают. Это из колхозов приехали, кто подальше. Изредка песни слышатся, чаще всего из фильмов. Когда из задних дверей школы выводят очередной взвод, все кругом подхватываются и кидаются к школе: посмотреть своих и провожать — совсем, на войну. Женщины бросаются прямо в ряды, все мешается. Старшины, что отводят новобранцев, кричат охрипшими голосами, оттаскивают особо мешающих.

Взвод отправляется вдоль Советского проспекта... Мужчины держат за руки детей, жены виснут у них на плечах, другие — скромные — идут поодаль. Шум, возгласы, рыдания. Изредка слышны лозунги:

— Смерть фашистам

Потом женщины будут возвращаться домой, одинокие, растерянные — к новой жизни; Солдатки...

Отец мой пошел на войну в августе 1914 года, когда мне было восемь месяцев. Мама рассказывала, как провожала его из деревни в Череповец, и, наверное, также стояла около пункта и плакала. А потом возвращалась на пароходе в семью своей свекрови, старухи жесткой и жадной...

К двум часам рассвело, и сняли одеяла с окон, но работа остановилась. Людской поток иссяк. Вот и кончился наш первый день войны. А что там, на фронте?

Глава вторая. НА ВОЙНУ.

Сегодня мы едем на фронт! Нужно, нужно ехать, активно действовать, вмешаться, остановить... Просто немыслимо слушать эти сводки с недомолвками. Что значит — Минское направление? А город Минск? А города до него? Что с ними? Где фронт? Как там? Почему? Нет покоя от вопросов. Спасибо этому анонимному, умному, эрудированному, опытному ленинградскому хирургу, что не приехал и дал мне шанс. Я — начальник хирургического отделения полевого подвижного госпиталя номер 2266! Это — звучит. Правда, есть приписка: «На конной тяге» — но это пустяки. Я не боюсь ответственности. Нет, я все сделаю, как надо. Опыт? Да, очень мал. И двух лет не прошло после института, минус перерыв три месяца — писал дипломный проект в индустриальном. Знаний у меня мало. Но есть Здравый Смысл. Это не очень часто встречается. То есть я просто не сомневаюсь, что справлюсь с этим ППГ.

Начальник неплох. Хаминов, Борис Прокопьевич, Военный врач 3-го ранга. Одна шпала. Физиономия у него внушительная — второй подбородок, но на воротнике лежит жестковато. И животик при высоком росте и осанке тоже кажется жестким. Посмотрим.

Какими тягостными были эти дни... Утром 23-го на призывном пункте я слушал первую сводку: «Противнику удалось занять Кальвотин, Стоянут...»

А вчера утром все изменилось. Вызвали из больницы в военкомат. Дежурный сказал:

— Пойдете на улицу Коммунистов, 5. Там формируется полевой госпиталь. Поговорите с начальником.

Пришел, представился:

— Я врач Амосов.

Вижу — разочарование. Я молод, худ, невысок. Усадил и начал расспрашивать. Выглядело, наверное, слабо: кончил в 39-м, восемь месяцев аспирантуры, сменил три кафедры, сбежал, сделав всего несколько грыжесечений и аппендэктомий, потом хирург-ординатор здесь, в Череповце. Делал всю экстренную хирургию. Да десятка три лапаротомий[1]. Да, еще резекции кишечника, две резекции желудка. Травму знаю — гипс, вытяжение. Все таки три месяца был в травматологии. Гнойную хирургию — да, знаю. Все знаю! Уверен. Но я говорил скромно. Упомянул о двух дипломах с отличием. Холостой, бездетный. Беспартийный. Сменой на электростанции командовал три года. Хорошо командовал. Начальство и подчиненные уважали.

Глаза у Хаминова карие, навыкате. Большая бородавка на щеке.

— Я беру вас начальником хирургического отделения. Не скрою, хотелось бы большего, но нет и негде взять. Должен был из Ленинграда отличный хирург приехать, но нет его. Видимо, перехватили.

Так я попал в ППГ. Хаминов взял и второго нашего ординатора, Лину Николаевну. Не знаю, хорошо это или плохо? Мы ссорились на службе, но понимали все с полуслова. Работник она хороший — мне для будущей работы очень нужный. Вот если бы не эта дружба! Накладывает все-таки обязательства... Нет, лучше бы она осталась дома! Да, Лизу, знакомого терапевта, тоже взяли. Добрая девушка! Прошел еще день в сборах и прощаниях, и вот уже на вокзале — грузимся, знакомимся. Комиссар Зверев. Политрук Шишкин, начальник АХЧ Тихомиров, начпрод Хрустолев... Все мобилизованные в Белозерске. Оттуда же санитары и лошади. Врачи — хирург Чернов и двое терапевтов, рентгенолог и аптекарша из Ленинградской области. Медсестры — череповецкие. Тамара и Татьяна Ивановна — операционные из нашей больницы, знакомые.

Потом десять дней в воинском эшелоне, в товарных вагонах; на голых нарах. По несколько суток стоим на станциях. Извелись безделием и неизвестностью.

Было много времени для размышлений о хирургии. Перечитал «Топографическую анатомию», вспомнил все, что знал о ранениях...

Война идет, а мы не работаем. Хуже: у нас даже имущества медицинского нет. Где-то еще должны выдать. Все это убивает. Но особенно тягостны сводки.

Речь Сталина слушали на вокзале в Ярославле. Скорбная речь. «Братья и сестры...»

9 июля кто-то наверху, наконец, определил нам место. Быстро провезли через Москву, повернули на Киев и выгрузили на лужке около станции Зикеево, не доезжая Брянска.

Тут же вечером — бомбежка. Паника была страшная, все в соседний лес убежали, только к утру очухались. Итак, мы получили, выражаясь высоким стилем, боевое крещение. Да, две бомбы, несомненно, были. Пожалуй, можно считать, что «упали в нашем расположении». Раненых и убитых не было, но моральный дух, к сожалению, оказался невысок. Что поделаешь — нестроевые и необстрелянные. Тем более женщины.

Лежу на своем бушлате под кустом и размышляю о вчерашней бомбежке. Я, по честному, не ощутил страха. Нет, я еду на войну не для геройства. На черную работу для Родины, без фразы. Но попутно — хирургия. Наверное, это единственная военная работа, полезная и для мира.

Прервал меня дневальный из «штаба»:

---

[1] Лапаратомия — разрез брюшной полости

— Товарищ военврач, начальник требует.

Что ему еще там понадобилось? Иду к другим кустам, где, знаю, расположился Хаминов с интендантами. Вижу рядом с ним незнакомого военного в гимнастерке.

— Инспектор санотдела армии, военврач второго ранга такой-то (фамилию не уловил).

И дальше — деловой разговор.

— Я привез вам книжечку, очень важную книжечку: «Указания по военно-полевой хирургии». Вот она, получите. В ней изложена наша единая доктрина.

Книжечка невзрачная, без переплета, малоформатная, но толстенькая.

— Следующее: назначаетесь ведущим хирургом ППГ. Положение о ведущем хирурге вам, наверное, не известно... Или известно?

— Не известно...

— Ведущим хирургом назначается один из начальников Отделения, если их несколько, и ему предоставляется вся полнота власти в решении хирургических вопросов. Хаминову это не нравится.

— Еще — организация. Расстановка хирургических кадров-врачей, сестер, — это тоже дело ведущего.

— А что же тогда начальнику остается? Начпродом командовать?

— Общее руководство и организация.

Я вежливо молчу.

— Вы свободны, товарищ военврач.

Итак, серьезно о военно-полевой хирургии. Какая-то «единая доктрина»...

«Черт-те что! Читать «Указания»? Нет, сначала приведем в порядок то, что известно.

Крымская война — Пирогов. «Севастопольские рассказы». Ранения пулевые и осколочные. Доктора в грязных мундирах второго срока зондировали все раны и обязательно пытались достать пулю. Результаты были ужасные: почти все раненые с повреждением крупных костей умирали от инфекции. Поэтому — первичные ампутации. Но и они не помогали. «Все равно — что так, что этак». Пирогов был в отчаянии. Может, от этого он бросил хирургию в пятьдесят лет и сделался попечителем?

Русско-турецкая кампания, 1878 г. Помню книжки Данилевского «Белый генерал», «Шипка». Преимущественно пулевые ранения. Тактика «не трогать» — это реакция на Крым. И лучше. Но уже были Пастер и Листер, уже антисептика и мирная хирургия обретали надежды...

«На сопках Маньчжурии». Позор России. Записки Вересаева. Борис Дмитриевич рассказывал как очевидец. В сущности — не было хирургии. Только вынужденные операции — ранения сосудов, отрыв конечностей. Уже была асептика, но никакой системы-эвакуация во чтобы то ни стало. Всех подряд и вместе. «Дренаж».

Германская 1914-го. Прогнившая система не могла организовать и хирургии. Почти то же, что и в японскую, — эвакуация прежде всего, на передовых пунктах — только гной: флегмоны, артриты, плевриты... О животе говорить не приходится — по-прежнему выживают лишь счастливчики.

Между тем на Западе, особенно у французов, было не так. Начали с того же: «Не трогать». Быстро убедились — катастрофа! Масса осколочных ранений, загрязнение окопной землей — пошла газовая гангрена[2]. Но уже были работы Фридриха по хирургической стерилизации ран иссечением, как опухоли. И французы первые перестроились — ввели «профилактическую хирургию». Иссекать раны в первые шесть часов после ранения. Оперировать на передовых пунктах всех раненых со сколько нибудь значительными ранениями! Иссечения ран. Лапаротомии. Операции на черепе. Они добились результатов.

В гражданскую войну тоже не было настоящей хирургии, да и быть не могло. Врачи,

---

[2] Газовая гангрена, газовая флегмона — быстро распространяющееся, вплоть до смертельного исхода, воспаление тканей в окружности раны, вызываемое анаэробными бактериями.

впрочем, честно работали. Но где же думать об операциях, когда фронт меняется каждый день, и дай бог успеть увести ходячих раненых. Да и нечем было оперировать — туго было с бинтами и медикаментами...

Вот такие-то дела были у нас в военной хирургии. Ни опыта, ни традиций, умели только возить раненых на сандвуколках, на поездах, а чаще — на крестьянских телегах. «Терпеливый русский народ...»

Впрочем, нет, история нашей хирургии не кончалась на гражданской войне. Тогда она только началась. Отличные организаторы появились. Они создали санитарную службу Красной Армии. В последние годы довелось ее опробовать: Хасан, Халхин-Гол, Финляндия.

Бурденко — главный хирург. Надо думать, в деле, проверили военную советскую хирургию. Оттуда, наверное, и эти «Указания». Как жаль, что я не интересовался и не читал. В институте так скучно преподавали: БМП, ППМ, ДМП, ДГ[3], а ППГ что-то и не помню — был ли он в схемах?

Займемся вплотную «Указаниями». С сознанием всей полноты ответственности. (Все-таки это здорово звучит — ведущий хирург!)

— Эй-й, товарищи! Грузиться!

Оказывается переезжаем. — «Передислокация». Этот военврач дал указания перебазироваться (тоже новое слово) в пустующую сельскохозяйственную школу, что в лесу с другой стороны станции Зикеево.

Школа оказалась подходящей. Несколько одноэтажных домов, сараи, навесы, кругом лес. Тут бы и раненых принимать можно. («Провалюсь с треском!»)

Разместили нас, как в вагонах: командиров, женщин. И отдельно — «рядовой состав».

Я забрался за дом, на бревна, и изучаю «Указания». Сказали: завтра будем проводить учения.

Очень интересное понятие «Единая доктрина военно-полевой хирургии». Это значит: все хирурги на всех фронтах должны лечить раненых одинаково, по этим самым «Указаниям». И тут регламентация... Значит, никакой творческой инициативы? «Делайте, как я»?

Нет. Дальше читаю разумное объяснение. Оказывается, регламентация нужна потому, что в большую войну хирургией занимаются, в основном, не хирурги, знаний у них нет, и от инициативы — одни потери. Может быть.

Содержание этой самой доктрины. Военно-полевая хирургия — это сочетание четырех видов деятельности. Эвакуация — по назначению — в то самое санитарное учреждение, в котором данному раненому будет оказана положенная ему помощь. Госпитализация - задерживание для лечения — от вида ранения, состояния раненого, оказанной помощи и от обстановки на фронте!

Хирургическая помощь — профилактическая хирургия. Самое важное — убрать пищу для микробов: размозженные осколком или пулей ткани. Здоровые клетки микробов не боятся, за исключением особо «ядовитых». К таким относятся возбудители газовой флегмоны или гангрены, так называемые анаэробы[4] анаэробы — микроорганизмы, развивающиеся без доступа кислорода. Раз дело не в микробах, то можно и после шести часов обрабатывать — все равно будет польза. Можно и не иссекать, а только рассекать рану. И что самое главное — нельзя ее зашивать! Ни в коем случае. Это подчеркнуто в «Указаниях» несколько раз. Практика войны показала: в медсанбате иссекут рану, зашьют, эвакуируют, а пока раненый придет в госпиталь, где перевязка, — уже газовая, уже ампутировать нужно. А то и поздно...

---

[3] БМП — батальонный пункт медпомощи, ППМ — полковой пункт медпомощи. ДМП — дивизионный пункт медпомощи, ДГ — дивизионный госпиталь. ГЛР — госпиталь для легкораненых.

[4] Анаэробы — микроорганизмы, развивающиеся без доступа кислорода.

О переломах ничего нового для себя не нашел. Иммобилизация[5] — шины, гипсовые лонгеты, мостовидные гипсовые повязки. Показаны те же уродливые конструкции, что были в наших учебниках. Вот только в натуре я многих военных шин не видел. Особенно самую важную — шину Дитерйхса[6].

О ранениях живота — тоже ничего нового. Лечить, как и в мирное время. Сумею. Только оперировать нужно в первые шесть часов. Как их так быстро доставить, если армия отступает? Но не будет же отступать вечно... Череп должны оперировать нейрохирурги в спецгоспитале. Бурденко это разделал хорошо — его главная специальность.

Грудь — туманно. Главное новое — отсасывать гемоторакс[7]. А насчет операций — осторожно. Только грудную стенку. Да, еще ушивать пневмоторакс[8]. И то-до кожи! Не знаю как. Однако основа всего — это сортировка. Впечатление, что раненых нужно все время сортировать. На эвакуацию, на госпитализацию, на перевязку, на операцию. Всюду- 1-я и 2-я очереди. Все в зависимости от общего состояния, от ранения, сроков поступления, загрузки МСБ или госпиталя. И — превыше всего — от «санитарно-тактической обстановки».

После этого был еще один переезд — в г. Жиздру, где мы получили медицинское имущество и развернулись в летнем пионерском лагере. Раненых не было, но хорошо прорепетировали и подучились: повязки, шины накладывали, «Указания» прорабатывали. А где-то шла большая война — грустные сводки, бомбардировки Москвы...

* * *

4 августа мы вплотную подходим к фронту. Вечереет. Впереди нас то ли туча, то ли сплошной густой дым — мрачно. Непрерывный гул артиллерийской стрельбы. Уже целые сутки мы его слышим. ППГ-2266 шагает на запад, «4-го августа к 18.00 развернуться в районе г. Рославль и принять раненых от МСБ». Этот приказ лежит в кармане у начальника.

Обоз, двадцать две пароконные подводы, уже двигается на Жиздры шестой день. Спешим, боимся опоздать — осталось несколько часов до срока.

Штабная подвода впереди, рядом с нею шагает Хаминов в крагах. Я знаю, что у него расширение вен и он страдает, но впереди стрельба, -- и он должен идти первым. Комиссар сегодня сзади подстегивает, чтобы не растягивались, не отставали. Кони шагают споро, хотя позади-180 км за шесть дней, и телеги нагружены тяжело...

Мы идем пешком. Лишь несколько женщин, которые стерли ноги, стыдливо примостились на повозках. У некоторых туфли порвались, идут босиком — маленьких сапог так и не получили.

Моя база — телега операционной. Здесь же приписаны Лина, Лиза, Татьяна, Тамара, Зоя. Хороший народ в нашей компании. Побаиваются канонады, разумеется, но сомнений в правильности приказа не высказывают.

Я тоже думаю, что все правильно. Стреляют? Так это же война. Всю дорогу мы едем проселками: избегаем бомбежек и чтобы машины нам не мешали... Правда, кони уже привыкли и не шарахаются в сторону, как вначале. В глуши перелесков мы не чувствовали

---

[5] Иммобилизация — обеспечение неподвижности раненой конечности с помощью различных шин или гипса.

[6] Шина Дитерйхса — транспортная шина для иммобилизации переломов бедра и крупных суставов, состоящая из двух деревянных планок, одна из которых идет от подмышки до стопы.

[7] Гемоторакс — накопление крови в полости плевры — между легким и грудной стенкой — в результате ранения легкого.

[8] Пневмоторакс — скопление в полости плевры воздуха, выходящего из поврежденного легкого и сдавливающего его.

войны, пока не услышали стрельбу... Даже сводок не знаем, радио у нас нет.

Уже привыкли к походу. Спим на земле — с вечера валимся, как подкошенные, а ночью просыпаемся от холода — чертовски холодные ночи на Смоленщине. Но шинель хороша! И теплые портянки тоже пригодились — на ночь я разуваюсь и ноги в них завертываю. Пилотку тоже не снимаю — уши мерзнут.

В Жиздре кипятильник приобрели, поэтому кипяток есть два раза в день, а вечером — еще суп, если сон не сморит, пока Чеплюк варит, прислушиваясь к ночному небу, не летят ли там самолеты. Еда хорошая, только нерегулярная. Но сейчас не до желудка и не до ног. Впереди дым, стрельба явно усиливается. Ропот:

— Куда он нас ведет? Сусанин нашелся!

— Неужто не видит? Прямо в пекло!

— Где эти начальники, что встретить нас должны?

— Они давно сами смылись!..

Солдаты стали попадаться часто — в каждой деревеньке кто-нибудь есть. Не только обозы, но пушки и машины со снарядами. Раненых, однако, не встречали... Начальник послал собирать информацию. Сведения противоречивые.

— Бои в Рославле.

— Наши оборону держат километров .десять западнее Рославля.

— Немцы прорвались — прут, страшное дело!

— Не видите, что ли? Горит Рославль!

Восемь вечера. Мы уже опаздываем. Начинает смеркаться. Подъезжаем к следующей деревне. Тут нам нужно на Варшавское шоссе поворачивать — хватит плутать по проселкам. Где-то на шоссе при въезде в город нас должен встречать представитель санотдела. На опушке леса артиллеристы устанавливают орудия, стволы направлены к дыму. В разговоры не пускаются — заняты. Только посмотрели удивленно.

Мы решительно поворачиваем на север и направляемся к шоссе. Стрельба, кажется, совсем рядом. Некоторые даже пулемет слышат, но я не разбираю. Уже слышен дорожный шум — трактора трещат, а может, танки. Машины идут почти непрерывно. До Рославля — 8 километров. Насыпь высокая, на шоссе с трудом взобрались. Выехали и выстроились на обочине. Только проехали метров сто — остановка. Эмка с щелевидными тусклыми фарами освещает группу: Хаминов высится, рядом поменьше — Зверев и еще один военный в фуражке. Я подхожу и слышу разговор:

— Покажите мне вашу карту и приказ. Хаминов открывает планшет.

— Поворачивайте обратно и поскорее уезжайте. Замешательство. Молчание.

— Ну, что же вы? Командуйте!

Зверев:

— А как же приказ?

— Я вам приказываю. Полковник Тихонов из отделения тыла армии... Можете сослаться в санотделе. Ясно? Выполняйте!

— Слушаюсь.

Хаминов дал команду и сел в первую повозку.

— Ну, поехали!

И мы поехали. Да как! По асфальту легко, все забрались на телеги, повозочные взмахнули вожжами и — бегом, рысью, а где и в галоп!

Отмахали километров двадцать. Ни разу не остановились, лошади не хромали, колеса не ломались, возы не развязывались. Наконец, переехав реку Остер, мы свалились вправо от шоссе в реденький лесок. Не греем кипятильник, не раздаем даже хлеб и сахар — прямо спать.

Мы отступаем. Все дальше и дальше на восток. Сегодняшняя сводка: оставили Смоленск... Бои, надо думать, под Киевом, Умань и Белая Церковь уже упоминались.

Мы, ППГ-2266, тоже отступаем со всеми. После того, как чуть было не отбили Рославль, дневали в бывшем сельхозтехникуме. Рославль, между прочим, был у немцев уже

— его сдавали как раз в те часы, когда мы вышли на шоссе. Отступили в Сухиничи. Имеем приказ развернуться. Даже машину дали для переезда. Едем вдоль железной дороги мимо станции, нефтебазы, обсаженной тополями, и поднимаемся в гору. Там бараки. Начальник вылез из кабины.

— Посмотри, Николай Михайлович, неплохое место для нас.

И вдруг: з-з-з-... Б-бах! И сразу еще, ближе: з-з-з-з-з... Б-бах!

Все ссыпались с машины, попадали, притаились... Нет, я не ложился, только присел, но голова втянулась в плечи, не удержал. Однако больше ничего не последовало. Только гул улетающего самолета и несколько запоздалых выстрелов зениток. Тишина и солнце. Мир. Вылезли, возбужденные и смущенные. Две воронки обнаружили метрах в ста, ближе к нефтебазе. Далеко от нас... Зря испугались. Пропал интерес к осмотру места. Хотя, впрочем, неплохое. Два ряда пустых одноэтажных бараков, коридорная система, большие комнаты.

— Можно разместить хоть тысячу!

— Можно-то можно, но ты смотри, какие соседи. Станция — раз, нефтебаза — два.

Начальник вытащил свою карту, и мы рассматриваем окрестности. Километрах в трех оказалась деревня Алнеры — дорога прямо отсюда, от бараков. Команда:

— Садись, поехали!

И вот, мы здесь. Посмотрели и решили: быть госпиталю! Деревня — это широкая балка с зеленым лугом, речкой, два ряда домиков по обоим косогорам. Просторно, вольно... В конце деревни на холме — начальная школа в большом яблоневом саду. Остатки фундамента, несколько старых сараев, низенький дом. Все обсажено двумя рядами старых тополей. Школа пуста — каникулы. Четыре классные комнаты, учительская. Трогательные маленькие парты для первоклассников. На доске нарисована рожица. Где ты — мир?

Распланировали: для тяжелых раненых — классы, легких — в палатки под липами. Там же перевязочную. Баню, кухню — на улице. Штаб — в домике рядом. Персонал разместим в деревне. Разгрузились. Ожидаем обоз. Палатки, впрочем, поставим сейчас же.

Глава третья. ГЛР.

Итак, мы приняли раненых. Мы работаем, мы воюем. Боже, как это, оказывается, трудно! А что мы? Всего лишь госпиталь для легкораненых. Мечты о сложнейших операциях на животе, на сосудах, к которым готовился, обдумывал, — все рассыпалось. Виноват я. Хаминов сказал: «Молод ты, начхир!» Мы вошли в ПЭП — полевой эвакопункт. Состав: ЭП — эвакоприемник и три ППГ. Все в Сухиничах. ЭП — на станции, ППГ — в разных местах, в школах преимущественно. Раненых привозят из дивизии на санлетучках, разгружает ЭП, сортирует. Тяжелых, главным образом нетранспортабельных, развозят по госпиталям, где лечат и готовят к эвакуации. Ну, а нам — особая роль. До войны ГЛР не было в штатах. Детище первых месяцев. Потери очень большие, пополнение затруднено, а солдаты с пустяковыми ранениями отправляются на Урал в общем потоке эвакуации и неразберихи...

Строевые генералы на медицину в обиде: «Что вы смотрите?» Вот и придумали ГЛР (госпиталь для легкораненых). «Категорически запрещается эвакуировать легкораненых за пределы тыла армии...», «Создавать специальные госпитали...», «Лечить легкораненых в условиях, максимально приближенных к полевым...» Это значит — никаких пижам, постельного белья: свое обмундирование, нары или на полу, на соломе... «Проводить военное обучение...» Для этого приставили строевых командиров и политработников. Вот что такое мы, ГЛР. То есть пока мы просто ППГ на конной тяге, со своими штатами на 200 коек. Пока только приказ: «Развернуть ППГ-2266 — на 1000 легко раненых». Основная база — здесь, в деревне Алнеры. Выздоравливающих -- в те самые бараки на косогоре.

Развернули — думали: такие мы — умные, опытные вояки! Сортировка — в широком школьном коридоре. Тут же — регистрация, введение противостолбнячной сыворотки. Потом их поведут под горку — к речке, где баню оборудовали и там же выкопали дезкамеру.

Чтобы к воде поближе. Потом кормиться — навес из палаточных полов под липами. Кухня — рядом, котлы, вкопанные в землю. Перевязочная — в ДМП палатке — 3 стола. Угол отгородили для операционной. Должны же быть какие-нибудь операции!

Начальство нас инспектировало после развертывания. Приехал начальник ПЭПа и инспектор-хирург, очень штатский доктор. Мы уже матрацы набили соломой, застелили простынями — как в лучших домах. Но начальник распорядился по-своему:

— Не баловать солдат! Солому! Но вшей чтобы не было — ответите!

Инспектор вежливо заметил, чтобы предперевязочную поставили, а то у нас был вход прямо с улицы — без раздевания.

Мы с утра сидим в ординаторской — ждем. Вот-вот приедут! Чуть ли махальщиков не выставили.

Врывается сестра:

— Привезли!

Три санитарные полуторки с крестами на зеленом брезенте полным-полны, раненые сидят на скамейках. Команда Рябова из приемного отделения помогает вылезать, ведут в школу, рассаживают. Вот они — солдаты, уже попробовавшие лиха. Прежде всего — уставшие. Щеки ввалились, небритые, грязные, большинство-в одних гимнастерках, шинелей нет. Некоторые — с противогазными сумками, но без противогазов. Разрезанные рукава, штанины. Повязки у большинства свежие, потому что в ЭПе смотрели раны, чтобы не заслать к нам «непрофильных». Многие тут же засыпают, отвалившись к стене или прямо на полу.

— Что, товарищи, устали? Хмурые, недовольные.

— Устанешь тут... Сутки ездим с места на место...

— Были уже в поезде, так нет — выгрузка, перевязка. Везли бы в тыл — там бы и разобрались... — Здесь будете долечиваться.

— Какое же тут лечение? Под самым фронтом...

Самолеты, небось, бомбят?.. Отправляйте!

В углу коридора стол для регистрации. Документы передала сопровождающая — в пачках по машинам. Вот он, этот документ — карточка передового района. Я их только чистыми видел на картинках. Хорошая карточка, удобная.

Много мороки с регистрацией — взять карточку, вызвать по фамилии, в книгу записать, история болезни в ППГ положена — заполнить нужно ее паспортную часть. Набирается десяток — ведут в баню, в овраг. Иду и я посмотреть, что там делается в овраге.

Банька маловата, но используется предбанник, и скамейки поставлены прямо на луг, рядом. Воды много — горячей, холодной. Рябов молодец. Мочалок только мало. Тут настроение уже получше. Улыбки и даже шуточки. — Спасибо, товарищ военврач, за баньку! С запасного полка не мылся... Все причиндалы опарил.

С камерой, к сожалению, заминка. Сидит очередь в белых рубахах и подштанниках — надоело им ждать, поругиваются...

— Есть охота! Веди нас прямо так, в портках...

Так и пришлось сделать — вести в портках. Благо, хоть тепло. Куча обмундирования накопилась около камеры — как тут разобраться потом? На многих бирках от пара расплылись карандашные надписи. В столовой, под навесом, солдаты сидят уже другие — повеселее, в свежем белье.

— Как в субботу, после покоса... Спиртику бы поднесли, медицина!

Но водка не положена.

Перевязочная работает вовсю. На столы ложить некого — все сидя перевязываются. Истории болезней тут же записываем. Опять очередь. Очень низкая пропускная способность, хотя все свободные врачи здесь. Мешают друг другу. По правилам военной хирургии раненых не нужно перевязывать без нужды, для того, чтобы только «посмотреть и записать». Мы старались так поступать, но все же перевязывали лишку — у кого повязки намокли, у кого растрепались, кто сам просил... Такие все простые ранения... Какая уж тут хирургия!

Подождать, не трогать — и заживет. Но я впервые видел раненых, и поэтому интересно. Наш профиль: сквозные и касательные пулевые ранения мягких тканей конечностей, маленькие ранки, под корочкой. Мелкоосколочные множественные, непроникающие слепые — областей туловища: груди, живота. Пишут: мелкие осколки до пяти миллиметров не нужно торопиться доставать. Если больше размер — хуже, может инфекция развиться, флегмона, а может и газовая. Лучше такой удалить или рану рассечь, по крайней мере. Опытный раненый с осколком в теле может меня надуть, как хочет. Будет жаловаться: «Болит!» — и я не знаю, так ли это, и возьмусь за него.., Но они тоже неопытные — наши раненые. Тоже все по первому разу. Кроме того, я делаю вид, что этакий волк в своем деле. И шпала у меня выглядывает на воротнике из-под халата — не без умысла верхняя завязка не туго завязана. Вот один попался со слепым осколочным ранением бедра. Мягкие ткани, конечно. Ранка сухая, полтора сантиметра. Смотрю, диктую диагноз. Думаю, поправится за три недели.

— Наклейку! В палату номер три!

— Доктор! А у меня осколок-то вроде бы вот тут, под кожей, катается... Может, вырезать его надо?

— Ты прав, товарищ. Надо удалить его... Сейчас и удалим. Татьяна Ивановна! Готовьте операцию. Под местной анестезией. Он слушает внимательно. Вижу — боится.

— Это что — замораживание? Н-е-ет, доктор, я не дамси. Мне не стерпеть заморозки. «Нужно щадить психику раненых, травмированную во время боя». Поэтому местную анестезию не очень рекомендуют для войны.

— Хорошо. Посиди у входа, сейчас перевязки закончим и сделаем, как просишь. Через час мы закончили перевязки. Уже дело к вечеру.

— Теперь давайте оперировать! Тамара, наркоз! Татьяна Ивановна, накройте столик, чтобы по всем правилам. Татьяна начала готовиться. Вымыла руки в тазике, надела стерильный халат. Я тоже. Сняли штаны с солдата. Он трясется мелкой дрожью, зубами стучит. Побледнел...

— Уж пожалуйста... Усыпите покрепче, боюсь я...

— Будь спокоен. Ложись.

Уложили. Тамара дело знает, приготовила маску Эсмарха, ампулу с хлорзтилом, роторасширитель, языкодержатель, тампоны. Смазала около рта вазелином. Поставила Канского около больного — руки подержать. Коля Канский — санинструктор дельный. Маска наложена на рот, и струя хлорэтила направлена на нее.

— Считай!

— Раз, два... Ой, душит! Душит! Раненый рванулся со стола, выдернул руку и сдернул маску. Лицо красное, глаза дикие, дышит тяжело...

— Не могу, доктора... Не могу! Душно мне! Успокоили. Отдышался, улегся. На этот раз привязали — есть в укладках ремень...

— Давай больше струю, Тамара. Грей ампулу в руке. Снова попытка — и снова неудача. Со стола не сорвался — привязан, но голову из маски выкрутил. Явно не уснет. Такая унизительная борьба...

Народ собрался около перевязочной. Раненые. Слух разнесся, что операция идет. Начальник пришел, халат надел. А тут — такой скандал.

— Давай эфир. Видно, эти раненые плохо спать будут. Перевозбуждены.

Снова успокоили, снова уложили, ремни подтянули. Эфиром быстро не усыпишь. Проходит пять минут, десять. Началось возбуждение. Снова вырывается солдат, бормочет что-то. Потом начал материться...

Наконец, кажется, затих. Мы смазали кожу, обложили стерильной простыней, я нащупал место осколка и чуть нажал скальпелем.

Он оказался тупым. Больно, а не режет. Тут мужик снова взвился, начал кричать, руки вырывать.

— Тамара, чтобы тебя черт побрал. Чернов, давайте наркоз! Подошел начальник бочком. Шепчет:

— Слушай, Николай Михайлович, уже час прошел... Возьмись сам. Да, именно так. Чувствую, краснею от стыда.

— Лина Николаевна, надень стерильные перчатки. Дайте мне хлороформ.

Опять идет время, пока хлороформ готовят. Слышу голоса снаружи:

— А ну, разойдитесь, чего собрались! Расходись! Другой голос, ехидный:

— Как поросенка свежуют... Доктора!..

Мужик наш лежит и бормочет что-то несвязное. Не спит. Не подействовал эфир. Наконец, все готово.

Начинаю капать хлороформ. Считается, что это самый опасный наркотик, применять не рекомендуют. Опыта по введению наркоза у меня никакого. Может быть, в Архангельске в клинике пришлось дать пару раз эфир. Но я смело капаю: обязательно нужно, чтобы уснул. «Вот сейчас наступит остановка сердца... и...» Но другого выхода нет! — Расслабил мышцы! Можно начинать! Слава богу!

— Начинайте, Лина Николаевна!

Разрезала, накладывает зажимы на все мельчайшие сосудики в подкожной клетчатке. Копается, никак не найти осколка... Но вот он найден. Жалкий кусочек железа, меньше сантиметра. Окончательный гемостаз[9], йод на кожу, повязка. Конец!

— Постой, Тамара, около него, пока проснется. Рвать будет... чтобы не захлебнулся...

Посторонние расходятся. Скандала не получилось. Люди любят смотреть скандалы, даже если не злы. И начальник ушел, не сказав ни слова. Остались хирурги. Подавленные, мы начинаем обсуждать первую операцию. Решаем: хлорэтил не подействовал из-за перевозбуждения психики — это и в мирной хирургии встречается; эфир — потому что маска мала по объему, нужна большая или полотенцем закрыть и лить больше, не боясь... Ну, а хлороформ подействовал, как и быть должно. Оскандалились, в общем, на первый раз...

* * *

Конец сентября. Осень подошла. Мы уже больше месяца работаем в Сухиничах. Наш фронт остановился. Даже больше — взяли Ельню. Маленькая станция и поселок Ельня, но это символ: «Наши тоже могут». Две недели почти постоянно была слышна канонада, и раненые все прибывали оттуда. В день штурма и взятия они поступили такие возбужденные, довольные — совсем не те люди. Что значит — победа... Немцы подошли к Киеву. Пришлось и его отдать. Все переживали утрату. Казалось, остановили! Но нет, пока нет... Обороняется Одесса... Ленинград, видимо, окружен, но крепко держится... Может быть, здесь остановят? Сводки как будто спокойнее... Намечается союз с Англией и даже Америкой... Мы живем с начальником в чистеньком домике. Он хороший человек — Хаминов. Доктор хороший. Любит, однако, порисоваться, власть любит, подхалимаж. Но все — в меру, как умный. Если сопротивляться, то уступает. Меня не притесняет, по крайней мере.

Мы сильно разрослись. Сегодня на пятиминутке доложили — 1150 раненых! Правда, здесь, в Алнерах, — 420, остальные в батальоне выздоравливающих. Так мы называем нашу вторую базу — в тех самых бараках, куда мы приехали и где бомб напугались. Кроме школы, клуба, палаток, построили еще четыре землянки, на 50 человек каждая.

Вчера приезжал генерал — комиссар тыла фронта и дал нам за эти землянки, за то, что раненые на полу, без матрацев. Приказал ликвидировать Алнеры и организовать ГЛР в бараках. Очень ругал... Все правильно, только мы не виноваты. Впрочем, дело не в виновности.

Итак, мы почти приехали. Многих выписали в часть, и в Алнерах осталось человек сто раненых — только в школе и в клубе. На матрацах, на простынях, в стираных штанах

---

[9] Гемостаз — остановка кровотечения во время операции.

гимнастерках... Госпиталь будет как игрушка. Бараки построены два года назад для большого ФЗО. Есть баня и прачечная, столовая. ГЛР на тысячу человек и даже больше. Сейчас у нас семьсот пятьдесят. Один барак я выторговал под перевязочные, физиотерапию, парафин, ванные, физкультурный кабинет, лабораторию. Операционную хорошую сделали — будем раны иссекать для вторичных швов, асептика нужна...

Едем с начальником на двуколке. Он правит. Он любит это — править лошадью.

— У меня такая же таратайка в Устюге была...

Обсуждаем сводку: «Бои по всему фронту». Примеры героических подвигов... В газетах — декларация СССР, США, Англии о координации усилий... Очень важно — не одни. Заехали на хозяйственный двор, Хаминов отдал лошадь, занялся хозяйством. Я иду в перевязочный барак. Нужно посмотреть, как Канский автоклав устанавливает. Не дошел до автоклавной.

— Самолеты! Самолеты!

Замер: слышен мощный гул, такого еще не было. Двор уже полон народа — солдаты, сестры и санитары. Доктор Мишнев истошно кричит:

— Уйдите, уйдите в халатах! В щели!

Вот оно, настоящее. С запада в правильном строю движется на нас целая эскадрилья самолетов. Хорошо, что щели отрыты и бараки стоят не густо. Кричу:

— Врачи, сестры! Не прятаться, пока раненые не укрыты! Вывести всех из бараков! Впрочем, едва ли кто меня слушает и слышит. Самолеты почти подходят к краю нашего барочного поселка. За ним стоят зенитки. Вот они ударили — залп сразу из всех трех орудий. Белые облачка еще не достигли самолетов. Приближаются. Зенитки медленно поднимают стволы, стреляют навстречу почти непрерывно. Вот три передних самолета странно повернулись на крыло, застыли на долю секунды и вдруг ринулись вниз — прямо на батарею.

— Пикируют!.. Это Коля. Он встал рядом, на крыльце. Да, пикируют.

— Никогда не видал...

Три огромных хвоста земли взвились и закрыли зенитчика. И одновременно ударили звуки: визг пикировщиков, визг бомб, грохот взрывов... Вспомнил слово — ад. Не знаю, я представлял его иначе. Мелькнула картина... Мы, студенты, на первом обходе в психиатрии. «Буйные»... Огромная комната, маленькие окна с решетками, полутьма. Голые и полуголые тела. Много. Странные позы, телодвижения, выкрики. Всклокоченные космы, безумные глаза. Ничего человеческого... То был ад.

Фонтаны земли осели. Храбрые ребята — эти зенитчики. Задрали свои зенитки почти вертикально и стреляют прямо навстречу следующей тройке пикировщиков. Опять визг, грохот, фонтаны... Уже не пикируют, к нам подходят — путь к станции через нас. Вот сейчас дадут... Взглянул: двор как вымело. С крыльца видно — в щелях лежат друг на друге, лицами вниз. Хочу спрятаться, исчезнуть. Колька смотрит на меня: испугаюсь? Нет. Но глупо стоять. Спокойно!

— Присядем, Коля, за крыльцо. Оно кирпичное. Успели. Выглядываем: «Пронесло?» Вот отделились бомбы. З-з-з-з-з-з... Б-б-а-х! Нет, не много.

— Мы не интересны. Станция...

Вылезли. Уже не опасно — последние самолеты над нами. Но сердце все-таки бьется. Держать фасон! Не заметно, чтобы Коля испугался.

— Высоко, метров тысячу... «Юнкерсы-88». Пикировщики.

Поселок пустой. Окна все выбиты. Пыль еще чувствуется в воздухе. Воронок не видно, наверное, за следующим бараком. Только бы не в щель... Но тихо, не кричали. Обходим барак вокруг, чтобы взглянуть на станцию и город. Расстояние до вокзала — около километра, станция под горой, видно все, как на ладони. Много путей — они забиты составами. Вот там действительно ад! Зенитки бьют, как сумасшедшие. Самолеты идут в правильном строю, по три. Подлетая, сваливаются на бок и пикируют, выходят из пике и летят дальше — на город.

Сразу же за ними — следующая тройка. Над станцией сплошная стена пыли и дыма. Какие-то взрывы другого тона, не бомбы. В дыму не видно.

— Снаряды рвутся. Боеприпасы, — догадывается Коля. Бросили десяток бомб на город и уходят к горизонту. Городок маленький, зеленый... Фонтаны земли вырастали, как черные деревья... Звук взрывов доходил слабо и поздно — картина почти нереальная. Все затихло. Только видно, как горят вагоны на путях, изредка взрывается снаряд — удар короткий и не страшный.

— Пошли смотреть потери. Три большие воронки. Бомбы упали удивительно счастливо: разворотило угол барака, но там никого не было.

— Хорошо, что ходячие.

— Может, осколками в щелях?

Обходим ближние щели. Они еще заполнены, но уже слышны разговоры, некоторые стоят в рост. Даже смех слышен, но неестественный. Бодрятся. Спрашиваю нарочито бодро:

— Как, солдаты? Получили гостинцы? Есть потери? Замечаю взгляды — одобряют. Нарочно халат не мал.

— Ничего, товарищ доктор! Мы стреляные!

Троих все-таки поцарапало. Пустяки! Отправил их с Канским в перевязочную. Вдруг снова ударили зенитки. Крики:

— Возвращаются! Они возвращаются!

— П-о-о щ-е-л-я-м!

И так — четыре раза.

После второго началась паника. Раненые побежали в сторону Алнер, и остановить их не удалось. После третьего мы начали судорожно свертываться, грузить узлы на телеги и гнать в деревню. Два барака были сильно повреждены, пять человек легко ранены... Сейчас наш сад в Алнерах гудит, как пчелиный рой. Разговоры вертятся около немцев и окружения. Если верить солдатам, то ноги нужно уносить. Я не верю. Приказ был бы. Однако в пять часов на грузовике приехал незнакомый капитан и привез приказ эвакуироваться на Козельск, Перемышль, Калугу: немцы прорвали фронт в районе Кирова и уже перерезали дорогу. «Из раненых сформировать пешие команды. Тех, кто не может идти, — везти на подводах. Никого не оставлять...»

* * *

Только закрутилась машина сборов — «Фамилия? Рота? Идти можешь?» — прибегает запыхавшийся мальчишка.

— Где тут старший доктор?

— Я старший. Что тебе?

— Эшелон с ранеными разбомбил немец! Побил — страшное дело!

— Где?

— А у разъезда. Крича-ат, страх!

— Проводишь на место, парень. Сейчас поедем.

Спросил начальника: можно ехать? Взял четырех санитаров, Канского и Тамару, несколько пар носилок, санитарную сумку, и мы поехали. Мальчишку посадили в кабину. Через четверть часа машина стала. Я огляделся сверху. Поле несжатой низкой ржи. Редкий кустарник, невысокая насыпь железнодорожного полотна. На пути стоят пять обгорелых классных вагонов с красными крестами на стенах. Еще несколько таких же свалились под откос. Около насыпи и на путях чернеют ямы от бомб. Остро пахнет горелой краской. Стелется редкий дым. Нестройные, слабые крики:

— Ой! Ой! Ой! Пи-и-ть! Пи-и-и-ть!

— Помогите. Помогите.

По всему полю, не густо, рассыпаны лежащие люди. Сначала кажется, что все неподвижны — трупы, но потом, приглядевшись, вижу: некоторые ворочаются, поднимают

головы... Ага, увидели нашу машину — движение усилилось, приподнимаются, встают. Сколько здесь людей? Сто, двести? Сколько живых? Что мы можем сделать — горстка медиков? Стоп! Работать. Напоить нужно... Нечем. Не догадались. Помощь вызвать. Шоферу: Поезжай в госпиталь, вези бидоны с водой, вези санитаров, сестер, носилки, перевязку... шины... Да, сначала прямо к начальнику — расскажешь, что видел.

Машина уехала, а мы пошли к путям. Сначала нужно туда, к вагонам... Эти, что расползлись по полю, могут еще подождать, а там...

Страшная картина вблизи. В искореженных, обгорелых и тлеющих вагонах среди железных балок и перекладин зажаты люди... Нет, уже трупы... Даже трудно проверить — до некоторых нельзя добраться. Нужно резать железо. Изувеченные тела, кровь, почерневшая от огня, остатки повязок и металлических шин. Смрад от горелого мяса и краски...

Насыпь невысокая, к счастью. Некоторые вагоны только сошли с рельсов, другие свалились на бок тут же рядом. Видимо, скорость перед крушением была невелика. Паровоз неподвижно застыл метрах в трехстах. Там его накрыли при попытке уйти после крушения. Рядом с вагонами на лугу лежит десяток неподвижных фигур. Это те, что выбрались, но потеряли сознание и так остались лежать. Некоторые умерли за эти часы.... Дальше от путей, среди редких кустов полосы отчуждения и зеленого барьера, разбросаны раненые, пытающиеся двигаться, ожившие при виде нас, кричащие и стонущие. Еще дальше, во ржи, — лежащие и сидящие фигуры. Они тоже кричат, не разобрать слов, далеко. Что делать? Кому помогать? Как? Быстро нужно прикинуть. Время позднее — скоро сумерки... Самолеты-разведчики летают, и со стороны станции слышны взрывы. Дым на горизонте всюду.

Первое — нужно собирать в одно место, чтобы вывозить... Выбрать такое место, чтобы укрытие... И дорога. Осматриваемся — вон там, недалеко от головных вагонов, лощинка луга, кусты уходят между полосами ржи в сторону от насыпи. От дороги недалеко — по полю можно проехать. Бежим туда с Канским — да, место подходит.

— Товарищи! Собирайтесь, кто может, поближе к кустам! Отсюда будем вывозить в госпиталь!

Послал двух санитаров — помогать тем, которые могут двигаться. Канского, Тамару и еще двух носильщиков взял с собой — оказывать помощь.

Пошли к полосе около вагонов — выбирать живых среди мертвых. На вагоны стараюсь не смотреть — там просто жуткие картины. Парень с разбитой головой. Видимо, просто выпал из вагона. Смотрю — пульса нет, дыхания нет. Мертв. Еще один «черепник» — без сознания, но дышит.

— Несите!

Унесли. Еще дальше — раненый с шиной Дитерихса, странно подвернутой под себя, сломанной. Черное пятно под ним — кровь впиталась в песок, не растеклась. Глаза открыты.

— Живой?

— Пи-и-ить...

Пульса почти нет. Шок. Помню наизусть слова. Пирогова: «С оторванной ногой или рукой лежит окоченелый на перевязочном пункте неподвижно; но не кричит, не жалуется, не принимает ни в чем участия; тело холодное, лицо бледное, как у трупа; взгляд неподвижен и обращен вдаль, пульс, как нитка, едва заметен под пальцами, с частыми перемежками...»

— Тамара, введи кубик морфия. Коля, укладывай с ребятами на носилки и несите на место сбора... Осторожнее!

Иду дальше, к следующей фигуре. Лежит, скорчившись, на боку. Обе ноги — в шинах Крамера, до колена. Тоже живой. Двинуться не может, нет сил. Опять шок. Странно.

— Доктор, в живот меня ранило... когда бомбили... силы потерял... выполз, а дальше — нет.

Понятно. Скомандовал: и этого нести, («Придется оперировать живот, лапаротомию делать... если доживет»). А когда ее делать? Вон их сколько... Законы военной хирургии: объем помощи — от обстановки. Так, чтобы максимум общей пользы. Это значит: если

много раненых — не делать сложных и длительных операций. Помогать тем, кому помощь возможна и эффективна... Жесткие законы. А как иначе?

Еще несколько живых, шоковых, несколько уже умерших... Вижу, как к месту сбора сползаются те, кто может передвигаться. Санитары ведут хромых... Коля с Тамарой вводят морфий, укладывают на носилки, подбинтовывают повязки, накладывают новые... Бинты уже к концу подходят... Не рассчитали. Нужно еще сносить к месту сбора тех, кого мы обработали.

— Николай Михайлович! Смотрите — машины идут... Выпрямляюсь — да, замечательно! Идут три санитарные полуторки и эмка. Видимо, начальство из ПЭПа едет. И помощь! Побежал им навстречу, машу рукой — сюда подъезжать... Из эмки вышли главный хирург Бочаров и еще незнакомые врачи со шпалами. В санитарках — медицина, носилки. Докладываю. Слушает внимательно и не торопит... Похвалил скупо:

— Правильно делаете. Здесь товарищи из других ППГ... Они возьмут на себя самых тяжелых... Потом дал инструкции, кому что и где делать. Четкие, исчерпывающие. Молодец, настоящий хирург!

Поразительно, что может сделать страх. Вот лежит сержант с двумя шинами Дитерихса... Он совершенно без сил, голова в песке повернута в сторону — только чтобы дышать... Руки выброшены вперед, судорожно вцепились в жиденький кустик ивы... Пульс, приличный, только частит. Повернули его на спину. Глаза вытаращенные, дикие. Хрипит:

— Везите скорее... скорее. Он опять прилетит... всех уничтожит... три раза... три раза заходил...

Успокаиваю. Морфий ввели прямо в вену. Размяк. Глаза закрыл.

— Как же ты уполз так далеко?

— Уползешь... смерть-то, она... страшная...

Примерно каждый пятый ранен вторично, при бомбежке. Одни завязали себе раны чем попало, другие не смогли — не умели или нечем.

Большинство в одних гимнастерках и брюках с разрезанными штанинами... Многие без обуви. Документы не у всех. Наша машина вернулась быстро. Приехало много народа — Чернов, Зоя, политрук Шишкин. Женщин-врачей, говорят, начальник не пустил: «Здесь обрабатывайте — больше пользы». Привезли все необходимое — воду, перевязочные пакеты, шины. Из других госпиталей тоже машины приехали. Большинство раненых — тяжелые. Были, говорят, и ходячие, но они поплелись вдоль полотна в сторону Сухиничей.

Мы едем домой с последней машиной, когда совсем стемнело. Везем последних раненых. Кажется, обшарили всю площадь, по обе стороны полотна. Некоторые уползли — почти за километр от дороги. Мертвых не собирали. Тяжело на душе из-за этого, но что же делать? Нужно думать о живых. Если бы сносить трупы или даже документы собирать — не хватило бы времени дотемна живых увезти. Утешаем себя тем, что завтра жители из соседних деревень похоронят или, может быть, боевые части...

* * *

В школе работа на полном ходу. Всех легкораненых вывели на улицу и в землянки, на носилках разложили и усадили вновь прибывших, более тяжелых. Оказалось, что привезли почти сто человек. Очень осложнилось наше положение в связи с этими ранеными. Хаминов даже проворчал, когда я пришел:

— Не мог еще побольше привезти? Есть другие, машинные госпитали... Ладно, ладно, не задирайся... Это он увидел, что я сейчас взорвусь. Я ведь вспыльчив. Но твердо знаю — в пределах. Могу сдержаться. Сейчас — следовало нагрубить. Он отступил. Ну, и хорошо.

— Я должен заняться ранеными. Некоторых придется оперировать... Так что ты на меня не надейся при формировании рот и команд. Возьми Чернова за главного над ходячими...

Началась работа. Примерно так я ее представлял по «Указаниям». Сначала полагается

сортировка. Мы с Любовью Владимировной прошлись по палатам и бегло осмотрели и опросили раненых. Жетонов, правда, не раздали, но списки очередности составили — набралось около 40 человек, которых следовало обязательно посмотреть...

Теперь — в перевязочную. Перевязывают три врача — Лина, Лиза, Ковальская. Я оперирую, если нужно. Тамара обеспечивает наркоз. Вот они — настоящие раненые! Как жаль, что нет времени, я бы сделал им обработки!.. («Опять хвастаешь!») Но я знаю, как надо, и сумею! Вот положили на стол солдата с огнестрельным переломом плеча и повреждением артерии. Много крови потерял — переливание бы нужно, а у нас нет.

— Отнимать руку нужно, товарищ. Главные жилы перебиты.

— Что вы, доктор! Куда я без руки! На бабины хлеба?

— Все понимаю, но ничего не сделать. Смотри — мертвая она.

Синяя, не чувствует, и пальцы не работают. Подвигай пальцами! Он пытается двигать, и, странное дело, ему кажется, что может... Долго приходится уговаривать. Последний довод:

— С такой рукой тебя на эвакуацию нельзя направить. Заражение крови будет в дороге. Придется здесь оставить, в местную больницу отдадим.

— Немцам, значит?

— А что делать? Если не веришь и понять не хочешь.

— Режь, черт с тобой!

Делаю свою первую военную ампутацию. «Усечение по месту ранения». Осколок прошел в средней трети. Жгут, циркулярный разрез до кости большим ампутационным ножом. (Страшный нож, если незнающему показать!) После этого рука отвалилась по перелому. Щипцами держит ассистент торчащий неровный конец плечевой кости, и я отпиливаю его пилой. Перевязываю главные сосуды, усекаю нерв...

— Ослабьте жгут!

Ослабили под простыней, брызнула кровь из мелких артерий. Наложил зажимы, перевязал... Это заняло порядочно времени — надо, чтобы не закровило дорогой, а то умрет... Все. Повязка. Снимаю перчатки, пишу в карточку... Он еще спит. Натягивают на него, сонного, гимнастерку.

— Повязку не закрывай рукавом! Если закровит — чтобы видно было...

Карточку засовываем в карман гимнастерки, застегиваем его на пуговицу. Решили, что лучше, если документы при них будут... мало ли что может случиться...

— Оперированных собирайте в одну палату. Посмотреть перед самой отправкой.

Уносят его. Первого калеку моего «производства»... Лина Николаевна делает обработку ран, разумеется, только тех, которые особенно плохи. Плохи — это значит большие, с рваными, ушибленными краями, с повреждением костей. Те, которые чаще всего газовую гангрену дают. Обработки самые необходимые — только рассечения. Это просто и быстро.

— На стол! Привязать! Тамара, морфий внутривенно и хлорзтил! Татьяна Ивановна-столик для обработки!

С двух часов ночи начальник стал нас торопить. — Давай, начхир, кончай. Все уже готово к отправке пеших. Лежачих нам все равно не на чем везти... Я поражен:

— А как же... оставлять здесь? А наши кони? — Нет... Делаем все, что можно. Зверев и Шишкин уехали по колхозам — подводы мобилизовывать... Ты же понимаешь, что на двадцати подводах нам не увезти и госпиталь, и раненых...

— Ты скажи честно: есть надежда на эти колхозные? Или ты меня утешаешь...

— Да, да, есть, конечно, надежда. Из нашего колхоза уже обещали, готовят. Да и свои подводы будут ждать, все вместе отправимся. Имущество мне жалко, ты пойми... Помнишь, как добывали?

Как будто убедительно звучит. Он жестковат, начальник. Я уже слышал его указание: «Нетранспортабельных оставлять в больнице»... Но наши — транспортабельные.

Выхожу на крыльцо посмотреть на отправку ходячих. Ночь теплая и довольно светлая. Вся площадка перед школой шевелится, как муравейник. Разговоры негромки. Изредка блеснет огонек и сразу крики:

— Эй ты! Погаси!

— Жизнь надоела?

У выхода из школьного двора — пять подвод, нагруженных мешками и ящиками. На первой — сестра Нина с двумя санитарными сумками, сидит, дремлет. Устала. Чернов о чем-то хлопочет... Ему нелегкая миссия выпала — этакая орава... А если немцы налетят? Проверяю, взяли ли носилки, запасной .материал, костыли, санитаров. Все как будто предусмотрел Чернов... А случись что — обязательно окажемся не готовы. Начальник вышел на крыльцо.

— К-о-м-а-н-д-а!.. Строиться! По четыре! Общее командование возлагаю на политрука Шишкина!

Серая масса зашевелилась. Странная это процессия... Разношерстные, в шинелях, фуфайках, в гимнастерках с разрезанными рукавами, с палками, с костылями, с повязками на руках, на голове, некоторые — в опорках, если ботинок не лезет... Построенные по четыре. Отправилось около шестисот человек. Больно было смотреть на них... Тридцать восемь километров до Козельска, а, посадят ли их там в поезд? Как они дойдут хромые, слабые, сколько их дойдет? А что делать?

В шесть утра закончили перевязки и операции. Осталось у нас пятьдесят три раненых — половина лежачих. Прооперировали семнадцать человек. Три ампутации, одна перевязка лучевой артерии, остальные — обработки. Коридор опустел. Из палат слышны стоны, бред...

Начинаем укладываться. Так или иначе, надо уезжать... Раненые смотрят на наши хлопоты с опаской: не оставим ли их? Нет, не оставим. У нас машина и еще шестнадцать подвод. Если имущество бросить, можно всех взять. Смотрю, как девушки свертываются, пакуют ящики. Хорошо пакуйте. Где и когда еще будем развертываться?.. Немцы бросали листовки: «Сдавайтесь, через неделю Москва будет взята. Война проиграна!» Глупые листовки пишут.

В семь часов комиссар привел подводы. Много мужиков приехало, около полсотни телег. Всякие телеги, большинство — одноконные, с хомутами и дугами, истинно русские. Лошаденки, правда, слабые. Зверев: «Всяких брали, все кого-нибудь свезут».

Началась сутолока погрузки. Я смотрю оперированных — как будто все в порядке. Температуру измерили, отметили в карточке, чтобы их посмотрели в первую очередь: газовая может начаться в любой момент. Боли еще должны быть при этом, как в «Указаниях» пишут, но ничего, никто не жалуется. У кого, может быть, и болит, но терпят... Накладываем сена в телеги. Лежачих — по двое, к ним еще по трое сидячих. Мужики ворчат — тяжело. Ничего, не галопом поедете. На свои крепкие, проверенные телеги грузим имущество. Страшно много имущества появилось. Одеял, белья, подушек, продуктов. Обросли. Готовились зимовать на 1000 коек. Физиотерапию, ванны готовили... Все это к черту теперь... В девять часов обоз тронулся.

* * *

Уехали. Еще слышен скрип телег и говорок... Мы немного задерживаемся. У нас машина, мы еще должны подождать подводы, чтобы погрузить остатки имущества. Его еще немного осталось: продукты, палатки, одеяла и... физиотерапия.

Утро ясное и свежее. Мы с начальником сидим в саду на сене под яблоней. Падают желтые листья. Осень. Пора тоски. Странная пустота в голове. Будто кончилось что-то в жизни. Жалуюсь Хаминову.

— Это у тебя реакция после возбуждения. Поспи, пройдет.

— Не хочу спать...

-А я бы выпил сейчас... Хорошо бы выпил! Но нельзя.

Немецкие бомбардировщики полетели с запада. Мимо. Сухиничи уже не бомбят, дальше целятся.

— Смотрите — наш! Куда он прется, один!

Вскакиваем, всматриваемся в небо. Сердце так и рвется — туда, помочь... Восемь бомбардировщиков летят на восток. Не быстро, не высоко, спокойно. Безразлично летят — просто долбить станции, дороги, не боясь ничего. Может быть, и санитарные поезда...

И тут — наш, родной «ястребок», И-16. Он один и мчится прямо на этих... Один! Стреляет — видны трассирующие пули. Пролетел между ними... Задымился бы хоть один фашист, упал... Нет, летят. «Ястребок» повернулся, сделал петлю. Слышна стрельба. И опять ничего...

— Ну, улетай, что ты сделаешь один, улетай!

Это мы кричим, как будто он может услышать. Но он снова делает заход и прямо сверху пикирует на немцев. Снова короткая сильная стрельба — все они стреляют в него, в одного...

— Нет, он просто ищет смерти! Он не вышел из пике. Загорелся, черный дым — и самолет падает где-то за холмами. Парашют не появился. Стоим, растерянные, потрясенные, слезы в глазах и даже, кажется, текут... Они пролетели над нами, как утюги, не нарушив строя... Будьте вы прокляты! Нет, никто не поднимал кулаков и не сказал этих слов, мы все не любим слов... Но каждый подумал, уверен. В голове вертится: «Безумству храбрых поем мы песню...» А может, это не храбрость, а отчаяние?

Глава четвертая. ОПЯТЬ ДОРОГА.

Уезжаем вечером, когда уже начало темнеть. Начальник садится в кабину, мы все залезаем в кузов под зеленый брезент с красным крестом на белом круге. Никого он не защищает, этот крест. Фашисты не признают общечеловеческой морали. Все ли мы сделали правильно? («Ты — все ли?») Не все. Мне полагалось ехать с ранеными: с тем угрюмым солдатом без руки, с другими, у которых газовая возможна, а я согласился остаться с начальником. Плохо. Вон что сделал тот парень, летчик... Один на восемь. Пять заходов. «Безумству храбрых...»

Под брезентом темно, грустно. Призраки людей, лошадей, машин остаются позади. Так бы ехать и ехать, не думать ни о чем... Но думать нужно. Заботы... Как там сдали раненых? А вдруг Козельск тоже разбомбили? До Калуги — далеко... Да и Калуга...

Вспоминаю рассказы раненых о первых днях войны, об отступлении, когда за день — пятьдесят-семьдесят километров. Неужели и теперь это может повториться? Нет, не может быть! К Козельску подъезжаем часов в одиннадцать вечера. Темный, тихий городок, одноэтажные домишки... Вокзал вяло дымится, под ногами обломки кирпича, щепки... Все призрачно, замерло... Разыскали коменданта. Совершенно измученный человек, черный, охрипший, еле отвечает на наши расспросы. — Все. Наработались... Два часа назад отправили последний эшелон... Нет, всех не погрузили — не вошли... Да и времени не было. Думаю, что доедут... Мост через Упу уже проехали благополучно, его еще не разбомбили. Дальше на Тулу путь цел... Нет, не думаю, чтобы ночью поезд разбомбили... ПЭП? Не знаю... Поехали дальше — на Перемышль. Не может потеряться наш ППГ на конной тяге... Да, конечно, я должен был ехать с ними, с обозом. «Поздно сетовать».

Едем еще медленнее. Сидим с Тихомировым у самого заднего борта — боимся своих пропустить. Небо на западе все в сполохах. Стрельба от нас не отстает, кажется, что и впереди тоже... Десант?

Обоз догнали в большом селе Каменке... Он расположился на ночевку, съехал с дороги, и мы чуть не промахнули дальше.

— Ну, как? Ну, что?

Оказывается, оба обоза соединились в Козельске, недалеко от вокзала, часов в шесть вечера. Бомбежки. Санитарных поездов нет. На скорую руку собирают порожняк или выкидывают другие грузы и комплектуют летучки... Грузили туда только лежачих раненых — сколько войдет. Легкораненых не брали, те пешком в Калугу.

Утро 6 октября. Погода плохая. Выхожу на двор — снег везде. Вот тебе на! Вчера еще

было сухо и довольно тепло. По деревне движение. Выдают сухой паек, кухня сготовила баланду. Поэтому все тянутся с котелками, с противогазными сумками к большому двору, где посередине возвышается походная кухня. Над ней, еще выше, Чеплюк с длинным половником... Часов в десять по улице прокричали посыльные:

— Выезжать! По коням!

Легкораненых собрали впереди. О строе уже не поминали, могут и «послать», все злые и усталые... И считать не стали. Обоз растянулся километра на два. Подводы перегружены, медицина идет пешком. Даже толстая аптекарша. Экипировка у меня теперь не то что в первый поход. Имею каску, плащ-палатку, полевую сумку. Ремень офицерский, с портупеей. Правда, без медной бляхи. Вчера даже планшетку «заимел» с целлулоидом на крышке — для карты. Санитары подарили — от раненых наверное. Эта вещь едва ли мне нужна — карты все равно нет...

Только вечером подъехали к Калуге, сдали раненых в городе. Двести двадцать человек... В общем, можно утешать себя при желании...

Ночевали мы всей нашей операционной компанией в хорошем домике. Соломы хозяйка принесла, рядном застелила. Но лучше бы мы на земле спали... Только бы не видеть горестного недоуменного взгляда, не слышать тяжелых упреков:

— Неужто немцы придут? Как же это вы допустили немцев до самого русского сердца?..

Самое страшное — Москва рядом...

* * *

Третий день движемся по старой Калужской дороге. Было бы интересно даже, если бы не к Москве... Екатерининский тракт, широкий, обсаженный березами в два ряда с каждой стороны. Высокие мощные деревья явно состарились, но еще крепкие. С каждого хоть картину пиши. Несколько наезженных колей — для телег, не для машин... По бокам, между деревьями, пешеходные тропинки... Листья не все опали, и, когда солнце подсвечивает, красиво... Задумчивая красота, славянская.

Утром 16 октября через Калужскую заставу въезжаем в Москву. При входе в город встретили батальон ополчения, идущий защищать Москву, длинная колонна по четыре в новых, еще не обмятых шинелях. Пожилые мужчины (иные — просто старые), с очень разными лицами, идут не в ногу. Без вещей. Наверное, еще и не ходили вместе. Интеллигенция, рабочие, освобожденные от военной службы по язвам желудка, болезням глаз, туберкулезу легких. Винтовки как-то странно торчат за плечами. После каждой роты — интервал. В последнем ряду справа шагают сестрички с санитарными сумками — в таких же новых шинелях и пилотках. Мне странно видеть Москву в ее новом обличье. Странно и страшно:

Народу мало. Магазины закрыты. Железные жалюзи опущены на витринах. Связываются пожитки, укладываются на тачки, на детские коляски. Кое-где грузятся машины — выносят из квартир разный скарб, кто-то даже рояль вытащил. Около него стоят женщины и смотрят с презрением. Некоторые уходят с узлами и котомками за плечами, ведут закутанных в шали детишек, тянут импровизированные колесницы...

Мы едем по узеньким, кривым улицам южной окраины. Они застроены одно- и двухэтажными домиками, кирпичными и деревянными. В одиннадцать часов изо всех рупоров раздались позывные, и было объявлено о речи секретаря ЦК, МК и МГК партии А.С. Щербакова. Мы выслушали ее на ходу. Щербаков объяснил сложность обстановки, создавшейся на подступах к Москве. Опроверг ложные слухи: «...за Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови». Мы вздохнули с облегчением. Проехали краешком Москвы на Рязанское шоссе и потянулись на восток, на Люберцы. Там будем ночевать.

«Правда» за 16 октября: «Враг угрожает Москве». В сводке: «Положение на Западном

направлении ухудшилось...» «Враг продолжает наступать — все силы на отпор врагу!»

Глава пятая. ЕГОРЬЕВСК.

Мы в Егорьевске, почти за сто километров от Москвы. Время безделья прошло, и от этого немного легче. Оказывается, мы, ППГ-2266, вышли из отступления с честью, никого из тяжелых не бросили, имущество почти все вывезли, раненых эвакуировали. Что много разбежалось — об этом не упоминают. ПЭП наш перешел во фронтовое подчинение, потому что наша 28-я армия перестала существовать. Где Николаев и весь санотдел, пока неизвестно. Учитывая наши заслуги, нас повысили: будем выполнять функции госпиталя для раненых средней тяжести. Вчера вечером нас привезли на машинах. Обоз еще будет тащиться дня два. Выгрузили в общежитии техникума. Я получил отдельную крохотную комнату. Кровать с сеткой и даже радиоточка. Все, что передают, кажется таким родным, что слушал бы и слушал... А песня «Идет война народная...» просто за душу берет. Рядом по коридору живут все медики. Здание эвакогоспиталя, что мы получили, было рассчитано на 300 коек, в трехэтажной школе. Все сделано по высшему классу: огромная столовая, операционная, перевязочная, санпропускник с душевой, смотровой, раздевалкой — даже отравленных можно принимать... Мы развернули при этом сортировку на сто лежачих мест — и сам черт нам не брат. Уже шоковую палату спланировали и палату для газовой инфекции. С работой не очень торопят. Егорьевск стоит на отшибе. Раненых, видимо, не так много...

Под Москвой идут тяжелые бои. Больше отступать некуда. Радио и газеты: Жуков назначен командующим Западным фронтом. Дерутся на дорогах к Москве. Городов не называют, но уже сданы Можайск, Калинин и Волоколамск. На юге фашисты наступают на Донбасс, на Крым.

Сегодня мы принимаем раненых. Их привезут на санлетучке, и мы ночь напролет ждем — все нет и нет. Беспокоимся — не разбомбили ли? Но связь действует, говорят, задержка в пути. Рябов до блеска выдраил свою баню, выстроил полк пожилых дружинниц с мочалками, которые должны вымыть солдат. Приготовлены всякие приспособления: под ноги, под шины, клеенки, чтобы повязки не замачивать, — все Бочаров насоветовал. Любовь Владимировну Быкову назначили старшей сестрой в хирургическое отделение вместо Сони, которая добилась перевода в полк. Любочка, как мы зовем Быкову за глаза, — сложный товарищ, любит все делать по-своему, но порядок видит насквозь, энергии — море, командовать — генерал. При этом знания — как у врача. Двадцать лет стажа фельдшера «скорой помощи». За ней я буду, как за каменной стеной. И еще — интеллигентка, большой опыт жизни, можно интересно поговорить.

Старшая операционная сестра — Зоя Родионова. Немножко нервная белозерская девушка, но в работе быстрая, и руки хорошие. Тамара у нее -главный помощник. Есть и еще одна — маленькая худенькая белянка, пришла в Сухиничах с Любочкой — Маша Полетова. Бригада отличная. У них тоже все готово. Лампа над операционным столом 500 ватт! Перевязочная, правда, маловата. Начальник ходит в новом халате, щёки надул, важный. Не то что на дороге, под дождем. Хотя, впрочем, он и там был важный. Умеет. В пять утра, наконец, загудели огромные санитарные автобусы, и все выскакивают на мороз. Быстро разнеслось — в сортировке, на кухне, даже, наверное, на конюшне:

— Привезли!

— Привезли!

Все сразу пошло, как по писаному. Разгрузка, горячий чай, сортировка, раздевание. Вот они, раненые из-под Москвы. Они устали и измучились в летучке, хотя прибыли к нам из армейских ППГ — настоящих полевых. Ранены два-пять дней назад. Половина лежачих, но раненых с шинами Дитерихса не видно — их отобрали прямо на станции. По карточкам — ранения средней тяжести и просто легкие. А как они уже одеты, это московские раненые! Нет, немец нам не страшен. Если страна сумела так одеть солдата, значит, самые тяжелые

дни уже миновали. Раздевание оказалось сложным. На каждом бойце шинель, шапка, подшлемник, ботинки с двумя портянками — байковой и суконной, рукавицы теплые. Ниже — ватный костюм: фуфайка и штаны. Еще слой — теплое белье. У некоторых под ним еще простое белье. И шарфы, не форменные, домашние — «из подарков», говорят. Женщины — раздевальщицы радостно похохатывают:

— Как кочаны капусты!

— Как на фронте дела?

Спрашивать этого не следует. Раненые — всегда пессимисты. Мы уже имеем опыт. Но, оказывается, нет, и у раненых психология изменилась.

— Немец жмет... страшное дело!

— Ну, а вы?

— Мы-то? Мы стоим. Стоим, уперлись. Мужики не любят громких слов. Никто не сказал: «Стоим насмерть».

— Как потери?

— Не очень большие. Зарылись в землю.

— Воевали летом?

— Больше свеженькие. Почти все свежие. Из эшелонов и прямо в оборону.

За два захода привезли сто тридцать пять человек. Все раненые обработаны, и большой хирургии от нас не требовалось. Но все же оперируем: рассекаем раны, если сделаны только «пятачки»[10], удаляем осколки и пули, когда их удается нащупать... Пунктируем грудь — чтобы отсосать гемоторакс. Как жаль, что у нас нет рентгена! Заканчиваем перевязки около десяти вечера. Не быстро, но терпимо. Все довольны. Поработали для обороны столицы.

* * *

Прошли праздники. Идут жестокие бои под Москвой. Сталин замечательную речь произнес, провел парад. Все это так здорово, что и сказать нельзя. Только бы выстояли! Как это у него сильно сказано: «Враг не так силен, как его изображают... Еще полгодика, может быть, годик, и гитлеровская Германия лопнет под тяжестью своих преступлений... Пусть вдохновляют вас в этой войне мужественные образы наших великих предков...» Всех русских героев перечислил от Невского до Кутузова. Сумел вдохнуть уверенность в победе. Похоже, что наступление немцев остановлено. Каждый вечер слушаю мотив: «Идет война народная...» На всю жизнь запомнится.

Мы учимся лечить огнестрельные переломы. Аркадий Алексеевич Бочаров приходит к нам чуть не каждый день и показывает вторичную обработку ран и, главное, гипс.

Началось это 6 ноября днем, когда он зашел в перевязочную, где мы с Канским налаживали сооружение из гипса и металла — мостовидную повязку при переломе голени.

— Бросьте вы это, Николай Михайлович! Давайте я сделаю как нужно. По-современному.

И сделал. Рана была хорошо обработана, он наложил гипсовую повязку прямо на рану, как на закрытый перелом. И как наложил — с блеском! Сам сделал гипсовые лонгеты, сам загипсовал, отмоделировал — получилась легкая, красивая повязка. Написал на ней дату чернильным карандашом, нарисовал рану и перелом, полюбовался секунду и сказал:

— Вот как надо!

Мы приступили с детскими вопросами, с примитивными сомнениями — он начал нам объяснять, как маленьким. Глухая гипсовая повязка — вот метод, который сделал переворот в лечении переломов на войне. Проводники его в Советском Союзе — учитель Бочарова Сергей Сергеевич Юдин и юдинцы. Мы имеем возможность учиться из первоисточников. У меня всего два года стажа — нет собственных хирургических убеждений, нет даже

---

[10] «Пятачок» — нерадикальная обработка раны, иссечение небольшого участка только кожи.

настоящей книжной эрудиции. Меня-то легко убедить, а вот Бочаров жалуется на «доцентов» — они не приемлют гипс, и ему трудно с ними. Поэтому и мотается из госпиталя в госпиталь, «учит показом». А мне жалуется: «Такие они консерваторы... и неучи притом». Я польщен! Доверие! Мы не консерваторы, точно.

Итак — да здравствует глухой гипс! Оказывается, — до чего я неграмотен! — писали в хирургических журналах после финской о глухом гипсе. История у него давняя и источники русские! Отец нашей хирургии, Пирогов, применял его на Кавказе — загипсовал раздробленную пулей ногу и получил эффект. Юдин возродил метод во время войны с белофиннами. Он соединил три важнейших элемента: радикальную хирургическую обработку, сульфамиды и глухую гипсовую повязку. Результаты — отличные... Говорят, за границей этот метод называют «русским». Преимущества для лечения переломов очевидны: обломки не могут сместиться, правильно и быстро срастаются, раненый может ходить, наступая на ногу, — нет атрофии мышц. Но для раны сомнительно. Не верю, что микробы погибают в гное, который медленно просыхает через гипс. Техника повязки очень важна. Юдинцы применяли лонгетно-круговую, строго стандартизованную методу, ее легко освоить. Мы уже обучились накладывать повязки на голень, предплечье и плечо. Первым гипсую я сам, потом — Канский, потом сестры. Нужно иметь штатного гипсовальщика. Канского на это дело жаль, он важен как универсал. Недостатки у этого метода тоже есть. И, в частности, для войны. Нужна отличная первичная обработка раны. А кто, где и когда будет ее делать? Нет времени, нет хирургов, нет условий. Еще: трудно наблюдать раненого под гипсом. Раны не видны, А вдруг флегмона, гнойные затеки, газовая, сепсис?.. Нужны квалифицированные хирурги и опыт.

* * *

Из резерва прислали группу медиков — все они вышли из окружения. Нам дали операционную сестру, и она сразу заболела. Подумалось: «То-то будет работник». Это Лида Денисенко. Высокая, худая, белокурая... довольно красивая. Очень скромная... Стыдно ей, что голова кружится и ходить не может. Студентка третьего курса пединститута в Смоленске. Кончила курсы медсестер во время финской, но тогда на войну не успела, а сейчас — как раз. Медсанбат. Лес. Подвижная оборона. Больше ездили, но несколько раз оперировали сутками, раненые умирали. Знаменитая Соловьева переправа через Днепр в сентябре. Потеряли все машины, погибли люди. Дали новое имущество, дивизию пополнили. Снова работа. В октябре — прорыв немцев на Вязьму. Приказали: «Из окружения выходить мелкими группами». Оказалась в лесу с подругой, немцы рядом, слышна их речь. Их подобрали наши солдаты. Очень хорошие ребята, с ними и выходили тридцать дней. Страх, голод, холод. Немцы, обстрелы, предатели в деревнях. Потеряли двух человек убитыми. Обносились, обессилели. Наконец, попали к партизанам, и те перевели через фронт. Эмоции. Досталось девке. Героизма не проявила, но комсомольский билет в поясе вынесла. И в гимнастерке пришла с треугольничками. Спросил Лиду, кем у нее отец работал в Смоленске. Она засмеялась, потом сказала:

— Первым секретарем обкома... Пока на курсы не послали перед войной. Теперь даже не знаю где. Сказали, на Ленинградском фронте.

Вчера «В последний час»: наши взяли Ростов! Однако сегодня оставили Тихвин — к Череповцу близко... Но почему-то нет ощущения тревоги.

У нас что-то вроде хирургического праздника: обработали и загипсовали «бедро», то есть перелом бедра. Фамилия раненого — Смагин, кадровый старшина, артиллерист, воюет от самого Бреста. На подступах к Москве осколком фугасной бомбы оторвало левую руку и раздробило правое бедро. Привезли к нам на самолете, не по профилю. Но не отправлять же его — очень тяжелый. Губы пергаментные, температура под сорок, а он шутит с сестрами. Видно, парень сильный. Гранулирующая культя плеча и грязная вялая рана на передней поверхности бедра... Аркадий Алексеевич посмотрел и посоветовал наложить глухую

гипсовую повязку. Мне стало не по себе. У парня септическое состояние, а мы его замуруем. Но авторитет Бочарова велик. Он послал за ЦУГ-аппаратом[11] в другой госпиталь, его принесли через полчаса. Приготовили набор гипсовых лонгет, все, что полагается. Дали эфирный наркоз, взгромоздили на ЦУГ-аппарат — я его тоже в первый раз вижу. Сооружение сложное, пожалуй, самим не сделать, а без него нельзя. И раненого уложить на него непросто, нужен наркоз. Бочаров сделал разрез на задней поверхности бедра для стока гноя и наложил высокий глухой гипс — от сосков до кончиков пальцев. Парень проснулся и, несмотря на озноб, все равно шутил. Такие должны поправляться. Воля к жизни.

* * *

13 декабря. Ура! Ура! Ура! «В последний час»: «Поражение немецких войск на подступах к Москве!» Наши остановили немцев и перешли в контрнаступление. Освободили Солнечногорск, Истру, десятки других населенных пунктов. Уничтожено массу техники, разбито много дивизий. Выстояли все-таки, выстояли, не отдали Москву, а теперь гонят немцев! И как гонят! Скоро прибудут раненые — уже «наступающие». Возможно, их будет много.

А на дворе -27°! Но нашим солдатам мороз не страшен. Еще не видел ни одного обмороженного. С утра хожу по палатам и поздравляю раненых. Они уже знают и тоже ликуют. И их кровь влита в эту победу.

— По сто грамм надо, товарищ военврач!

Надо бы, верно... Но есть строгие приказы. Может, дать вина для тяжелых? Нет, нельзя — обида.

Смагин лежит с высокой температурой, но веселый, даже торжественный. — Не зря! Главное, не зря я без руки остался. Теперь скорее поправиться, скорее!

Думаю: «Еще и без ноги можешь, и вообще можешь умереть». Мы лечим его всеми средствами годинской школы.

Теперь мы все устремлены вперед. Скоро поедем! Не знаю, куда двинемся. Мы теперь фронтового подчинения. Не важно — нужно работать. Хорошо работать!

Сводка опять отличная. Взяли Клин и Ясную Поляну! Наступают на нескольких фронтах сразу: на Таганрог, на Калинин, на запад от Ельца и, главное, под Москвой. В газетах портреты Жукова и других генералов — наверное, командующие армиями.

Япония напала на Соединенные Штаты, разгромила военную базу на острове Пирл-Харбор. Потери у американцев большие. Рузвельт объявил войну. Говорят, что это выгодно для нас, что теперь мы будем союзниками..

* * *

Кретин и дурак я. И не мне руководить хирургией в госпитале. «Плохо, Николай Михайлович, очень плохо». Так сказал Бочаров, больше ничего не прибавил. Только что пришел со вскрытия, лежу на кровати, перебираю всё в памяти. Где я ошибся? Почему? Первое — раненый долго ждал перевязки. Не было должной сортировки. Успокоились, что все раненые примерно одинаковые...

Красноармеец Георгиев, 24 года. Ранен четыре дня назад — в наступлении. В наступлении! И все ему сделали правильно сначала — до нас. В сортировке с шести утра, температура — 38,2°. На перевязку попал только в два часа дня. Значит, не расспросили, он пожаловался бы. На стол положили сильного парня, с отросшей черной бородкой на бледных щеках. Когда развязывали, кричал от боли. Вид у раны был безобидный... Точно помню. Но

---

[11] ЦУГ-аппарат — специальный аппарат, позволяющий фиксировать таз и конечности и производить вытяжение сломанной кости перед гипсованием.

голень отечна. Повязка, шина, в палату. Ничего не заметили. Значит, не сумел заметить! Или плохо смотрел? Перевязки продолжались. Очередь в сортировке была большая, и мы спешили. Нельзя, значит, спешить. Нет... спешить нужно, но сортировать... А, все это — пустые разговоры. Нет опыта...

Дальше была ошибка. Палатная сестра пришла часа через три и попросила Лизу зайти посмотреть: «Георгиев беспокоен, срывает повязку, кричит!» Я услышал, сказал: «Сделать ему морфий. Он просто невропат...» Именно я виноват, потому что иначе докторша сходила бы, может, что-нибудь и нашла бы... Это было в шестом часу. В восемь сестра снова пришла — не помог укол. «Кричит, что повязка давит! Постоянно воду пьет, мечется...»

Глава шестая. ПОДОЛЬСК.

Как долго длятся эти переезды. Вчера, 7 января, мы, наконец, приступили к работе. И какая работа! Нам отвели три верхних этажа госпиталя, что в школьном здании. Профиль — «средняя тяжесть». На первом этаже расположился эвакопункт — он сортирует всех поступающих: кого в ГЛР, кого в спецгоспиталь для тяжелых, остальных — нам.

За неделю многое изменилось. Уже нет терапии, вместо нее — второе хирургическое отделение с новым начальником. Кандидат медицинских наук Залкинд, мой старый знакомый по Архангельску. Был ассистентом на факультетской хирургии, где я пробыл два месяца перед тем, как сбежать совсем. Ученик Бурденко, нейрохирург. Интересный человек, книголюб, эрудит. Курит трубку и оттопыривает нижнюю губу. Увы — он назначен ведущим хирургом.

Бочаров сказал:

— Иначе нельзя. Он кандидат, а вы еще молоды. Но он не будет вами командовать, вы будете совсем самостоятельны, со своим профилем... Обещаю вам.

Бог с ним. Дело не в звании — так я себя утешаю. Важно, чтобы работать самостоятельно.

Залкинд и я руководим бригадами, каждая обслуживает по сто пятьдесят раненых. Работаем по двенадцать часов. Живем в бывшем роддоме. Ничего живем, удобно. Сплю на высокой родильной кровати.

Сегодня наша смена. Торопимся утром в госпиталь с Линой и Лизой — они, естественно, в моей бригаде, так же, как Зоя и Тамара. А Канского у меня забрали.

Холод адский. Пускай, фрицев нужно морозить. Раньше в нашей северной деревне так морозили тараканов. Около госпиталя стоят две открытые полуторки и автобус. Санитары снимают с них носилки. Слышу монотонные слова-стоны:

— Ой, скорее; скорее!.. Ой, холодно!

Главный приемник ЭП — физкультурный зал («вокзал») — вмещает до двухсот человек. Середина заставлена носилками. Вдоль стен и в проходах сидят. Справа у входа регистрация — стол, фельдшер в окровавленном халате. Все заполнено по завязку. Очумелый, заросший, опухший военврач ходит между рядами и сортирует. С ним сестра, еще несколько санитаров разносят питье, еду, судна. Гул голосов, дым махры, света мало — окна заделаны фанерой, горит лампочка под потолком. Я бодренько спрашиваю:

— Ну, как обстановка, доктор?

— Что, не видишь? Если к полудню летучка не придет — друг на друга ставить будем. Ты на смену? Забирай вот этих, правый ряд. Свеженькие, из армии...

Ординаторская еще свободна от носилок, и там собрались наша и ночная бригады. Залкинд сидит со своей трубкой, важный, прямой, как гусь.

— Устал, знаешь... Человек пятьдесят перевязали... Ты посмотри, пожалуйста, новых.

Пятьдесят — это мало, я знаю, но не положено спрашивать и советовать. Мы все-таки мужчины.

— Пошли, девчата!

Машина закрутилась. Лина, Лиза в перевязочную — обрабатывать новых, я в обход —

сортировать. Первое — отобрать на эвакуацию. Нужны места, ЭП задыхается. Отправлять в хорошем состоянии, с хорошими повязками. Отмечать: «Лежа», «Сидя». Второе — на перевязку, не пропустить газовую, кому надо — гипс. Да, Бочаров уже требует гипс, хотя нам совсем не до него — барахтаемся в потоке раненых, в постоянном цейтноте, кризисе мест. «Вы госпиталь! И сейчас не русско-японская война». Все понимаю, но как охватить?

У нас вид приличий. Кровати, белье, халаты. К сожалению, это внешне. Моем только тех, кто задерживается, потому что пропускник забит ранеными.

Полегчает — разберемся. «Когда полегчает, уедем, — так сказал Бочаров. — Наступать».

Раненые не тяжелые, но большинство лежачих. Ранения мягких тканей и переломы голени, стопы. А обмороженных по-прежнему нет. Это при таком-то морозе, при наступлении, когда нет блиндажей и окопов, когда села сожжены. Да, интенданты молодцы!

А вот вши — есть. Не так много, сам не вижу, но сестры говорят, что есть. Вещи прожариваем. Того и гляди, сыпной тиф, как в гражданскую был.

Перевязки. Принести раненого на носилках, положить на стол — двое санитаров-носильщиков. Развязать бинт, шину, салфетки — обнажить рану. Если перевязка первая после операции, обработки раны, марля приклеилась, больно. Можно перекисью смочить и медленно-медленно отдирать от кожи. Хорошо, но очень долго. Времени нет. Можно рывком — без предупреждения.

— Что ты делаешь, холера!.. Что ты рвешь! Отмочить нужно...

Тамара — мастер уговаривать, взывать к мужскому терпению.

— Ты потерпи, родной, потерпи... Я сразу сниму, немножко больно будет, но зато быстро... А так, если отмачивать, — и больно, и долго. Хорошо? Ты же солдат, потерпи.

Зоя стоит у стерильного стола в стерильном халате и перчатках, по всем правилам.

Все операции я делаю сам — это быстрее. Маленькие рассечения — под местной анестезией, большие — под наркозом. Оперируем примерно каждого пятого. Радикальные иссечения уже явно опоздали — вторые-третьи сутки идут. Но рассекать необходимо. Газовой пока нет. Зимой микробов меньше. О гипсах: для глухих повязок условий нет — во-первых, времени требуют, во-вторых, эвакуацию задерживают. За прошлый день наложили всего четыре — три на голени и на плечо с жилеткой. Но есть паллиатив — гипсовые лонгеты как транспортная иммобилизация улучшенного качества. Не вижу особого смысла, но требует Бочаров. Так и крутим:

— Санитары! Стол пустует! Живее!

— Варя, лонгету на голень!

— Зоя, все для иссечения, под местной!

— Тамара, наркоз!

— Лиза, запиши: «Кириллов. Слепое пулевое ранение средней трети левой голени, с переломом большебериовой кости, осколчатым. Отек. Рана 3х0,8, не обработанная. Операция. Рассечение: разрез 9 см до кости. Удалены свободные костные осколки — 2. Пуля не найдена. Повязка с хлорамином. Шина Крамера до паха. Эвакуация — «лежа». Перед эвакуацией посмотреть. Все. Следующий?

Периодически в перевязочной появляется кипящая Любовь Владимировна:

— Николай Михайлович! ЭП требует принять еще восемь лежачих. Положить некуда. Говорят, все равно принесут. Что делать?

— Что делать?! Почем я знаю что! Кладите по двое!

— Но это ужасно!..

И так часов до четырех, пока обед не принесут. К восьми вечера приходит другая бригада. После ужина и уборки перевязочной, часов в девять, они вступают на главную линию, а мы отправляемся на вечерний обход и начинаем несрочные повторные перевязки. Возвращаемся в свой роддом в час или два ночи. Бредем по морозу и снегу, чуть живые, но удовлетворенные. Хотя всех дел не переделать и что-то до утра осталось, но не срочное.

* * *

Неужели я такой тупой, что никогда не научусь разбираться в раненых? Сколько самонадеянности, бахвальства, пока на пустяках сижу, а как до дела доходит, так ляпсусы. Просто хоть плачь. Ужасное ощущение осталось в руках. На всю жизнь останется.

Боец Попков был ранен при бомбежке в самом Подольске, где-то рядом, и доставлен в ЭП через десять минут. (Мы не замечаем бомбежек, если стекла не выпадают. Тут же не выпали... Нет, не герои — просто некогда). Меня вызвали сразу же. Двое санитаров несут его к нам на носилках, а он бьется и кричит: «Пустите!» Правая штанина вся изорвана, и сквозь дыру зияет кровавое месиво, клочья мышц... А он ничего не понимает и ворочает раздробленной ногой, прямо страшно смотреть, как она гнется посредине бедра... Лужица крови на носилках, хотя жгут уже доктор наложил. Он в сознании, но не понимает, затихает на секунду после уговоров и снова принимается кричать и биться. Пульс полный, редкий, не больше 60. Бегом понесли в перевязочную. Пока раздевали и перекладывали жгут на голое тело, он стал стихать, уже не так рвался и кричал, наполнение пульса начало падать, а частота возрастала. Я думал, что он просто возбужден от бомбежки. Конечно, сразу морфий, сердечные, согревать. Через; полчаса — вся картина шока: совсем затих и только дрожал и жаловался на холод, несмотря на грелки. Заторопились с вливаниями. Пол-литра крови, литр физраствора с глюкозой и спиртом перелили в вену в течение часа. Кровяное давление если не очень повысилось, то во всяком случае стабилизировалось на цифрах 80-90. Нужно что-то делать. Жгут лежит. На задней поверхности бедра — огромная рана, не менее, чем 20 на 30 сантиметров. Все ткани превращены буквально в кашу. В бедре почти не чувствуется кости — она мелко раздроблена. Вот тут мне нужно было остановиться. Тут! Но где там! Я же такой опытный, такой юдинец, начитался книжечек о чудесах глухого гипса, решил, что самое время проверить эти чудеса. Абсолютно свежая рана, весьма опытный хирург и гипсовальщик, условия для квалифицированного наблюдения и лечения...

— Обработаем и загипсуем!

Никто не возразил — как же, наш Амосов все знает, сам Бочаров с ним возится и хвалит.

— Эфир! Зоя, все для радикальной обработки! Лина, помогать!

Дали. Заснул.

И тут еще можно было остановиться... Нет, я не остановился на простом рассечении. Стал делать идеальную обработку бедра по Юдину. Иссек массу разрушенной мышечной ткани, удалил свободные отломки кости. Раненого уложили на подставку и быстро наложили идеальный гипс из готовых лонгет и бинтов.

Когда приступали к гипсованию, был приличный пульс, давление около 100, ровное, глубокое дыхание — он вышел из шока. Я торжествовал: «Вот как надо обрабатывать бедра!»

Наконец все сделано. Маска снята. Тут началось нечто странное и... ужасное. Раненый открыл глаза, дико посмотрел кругом и вдруг стал силой вырываться. Молотил руками, пинался здоровой ногой, пытался сесть... И самое страшное, он начал яростно двигать сломанным бедром. Три санитара и все мы держали его руки, грудь, ноги... Вытащили подставку, прижали к столу... Не помогало. Мягкий мокрый гипс — не опора. Я обхватил сломанное бедро, старался удержать его центральный отломок. Где там... И сейчас чувствую в руках, кик ходит под гипсом конец кости, гипс уже смят, как тряпка...

Такой пароксизм продолжался минут пять, потом он начал затихать... Уже можно отпустить... Я щупаю пульс — нет! Сразу же начали колоть сердечные, переливать кровь, спирт с глюкозой, но уже поздно... Еще через десять минут сердце остановилось.

Умер.

Лежит на столе в измочаленной гипсовой повязке, через которую просачивается кровь... Молодой человек, красивое лицо, отличная мускулатура плеч и груди...

А ладони еще чувствуют, как под мягкой гипсовой повязкой ходит остро сломанная

кость, и невозможно ее остановить...

Мы стоим вокруг и молчим. Ничего не думаю, никаких мыслей нет...

— Уносите.

На первом этаже у эповцев есть темная комнатка, куда выносят покойников. Унесли. Санитар Игумнов посмотрел на меня с укором и сожалением.

— Приберите грязь и давайте на перевязки...

Тут позвали в палату за чем-то, и все пошло по заведенному кругу. Автоматически.

Перевязки. Рассечение ран. Гипсы. Эвакуировать: «Лежа», «Сидя». «Задержать на два дня», «Смотреть за отеком бедра...»

А в мозгу идет своя независимая работа.

Шок! Вот он — шок. Сначала эрективный, как его называют... Потом был настоящий. Вторичный, что ли? Под наркозом он как будто прошел. Потом... Что же потом? Возбуждение от шока или шок от посленаркозного возбуждения? А какое это имеет значение теперь, когда его уже вынесли в ту самую темную комнату?

Но не думать нельзя. «Вот тут надо было остановиться, когда положили его на стол, наладили все вливания. Нужно было снять жгут, наложить зажимы только на кровоточащие сосуды и так оставить. Только переливать кровь и греть, греть. И ждать, пока он совсем отойдет, оправится. Потом, может быть, и обработку. Или еще лучше простую ампутацию-усечение. Нельзя, не нужно сохранять такую размозженную ногу. Это инфекция впереди, может, газовая даже...

Да, вот так: снять жгут, элементарный гемостаз, ожидание, пока выйдет из шока совсем, потом — усечение. Ведь знал, что чрезмерная активность при шоке опасна. Знал, но не думал: разбитые ткани и жгут — сами источник шока...

Не возвращаются покойники.

* * *

Покойники не возвращаются...

И этого капитана не вернуть — никак... Беды навалились, смерти — нет спасения. Будь проклята, война! Его привезли сегодня прямо с передовой, в открытой машине. Солдаты, видимо, торопились скорее доставить своего командира к хирургам в госпиталь, в теплый дом. «Они тебя спасут!» — небось, говорили. Правильно делали. Зачем оставлять в медсанбате, когда там — очередь, холод, а тут лишние полчаса — и Подольск. Все правильно. И мы вроде тоже все правильно делали на этот раз...

А результат такой же, как у того, Попкова. Ни черта не стоит эта наша наука! Не тянет она за другими, жестокими науками, которые смерть изобретают.

Их двоих привезли с ранениями живота. Один умер в сортировке через пятнадцать минут: там уже мы ничего не могли сделать — последние редкие вздохи.

Второй слабо стонал, просил: «П-и-и-ть, п-и-ть..», двигал беспокойно руками. Пульс — еле-еле. Сразу же принесли в перевязочную. Морфий, камфару, грелки. В верхней части живота — рана сантиметра два. Ощупывание бесполезно. Ясно — ранение, проникающее в брюшную полость, с повреждением органов, может, даже с кровотечением.

Совершенно холодный, весь дрожит — 30 градусов мороза на дворе.

— Нет, так мы не согреем. Давайте в ванную — к железной печке!

Снесли, отогревали полчаса, продолжали капельно вливать глюкозу со спиртом. Не помогает. Давление — 70. Но успокоился, лежит почти безучастный...

— Нужно оперировать, товарищ капитан!

Кивнул. Хочет поговорить, мы тут же наклонились над ним.

— Да, раз нужно... только... чувствую... умру. Знаете, как мы воевали... Я ротный... рота у меня... выстояли в ноябре, теперь гоним... Народ такой замечательный... как один поднялись сегодня и всегда. Русские люди, сибиряки... жалко мне их. Попадет какой-нибудь горячка — погубит ребят зря...Я их так берег...

Так мы ждали три часа. Он забывался, потом опять начинал говорить, рассказывал о семье: двое детей, был учителем, жена тоже учительница.

...В гимнастерке в документах... Там адрес и... Да-да, принесите мне их... Карточки там... Как это я забыл? Не попрощался... Умираю, а все о делах думаю... Не верит человек в смерть.

Принесли документы, нашли фотографию. Два мальчика, женщина с челочкой, серьезная, некрасивая. Погладил фотографию... Потом забылся, выронил, спохватился, стал шарить руками: «Где... где они?..»

Я решил: «Нет, больше ждать нельзя». Идут часы, уже кончается контрольный срок для живота — шесть часов. Дальше катастрофически растет опасность перитонита. Уже четыре часа ждем — не лучше. Рана почти над печенью, возможно кровотечение... Все уже готово для операции.

— Начинай, Тамара, наркоз.

Обычная, нетрудная, довольно быстрая лапаротомия. Ранение желудка, кровь и пища в брюшной полости, даже осколок нашли. Все дырки зашили, осушили тампонами содержимое. Стрептоцид засыпали. Швы наглухо.

— Пульса нет!

Это Тамара сказала мне, когда кончили зашивать. Щупаю сам — нет. Только на шее бьется артерия. Дыхание редкое, поверхностное.

Умирает капитан. Командир роты. Учитель. Отец и муж... А так хотелось его спасти!

Еще 500 кубиков крови в вену. Еще глюкозу... Ну, очнись же, очнись! Ведь все сделано, как надо, по науке... Нет, не помогает... Может быть, лучше, что не просыпается...

Обнажил артерию, и вкачали в нее три ампулы крови, быстро, с давлением.

Все напрасно, как в песок. Еще час были редкие вздохи, можно было выслушать отдельные сердечные удары...

Уже не молил о чуде. Чудес не бывает... На следующее утро приехали лейтенант и три солдата забирать капитана. Сухо выслушали мои виноватые объяснения. Нет, не поверили, что нельзя было.

Наверное, решили: «Не к тому хирургу привезли...»

Но дело не в личной амбиции. Проблема шока — нужно о ней думать и думать.

Между тем наши войска ушли вперед, и работа схлынула. Стало далеко возить раненых. Наш ПЭП переезжает в Калугу. Бочаров заходил проститься и пообещал большую работу.

— Будете там спецгоспиталем...

— Сколько у нас будет коек?

Он не ответил, что-то думал. Уже уходя, сказал из дверей:

— Коек шестьсот понадобится, не меньше. Все отсыпаются. Бригады ликвидировали, работаем только днем. Ночью дежурный хирург с сестрой обрабатывают срочных, если поступают.

Я съездил в Москву, в медицинскую библиотеку, почитал кое-что по шоку. Думаю о нем постоянно.

Глава седьмая. ФЕВРАЛЬ 42-ГО. КАЛУГА.

23 января в полдень принесли приказ: немедленно переезжать в Калугу. ПЭП прислал машины — два автобуса и полуторку. С начальником в последнюю неделю случилась беда: он запил. С утра трезвый, смущенный, в обед — веселый, а вечером — пьяный. Противно. Поэтому собирались без него. Комиссар и Тихомиров командовали погрузкой.

Автобусы большие, но на тяжелый груз не рассчитаны. В первую очередь взяли хозяйство операционной. Кажется, еще погрузили белье, одеяла. Чеплюк и часть кухни — на грузовик. Все остальное — в обоз. Продукты обещали в Калуге дать. Развертываться в зданиях, как в Подольске. Город уже три недели наш, небось, все есть. Так мы рассуждали в

автобусе.

Приехали в Калугу утром 24-го, совершенно замерзшие. Как солдаты воюют в такую стужу?

Мы с Тихомировым рассматриваем город с пристрастием — ищем дом для госпиталя.

Длинная вокзальная улица. Все каменные дома сожжены или взорваны. Людей мало. На перекрестках черные дощечки с названиями улиц по-немецки, а ниже — по-русски.

В стороне от проезжей части — немецкая техника. Не так густо, как на снимках в газетах, но попадаются пушки, «разутые» грузовики и огромные гусеничные и многоколесные вездеходы с несколькими рядами сидений для солдат. Я видел в довоенных хрониках, как на них немцы восседали, когда Европу завоевывали.

Поближе к центру стали попадаться уцелевшие дома. В некоторых уже живут — окна заделаны фанерой и досками, выставлены дымящие железные трубы.

Трупы еще не все убраны — видели несколько, валяются в подворотне, в легких френчах, очень белые лица, и волосы развеваются на ветру. Вот они, «белокурые бестии». Домаршировались. Ищу внутри себя чувства: нет, не жалко.

В центре много целых, но замороженных домов без стекол. Один понравился. Вывеска: «Педагогический институт». Завернули. Стекла выбиты, но не горел. Казарма, что ли, была? На стенах нарисованы забавные картинки — жрут, пируют и похабщина. По углам валяются бутылки из-под вин. Посмотрел — французские. В нескольких комнатах выломаны полы — видны щепки, видимо, рубили на топливо. Груды тряпья, русские деревенские одеяла из лоскутов, дерюги. Кутались. Мебели не видно — всю сожгли.

В одной комнате был штаб. Вороха всяких бумаг, и среди них разбросаны солдатские книжки. Возможно, погибших... Солидные книжки, бумага хорошая. Фотографии — все молодые, умные лица. «Культурная нация». Многие интеллигенты на Западе уповали на эту культуру, когда Гитлер пришел к власти, а вышло вот что. Эти вот красивые молодые люди с хорошими прическами насилуют, жгут, убивают...

Этот дом нам подходит. Нужно немедленно начинать ремонт. Заделать окна, затопить.

Внизу нашли кабинет с целыми стеклами. Выгрузили имущество. Затопили печку, хотели согреться. Безнадежно! Стены так промерзли, что для оттаивания понадобится неделя. Нужно устанавливать времянки — железные бочки. Мы еще опыта не имеем. Да и где искать бочки, трубы?

Мы — четверо врачей — обосновались все-таки напротив, в деревянном домике. Чудные русские люди попались. Первый знакомый, переживший немцев. Старый учитель естествознания. «В Дерпте вместе с Бурденко кончал». Его жена — помоложе, тоже учительница. Приняли нас, как родных. В захламленной интеллигентской квартире было холодно, но терпимо. Вскипятили чай, принесли картофельных лепешек.

С Тихомировым распланировали госпиталь. И началась страда ремонта... Дрова, доски, уборка, плотники, дружинницы, транспорт...

Утром 26-го все изменилось. Приехал начальник ПЭПа и сказал, что дом мал. Вместит триста человек, а нужно шестьсот. Приказал сейчас же принять помещение ЭПа вместе с ранеными. Это оказалось недалеко. Мрачное трехэтажное здание бывшей духовной семинарии Высокие полукруглые окна заделаны фанерой и досками, во многих торчат трубы, из которых валит дым. Солидный подъезд, большие двери и ряд машин с ранеными. Разгружают. Знакомая картина: носилки, торчащие из-под шинелей шины Дитерихса, согнутые сидячие фигуры с разрезанными рукавами шинелей и белыми бинтами. Сосульки на бровях и ресницах. Стоны, чертыхания, просьбы.

Заходим. Двери с тугой пружиной оглушительно хлопают. Вестибюль со сводчатыми потолками. Темно. Едкий дым, влажный туман. Чуть виднеется свет нескольких коптилок. Из вестибюля — вправо и влево — широченные коридоры, тоже со сводами. В два ряда на полу стоят носилки с ранеными, посредине проход, едва можно разойтись. Холодно. В конце коридора бочка, в которой тлеют сырые дрова, и дым валит через дыру. По обе стороны коридора — классы. Окна в них забиты почти полностью — оставлено по одному квадратику

стекла. В каждом — бочка с сырыми дровами, труба торчит в окно. В некоторых кровати без матрацев, на них носилки. В других — носилки прямо на полу. В третьих — голый пол. В палатах и коридоре мечутся фигуры в белых халатах поверх шинелей, в шапках.

— Санитар! Дай каску!

Каску... Немецкие каски вместо подкладных суден... Вон несет санитар сразу две — к двери на улицу. Разыскали перевязочную. Очень большая комната. Такой же дым, туман, холод. Посредине стоит бочка, правда, огонь в ней поярче, труба тянется далеко в окно. Вокруг печки кучи дров, две скамейки. Сидят раненые. Три стола, на них перевязывают одетых. Две сестры устало передвигаются, халаты поверх шинелей, в шапках. Врач в такой же одежде сидит за столиком и заполняет карточки. Двое санитаров обматывают шины справа от входа. Слева стоит автоклав, отгороженный вешалками, на них висят шинели. Санпропускник есть, но заложен ранеными. Воды нет. Пить разносят в консервных банках.

Второй этаж еще почти пуст. Окна заделаны, печки поставлены, кое-где топятся. На третьем этаже потолки ниже, печек нет, окна заделывают солдаты из саперного батальона.

— Мы вам и отопление наладим... Только когда, не знаю. Водопровод в городе не работает еще. Теперь все ясно. Пошли искать начальство ЭПа. Нашли начмеда. Пожилой, измученный, небритый доктор.

— Мне приказано к 12.00 передать раненых. После полудня начинаем работать на новом месте. Начальник уже там.

Передача состоялась. Доктор просто сказал, что в здании лежит около двухсот раненых, ежедневно они, ЭП — будут давать нам еще примерно сто.

Эвакуации пока нет, потому что возят на Алексин, а мост взорван и раненых перевозят по льду... Дрова можно брать где-то около лесопилки, а воду нужно возить в бочках из реки.

— Засим будьте здоровы! Раненые говорят, что бои тяжелые...

Упрашиваю:

— Вы хотя бы сегодня нам не направляйте новых. Только сегодня.

— Не обещаю. Там у нас на новом месте, наверное, еще хуже. Так что... сами понимаете.

Через час они свернули перевязочную и уехали. Напоить. Согреть. Убрать. Накормить. Только потом — не дать умереть от кровотечения, заметить газовую, чтобы ампутировать, выловить шоковых и попытаться помочь. В последнюю очередь — перевязки и профилактическая хирургия.

Начальника нет. Комиссар не знает, не может. Залкинд — тоже.

Пришлось мне командовать. Вызвал хозяйственников, старших сестер и аптекаршу.

Оказалось еще хуже, чем думал. Простыни есть, а подушек нет. Миски есть, ложек нет. Крупы тоже нет. Аптека, оказывается, в обозе. («Никогда больше не доверюсь начальству. Никогда!»)

Начнроду приказал накормить. Рябову — организовать прием.

После этого началась работа. То есть ничего радикального и быстрого не совершилось, но дружинниц привели, поставили на каждую палату по два человека и обязали обслуживать круглые сутки.

Таким образом освободили мужчин для заготовки дров, чтобы воду подвезти, за продуктами съездить, чтобы новые палаты осваивать — раненые не переставали прибывать. Воды привезли, котел в прачечной затопили, начали варить гречневый суп. Пришлось идти по дворам просить посуду — ведра, ложки...

Самое трудное было наладить отопление. Дрова сырые, тяга в бочках плохая, дым просто жить не дает. Промерзшие стены сразу покрылись влагой и дали туман. Пришлось разломать пару сараев.

Наконец осталось мое собственное дело — хирургия.

С Залкиндом договорились сохранить старые бригады, как в Подольске, и он выйдет на ночь.

* * *

Перевязочную развернули пока в том же виде, как была. Только дрова подобрали посуше. Расставили сразу семь столов. Мы уже знали, что значат лишние столы в перевязочной для лежачих раненых! К трем часам перевязочная начала работать. Мы с Залкиндом поделили палаты, врачей, установили профиль отделений и даже палат. Впрочем, это было только номинально, потому что никаких возможностей маневра не было, и всякие сортировки, связанные с освобождением мест, сразу же нарушались новой волной...

Я пошел с беглым обходом, чтобы начать хирургию... Тягостная картина... Да, это пока даже не Подольск. Почти неделю лежачих раненых собирали в ППГ и МСБ в Сухиничах, Мосальске, Мещевске. Они лежали там по хатам. Только три дня назад их начали перевозить в Калугу. Большинство раненых были не обработаны — много дней их не перевязывали, повязки промокли. Кроме того, они были очень измучены. Полтора месяца идет изнурительное наступление по морозу, обозы отстают, питание плохое — больше на сухарях, на сале. Горячее редко. Селения сожжены, спать негде: замерзнешь. Мороз затрудняет любое наступление — и наше тоже. Немцы теперь в более выгодном положении — у них опорные пункты, цепляются за каждую деревню, контратакуют.

С виду все раненые кажутся старыми, все заросли бородами, госпиталям не до парикмахеров. Но и по карточкам — сорок, даже сорок пять лет. Молодежи мало. Укрыты, шинелями, под головами ватники, разрезанные ватные брюки.

Мне нужно было познакомиться с ранеными, «выловить» срочных и выбрать первоочередных. ЭП перевязал не больше десятой части тех, чьи раны кровоточили. Нужно выделить раненых в голову, которые без сознания. Выделить челюстно-лицевые ранения. Я впервые увидел этих несчастных. Их нужно специально кормить и поить... Первый вопрос в каждой палате:

— Доктор, будете лечить или опять кому-нибудь передавать?

Только потом — частные вопросы о еде, о перевязках, о постелях, о тепле. Не обещаю ничего несбыточного, но говорю твердо: всем окажем помощь и до эвакуации никуда не будем передавать.

Самые тяжелые раненые не те, что кричат. Они тихо лежат, потому что уже нет сил, им все как будто безразлично. В дальнем углу коридора обнаружили такого солдата. Лицо бледно и безучастно, губы сухие, потрескались. Шина Дитерихса, стопа замотана грязной портянкой, повязка вся промокла от сукровицы. Пульс нитевидный. В карточке указано: «Осколочное ранение правого бедра с повреждением кости». Ранен 21-го, еще не оперирован.

— Болит нога, солдат?

— Н-н-е-т... уже не болит... отболела. Пить хотя бы дали... Перед смертью напиться... квасу бы... или пи-ва...

— В перевязочную.

Газовая. И, наверное, уже поздно... Иду дальше, смотрю, раскладываю марки для срочных и первоочередных перевязок. Увы — их уже набирается несколько десятков, а я не прошел еще и половины нижнего этажа. «Брать только срочных». Позвали в перевязочную: «Уже развязан, идите».

Да, газовая настоящая, классическая, с гангреной. Если бы не эта портянка на стопе, увидели бы раньше... пальцы синие. Сделали высокую ампутацию. Живой пока. Может, чудо? Бывают же чудеса... Нет, не бывает чудес. «Гангренозная форма анаэробной инфекции протекает легче других», — так я где-то читал:

На столах в перевязочной уже лежат обработанные раненые с талонами. Вещи их складывают на скамейку, шинели — на вешалку. Асептика — ниже всякой критики. А что делать? Раздевать до белья? Холодно и долго... И все же... Печка уже горит лучше. Но дым, дым, что делать с ним? Глаза у всех уже слезятся, а работа только началась. Форточки нет, но есть дыра, заткнутая грязным ватником. Открыть? Дует, говорят, холод на дворе — ниже

20 градусов. Только вышел в коридор — катится Рябов, Рябчик.

— Николай Михайлович! Привезли пять машин лежачих. Человек двадцать. Куда?

— Как куда? Тебе же освободили одну комнату в приемной?

— Ее уже» заняли... Это уже не первые машины. Есть на втором этаже одна палата... свободная и с бочкой.

Вот тебе и сортировка! Большой дом, а ткнуть некуда. Не в перевязочную же вносить. Нужно бежать наверх, подгонять с освоением новых палат... Как там с печками, с дровами, с дружинницами?

Обхожу еще одну, другую, третью палату. Выбираю уже только срочных, первую очередь даю редко. Все равно сегодня уже не успеть. Как шина Дитерихса, так на час стол занят. А если рассечение — то и на два. С трудом пробираюсь между носилками, чтобы пощупать пульс, посмотреть ногу — нет ли газа.

Что делать? Что делать? Наши силы так ничтожно малы... Но вот опять бегут из перевязочной, стряслось что нибудь...

— Николай Михайлович! Кровотечение, скорее!

Кровотечение! Именно этого я боялся все полгода войны. К этому готовился, читал про сосуды в книгах... Но еще в жизни не перевязал ни одной артерии — рисунки с этими артериями молниеносно мелькают в голове...

Посреди перевязочной на столе сидит раненый, его держит под мышки, как ребенка, санитар Иван Иванович Игумнов. Вся голова в уродливой повязке, виден только один глаз, бинты грязные, промокли слюной и кровью, что течет из отверстия, где раньше был рот... Из-под бинтов по щеке стекает яркая алая кровь, почти струйкой, и капает частыми каплями на пол... Вокруг столпились сестры и врачи.

— Клади его, чего держишь!

— Не может лежать, захлебывается...

«Что я буду делать? Как подступиться?»

— Срезай повязки! '

Тамара разрезает ножницами слипшиеся бинты, а я думаю, что делать. Два способа: зажать кровоточащий сосуд в ране или перевязать магистральную артерию вне раны, через особый разрез. Первый лучше, но — говорят авторитеты — трудно выполним... Второй — как на рисунке.

Повязка спала... Ужасно. На месте правой щеки сплошная грязная рана — от глаза до шеи. Видны кости — верхняя челюсть, отломок нижней, глубина раны заполнена кровавыми сгустками, из которых пробивается струйка свежей артериальной крови... Правый глаз не закрывается, нижнее веко отвисло не имеет костной опоры. Левый глаз заплыл отеком. Страшен, непереносим взгляд этого правого не закрывающегося глаза... Отчаяние, и мольба, и безнадежность уже... Стараюсь не смотреть в него... что-то бормочу.

— Сейчас, дорогой, сейчас...

Где там в ране перевязать, в этой каше из сгустков, костей, мышц... Нет, только на протяжении: на шее, наружную сонную артерию... Скорее! Сняли повязку и потекло сильнее. Надо положить, иначе я не справлюсь...

Положили на левый бок, голову еще повернули влево, так, чтобы кровь стекала, не заливалась в дыхательные пути...

— Йод! Перчатки! Новокаин! Белье! Будет больно, ты, парень, потерпи. Сейчас все сделаем.

Верхнее веко страшного глаза благодарно замигало, Обложился стерильной простыней, чтобы соблюсти минимальную чистоту. Темно, лампа светит тускло, дым. «За что мне такое наказание? Лучше бы воевать...»

— Светите лучше! Добудьте еще лампу! Скорее, черти, течет...

Боюсь, что в любой момент может хлынуть, и тут же наступит конец...

Нащупал пульс на шее — на участке шеи, оставшемся от раны.

Новокаин, разрез. Зажимы. Нужно, чтобы сухо, анатомично... не спешить... только не

спешить. Как темно! Вот фасция... кивательная мышца... отодвинуть кнаружи... или вовнутрь? Так, кажется, на рисунке было? Да, вот сосудистый пучок. Ура! Тут рядом бьется артерия. Рассечь соединительно-тканевые оболочки, вот они лежат — артерия, вена, еще нерв позади должен быть....

Я уже почти успокоился, руки не дрожат больше. Подвел лигатуру под наружную сонную артерию. Вот она! Теперь можно переждать... посмотрим, что будет. Наложил мягкий зажим.

— Тамара, убирай осторожно сгустки из раны. Это тоже не просто, но убрали, промыли кипяченой водой. Обнажилась страшная зияющая рана. Дефект нижней челюсти, отломки зубов, пораненный язык, щеки нет совсем, верхняя челюсть разбита. Все это покрыто грязным налетом — инфекция. Но кровотечения нет.

— Операция окончена. Не бойся, солдат, больше не будет кровотечения.

Взгляд страшного глаза потеплел, затуманился слезой. Да, о глазе этом нужно подумать — наложить наводящий шов на угол раны, чтобы он закрывался, иначе высохнет роговица, потемнеет. Теперь напоить и накормить его.

Ввели через рану резиновый зонд в пищевод и через воронку налили гречневого супа с маслом, потом — почти литр чаю сладкого. Накормили парня — по завязку! На завтра отложили шинирование — очень уж темно с лампами.

В одиннадцать часов вечера пришла вторая бригада, и мы продолжали работать вместе до двух ночи. Очень устали, но пришлось тащиться «домой», потому что в госпитале негде было приткнуться, во всех отапливаемых местах лежали раненые.

Так кончился наш первый день работы в Калуге. Парень с ампутированной ногой был жив пока. Но очень слабая надежда.

* * *

27 января мы сменили ночную бригаду в семь утра. Завтрака, конечно, еще не было. Но Чеплюк энергично действовал и обещал накормить раненых к девяти. За ночь привезли еще сорок человек лежачих. Тихомиров сумел отопить еще две палаты второго этажа, и их туда сгрузили. У всех медиков и дружинниц болят глаза от дыма — приходится закапывать новокаин. Хотя бы не вышли из строя совсем...

В десять утра в перевязочную явился Хаминов. Мне даже смотреть на него противно, не то что говорить. Вид виноватый, обещал все сделать... Он такой, он все может, если опять не запьет...

Снова работали до двух часов ночи. Нет, не работали, а барахтались, пытались что-то организовать, пересортировать, но новые машины с замерзшими стонущими ранеными все сметали...

Шинировал своего «челюстника». Снова накормили. Научил сестру Шуру Маташкову вводить зонд через рану.

Вечером пришел обоз со всем имуществом. Аптеку еще утром Хаминов привез на машине: «Я из-за нее задержался...» Вот подлец, пытался оправдываться!

За два дня удалось всех раненых поднять с пола — достали кровати, набили матрацы, выдали подушки, одеяла, простыни... Однако раздеть не смогли — холодно. Очень жаль, потому что сразу завшивели постели. Теперь придется все прожаривать, когда разденем.

Активизировались работы по отоплению. Все-таки начальник умеет руководить. Дал нам зарок не пить...

Кормим уже три раза в день, хотя блюдо одно. Со снабжением плохо — все тылы отстали. Начали восстанавливать кухню.

1 февраля включили отопление. Хотя батареи чуть тепленькие, но все же «домны» погасли, дым исчез.

В сводках сведения о взятых населенных пунктах. Раненые говорят: каждый дом приходится брать с боем. Но все-таки большое дело — общая уверенность в победе.

2 февраля на партийном собрании обсуждали положение в госпитале. Начальнику дали здорово, даже жалко его стало на минутку. Жалеть, впрочем, не следует. Если бы он не пьянствовал, куда лучше можно организовать переезд и начало работы... Намекали, что пил он с работниками ПЭПа. Но никого не назвали. А зря.

Аркадий Алексеевич Бочаров пришел первый раз только 30-го. Сказал, что сидит в эвакоприемнике, налаживает сортировку. Теперь будет заходить часто.

— Нужно думать о гипсах. Лечить нужно, а не только возить...

Все верно, но до гипсов ли, если у нас еще есть раненые, ни разу не перевязанные с момента, как мы их приняли?

Отопление позволило быстрее осваивать новые площади. 3 февраля удалось, наконец, освободить санпропускник и начать мыть и переодевать раненых, поступающих из палат. Начали с самых тяжелых. Дело это затянется на несколько дней — очень трудно с лежачими, многим замачивают повязки — их нужно перевязывать, а рук не хватает. Идет интенсивный ремонт операционной и перевязочной на втором этаже. Красят масляной краской и остекляют все рамы. Там будут серьезные операции на мозге. Мне немножко завидно.

* * *

4 февраля произошло «великое переселение народов»: полная пересортировка раненых по отделениям. «Наших» (с ранеными конечностями) снесли вниз, «грудь, живот и голова» — на второй и третий этажи. Не знаю, где будет легче... «Черепники» лежат без сознания или буйствуют — припадки, судороги, ругань... Впрочем, все ругаются, наши тоже. Удивляюсь, еще мало ругаются.

5 февраля. Залкинд торжественно пригласил меня на открытие своей операционной и перевязочной. За старшую у него — Лида Денисенко. Она совсем поправилась и носится, как угорелая. Залкинд сумел забрать себе и Канского. Очень жаль, но что сделаешь? В нашей перевязочной старшим остался Иван Иванович. Пожалуй, я еще подумаю, менять ли его на Колю — высшего класса работник.

6 февраля железнодорожники наладили прямое сообщение и в очередную летучку взяли лежачих раненых. Это очень хорошо, у нас ведь совсем забито — свыше семисот человек тяжелейших лежачих раненых! Только на моем этаже лежит двести восемьдесят шесть человек, половина из них — с шинами Дитерихса. Правда, раненые едут недалеко, кажется, в Тулу.

Великий был аврал! На улице холод, нужно всех одеть, закутать, натянуть брюки на шины Дитерихса, подрезая штанины. У многих не оказалось теплых вещей, их где-то добывали на складах — правда, «б/у», не новые. Любовь Владимировна, когда отправила последнюю машину, села совершенно без сил и чуть не плакала от усталости и облегчения.

7-го наложили первый глухой гипс на голень. Канского уже нет, и всю работу мы делали с Иваном Ивановичем. Очень смышленый мужик. Но нужен ЦУГ-аппарат. Пока придется что-то мудрить.

8 февраля дали электрический ток.

— Теперь с вас будет полный спрос! Водопровод, канализация, отопление, электричество, завтра-послезавтра передвижной рентген получите, — это Аркадий Алексеевич сказал, когда увидел наши лампочки.

Спрос спросом, а работа идет по-прежнему тяжело. С восьми утра и до двух часов ночи мы непрерывно перевязываем, оперируем, теперь еще и гипсуем — пока немного...

И эффект от всего этого небольшой. Раненые отяжелевают буквально на глазах. У каждого второго с «бедром» или «коленом» — высокая температура, и их уже нельзя отправлять. Их нужно лечить...

Инфекция нас погубит... Раненые ослабленные и замученные, никакой сопротивляемости нет. И мы не можем ее повысить, потому что крови для переливания мало, времени для этого мало и даже накормить толком не можем. Гречневый суп с салом для

первого дня был отличным, но витаминов и белков он не заменит...

Крутим эти шины Дитерихса, из ран льет гной, анализы крови плохие... Нужно что-то делать. Но уже работает лаборатория, и Галя — отличный лаборант, очень быстрая.

Газовой инфекции не очень много (если в процентах, если учесть тяжесть), но для нас вполне достаточно. А тут Аркадий Алексеевич решил, что мы специалисты по этой части, и приказал развернуть анаэробное отделение на двадцать коек для всего ПЭПа с отдельной перевязочной. Каждый день — три-четыре случая. Ампутации уже не консультируем с Бочаровым — не хватило бы времени ни у него, ни у нас.

* * *

Сегодня с Иваном Ивановичем, Канским и нашим кузнецом мудрили над самодельным ЦУГ-аппаратом. На подставке гипсовать плохо, а на весь ПЭП — единственный ЦУГ. Сделали некое сооружение на вид неказистое, но удобное.

Уже три недели работаем, как проклятые. Каждый день с восьми утра до двух ночи. Если бы раньше сказали, не поверил бы, что можно выдержать. И так все. Сестры — те вообще не знаю, спят ли? Еще создали челюстное отделение. Теперь нам всем легче. Кстати, того парня, прооперированного в. первый день, они шинировали по-настоящему, не так, как я, и он уже сам научился себе зонд вставлять. Отек спал, левый глаз открылся, он даже пытается что-то говорить, только понять трудно. Одна Шура Маташкова его понимает... Приятно, операция удалась.

18 февраля испытывали новый ЦУГ-аппарат с рентгеном и наложили первый гипс. Ивана Ивановича придется целиком перевести на гипсование.

Плохие результаты при газовой. Половина умирает. Когда прихожу в то отделение, такая тоска нападает... Что-то надо делать... А что?

И в основном отделении — на нижнем этаже — тоже хлопот хватает. Около ста тяжелейших нетранспортабельных с переломами бедра, ранениями коленного сустава.

Уж эти коленные суставы... Б.А.Петров и Бочаров (да и сам Юдин) утверждают, что глухой гипс с ними делает чудеса. Мол, если начался гнойный артрит, достаточно сделать артротомию — вскрыть полости сустава, наложить гипс, и все будет в порядке. Мы уже сделали десяток артротомий, наложили гипсы, но желанных результатов пока не достигли...

23 февраля. День Красной Армии — наш военный праздник. Утром сводка хорошая была, поздравления, приказы.

С утра наложили два высоких гипса. Иван Иванович уже сам накладывает, я только немного помогал. Если бы толк от них был, от этих гипсов! Тогда бы усталости не чувствовал, а то утром, пока не разойдешься, голова и мышцы — как ватой наполнены...

В одиннадцать часов в перевязочную заявилось начальство. Я в фартуке, руки в гипсе. Комиссар ПЭПа, Хаминов, Зверев. Я встревожился:

— Что-нибудь случилось?

— Товарищ военврач третьего ранга! Командование ПЭПа награждает вас именными часами за отличную работу во время зимнего наступления...

Вот уж никак не ожидал! Да за что? Что половина газовых умирает, что лежат иногда по три дня неперевязанные?

Я сказал: «Спасибо». Он поправил, шутя:

— Служу Советскому Союзу, нужно говорить... Ну, мы пошли, работайте... До свидания!

После этого все разглядывали новые часы. Хорошие карманные часы. Первого часзавода, на шестнадцати камнях, с надписью... И кстати: прежние мои уже совсем плохо ходят.

Приятно... Если бы еще раненые не умирали, да фронт сдвигался, совсем бы жить можно...

В двенадцать в перевязочную привезли высокого парня, белокурого, широколицего,

курносого. Фанерная шина на левом предплечье.

Усадили. Развязали. Он морщился от боли и упрашивал делать осторожно.

— Насилу дождался госпиталя, перевязки. Так болит, так болит...

Смотрю. Есть причина болеть. Слепое, осколочное ранение предплечья, с повреждением кости. Сильный отек, кожа лоснится, даже пузырь в одном месте. Газовая. Несомненно. Но процесс еще не пошел выше локтя. Значит, это пока не очень опасно. Разрезы должны помочь, а уж ампутация — наверняка спасет.

— Давно ранен?

— Два дня назад...

— Кто по профессии?

— Ветеринар... Ветеринарный фельдшер.

— Что же тебе, коллеге, обработку не сделали в МСБ?

— Очень там загрузка была большая, стеснялся просить... Уступал другим очередь... А потом эвакуация подвернулась, думал, в госпитале у хирургов посвободнее. А ехать без малого сутки... Заносы страшные на дорогах. Еле дождался...

Подумалось: «Хороший парень... Эйфория у него возбужден, говорит много...» Посмотрел температуру на карточке — 39,7°! Пульс очень частый, но хорошего наполнения.

— Сейчас сделаем тебе операцию... Не бойся — пока разрезы, не ампутацию... Тамара! Наркоз.

— Тамара за кровью уехала на станцию, сейчас Аня освободится.

Аня не очень опытна. Здесь нужно хорошо распрепарировать мышцы предплечья. А что, если сделать проводниковую анестезию — новокаин в нервы плечевого сплетения? Полное обезболивание на час или больше, делай что угодно с рукой — и никаких осложнений. Пробовал эту анестезию в Череповце раз пять — где мне больше? Хорошо получалось для сложных флегмон кисти и предплечья... Нужно ее осваивать на войне.

— Зоя, будет проводниковая анестезия. Набери двухпроцентного новокаина в десятиграммовый шприц... Да, полный.

Усадил его, как полагается по методике, с оттянутой вниз и назади рукой, повернул голову вправо и попросил Аню постоять около, зафиксировать положение. Шприц готов. Перчатки, йод, длинную иглу... Вколол ее в надключичной ямке. Немножко новокаина, иглу глубже, дотянул поршень обратно — нет ни воздуха, ни крови: значит, ни в сосуд, ни в легкое не попал. Все три наши врача стоят вокруг, смотрят, как я это делаю: интересно — новая методика.

Ввожу два кубика. Еще раз проверяем на воздух и кровь. Подождал секунд двадцать.

— Еще три кубика... нужно осторожно...

И вдруг вижу, парень начинает валиться. «Обморок, вот какой слабый...»

— Держите его!

Вынул иголку, подхватил уже совсем расслабленного. Лида — руку на пульс.

— Пульса нет!

— Кладите на стол скорее! Иван Иванович!

Иван Иванович подбежал, схватит, как маленького, и положил на стол... Я тоже за пульс — нет! Дыхание — редкие отдельные вздохи.

— Кофеин! Искусственное дыхание! Да я сам...

Начал делать искусственное дыхание: руки — за голову, на живот, снова за голову, на живот...

— Обнажайте вену в паховой области. Скорее, Лида, без асептики... скорее, он же умирает!!

На секунду приник ухом к груди. Не слышу, ничего не слышу... Умер! А может просто такие слабые сокращения, что от волнения не слышу. Может?

В этот момент вошел Бочаров. С ходу включился, быстро обнажил артерию на бедре, начали нагнетать кровь, одну ампулу, другую... Потом Бочаров послушал трубкой сердце и выпрямился.

— Прекратите. Он мертв.

Все замерли. Стало совершенно тихо. Бочаров пошел к двери, бросил на ходу:

— Потом расскажете... не сейчас...

Вот и все. Лежит мертвый человек на столе, руки вяло свесились. Уже не нужно операции, не нужно анестезии. Убил человека...

Но я же... хотел спасти. «Мало ли что, хотел... Под другим наркозом — был бы жив». Если бы не умер от газовой... «От такой ограниченной — не умер бы, ты знаешь». Знаю. «И вообще: каков твой актив? Раны заживают сами собой. Природа. А ты только суетишься около. Многих ли ты реально спас?»

— Да, много ли?

— Что вы сказали, Николай Михайлович?

— Так, ничего... Я, наверное, пойду пройдусь. Вы начинайте перевязки. Да-да.

В коридоре у нас стоит шкаф с нашей одеждой. Пойду надену валенки.

«Нужно с этим кончать. Нельзя убивать людей. Защитников... нет, вообще людей».

Около стола — большая коробка с ампулами морфия. Она открыта, потому что часто используем. И шприцы в антисептическом растворе тут же. Заслонился спиной от всех, взял горсть ампул, сунул в карман, взял шприц. Боюсь, что кто-нибудь заметил. Хотя они все отводят от меня глаза, им неловко на меня смотреть, как на преступника...

Вышел в коридор, переобулся в валенки. Лида вышла за мной.

— Только не утешать!

— Ты что-то взял...

— Ничего не брал. Отстань от меня...

Перепрятать ампулы. Суну их в валенок, там портянки, не провалятся. И шприц.

— Ничего у меня нет.

Вот она, оказывается, какая улица днем! Я, кажется, ее не видел очень давно. На работу — темно, с работы — ночь, обедать — спустился в подвал, там окна заделаны фанерой выше роста...

Чудный день... Мороз, а солнце уже весеннее. Ребятишки на санках катаются, как и раньше. Давно не видел ребятишек, с Егорьевска... Когда приехали в Калугу, их не было.

Хватит умиляться!

Да, хватит! Зашел в ближайший двор. Пусто. Снял валенок...

Все-таки часть ампул провалилась за портянки и разбилась. Вытряхнуть стекла. Осталось... раз, два, три... всего семь... Мало!

Вернуться? Взять еще? Боюсь, что уже и так Лида сейчас у начальника... Задержат. Введу эти... «Мало, не умрешь. Струсил!» Жалобно оправдываюсь: нет, не струсил, но, видишь, невозможно больше достать... А отложить — потом не смогу. «Вводи!» По крайней мере, хоть усну... Высплюсь...

Отламываю кончики у ампул одну за другой, набираю через иголку в шприц. Шесть с половиной кубиков. Нет, не умру... «Обрадовался, жалкий трус!»

Укол... Ввел под кожу, желвак растер. Теперь скорее бежать домой, пока морфий не успел подействовать. Свалюсь дорогой... А так, дома — спит, мол, устал...

...Как интересно выглядит этот немецкий вездеход днем, при солнце. Масса железа. Смотри, труб из окон уже гораздо меньше. Людей много ходит. Сейчас тепло, около нуля. Женщины сняли свои шали. Но самое главное — ребятишки. Школы уже работают, где-нибудь ютятся в бывших конторах. Вот наш дом. Хозяйка открыла, удивилась:

— Что нибудь случилось, Николай Михайлович?

— Нет ничего.

Действительно, ничего. Ничего пока не чувствую. Даже спать не хочется. Видится все та же картина. Вот он выходит. Усаживается. Развязывает бинты, фанерку сняли. Салфетки пропитались кровью и присохли... Сняли и салфетки. Рана, отек. «Тамара, наркоз...» Если бы ты не ушла, Тамара. Чувствую под пальцами левой руки его ключицу, выбираю место для укола иголкой. Чувствую, как давлю на поршень шприца пальцами правой руки... Вот... вот

ослабел, валится...

Снимаю валенки и ложусь, не раздеваясь. Только воротник расстегнуть. Ноги прикрыть той самой старой шалью, что в первый день дала Александра Степановна. Возможно, кто придет — нелепо торчат босые ноги... Да еще не очень чистые... В бане не был неделю... Или больше? «Уже представляешь: приходят, утешают... Позер!» Ты прав. Но что же мне делать?..

Закрываю глаза. Снова крутится этот фильм... Ага, начинает мешаться... Тамара, оказывается, здесь, только спряталась. Фу, какая чушь... Уснуть, просто уснуть, не надо снов... Нет, опять шины Дитерихса. Иван Иванович гипсует на новом ЦУГе. Неплохой ЦУГ. Газовая палата. Лежат в ряд пять человек — все без ног. А один — с ногой. Они ему завидуют. Молчите! Молите бога, что живы. Плохо обо мне думают, что не спас ноги. И правильно... Теперь еще скажут: «Он убил парня...» Заснуть! Хватит мне всего этого, хватит!

— А где часы?

Оставил на столе. Вот видишь ты, наградили. «Они прости не знают тебя».

А может, он не умер? Приснилось все? Сейчас встану и пойду на работу. Сегодня нужно загипсовать Селезнева...

Нет. Все правда. Умер... Спать, все равно спать... Куда-то проваливаюсь.

Просыпаюсь — уже темные окна. В соседней комнате горит слабый свет. На кровати кто-то сидит...

Кто это?

— Это я, успокойся, я, Бочаров.

— А мне показалось... Простите.

Молод ты, Никола, горяч. Это хорошо. Не терплю прохладных людей. Нет, не рассказывай, не говори... Все уже рассказали... Не знаю, отчего умер. Только одно: бывает же поразительная непереносимость новокаина... И смерти такие вот... ужасные... бывают у каждого хирурга. Ты должен быть готов к этому... И еще будет, не спастись.

Он говорил тихо, как убаюкивал. Голова была тяжелая, но все ясно воспринималось. И так-то равнодушно... как чужое. Он рассказывал о всяких ужасных случаях. И у него были. Ни в одной профессии не бывает такой очевидной виноватости врача в смерти пациента, как у хирургов, да еще у гинекологов.

— Одна крупная артистка располнела. Для нее это было ужасно... Представляешь, на сцене — толстая Джильда или Татьяна? Кроме того, мужа сменила, очень нужна фигура... Пришли они к Сергею Сергеевичу Юдину. Он любит артистов... «Пожалуйста, можно жир с живота удалить. Незаметный поперечный рубчик в складке кожи» Назначил день — пришла прямо в операционный корпус. Поразговаривал, посмеялся. На стол. Спинномозговая анестезия. Укол сидя. Только ввел иглу — довалилась, вот как у тебя сегодня... И все. Муж внизу ждет известия, цветы уже принес для нее. Сколько Юдин сделал таких анестезий до этого? Тысячи! Причину не нашли... Он уехал на охоту. Всегда уезжает на охоту, когда больные начинают умирать... «Не полосит», — так он называет эти периоды.

— А мне сплошь «не полосит»... Куда же деться?

— Ничего. Ты хорошо работаешь, поверь, я знаю. Я много хирургов вижу. Просто ты вымотался за этот месяц. Нервы сдали. Нужно немножко побольше спать. На часок хотя бы.

Меня стало тошнить. Что-то обеспокоило Аркадия Алексеевича. Зря, конечно.

— Поедем ко мне... у меня переночуешь... И увез к себе. На дрожках, они у крыльца ожидали... Зачем-то промывал мне желудок. Я давился от толстого зонда, не мог проглотить.

И я уснул на его кровати. Спокойно уснул, как праведник.

На следующее утро мы пошли с Бочаровым на вскрытие. Патологоанатом был серьезен и аккуратен. «Да, газовая. На сосудах — артерии и вене — нет следов прокола. Значит, в кровь не попало. Плевра тоже цела. Значит, только повышенная чувствительность к новокаину. Но слишком уж быстро умер...»

* * *

Залкинд заболел, и я временно руковожу обоими отделениями. Приходится заниматься нейрохирургией, с которой я был совершенно незнаком. Аркадий Алексеевич приходит каждый день, смотрит больных и даже оперирует. Я ассистировал ему три раза и теперь тоже «делаю черепа». Все раненые проходят рентген, их смотрит глазник и невропатолог ПЭПа Вайнштейн. Тоже есть свои проблемы, но мне они кажутся намного проще наших — «бедер» и «коленок»... Взгляд на «черепников» другой: повреждение мозга, человек без сознания, умер — значит, такое было тяжелое ранение, можно списать на войну. А у нас: подумаешь, в ногу ранен — почему бы ему умирать? В действительности совсем не так: мозг удивительно устойчивый орган. Даже инфекция не бывает такой злой, как в животе, груди или суставах. Есть, разумеется, менингиты и энцефалиты, но не так уж фатально часто...

Военная нейрохирургия несложна. «Казенная трепанация» — это выкусывание кости вокруг того места, где черепная коробка пробита пулей или осколком, рассечение мозговых оболочек, удаление гематомы; удаление костных осколочков из вещества мозга... и все. Даже за металлическими осколками или пулями не рекомендуется гоняться, они хорошо обрастают соединительной тканью и будто бы не причиняют в будущем беспокойств. В этом я не особенно уверен, но при чем тут я? Знающие люди установили.

Однако трепанация черепа — это операция, делаем ее в операционной, по всем правилам асептики. Помогает Лида Денисенко — отличная сестра. Она старшая здесь.

А в нашем отделении умирают...

Идет март месяц.

Да, у нас электричество и водопровод бесперебойно, да, рентген, да, лаборатория, лечебная гимнастика, физиотерапия. Вши — уже ЧП. Кормят отлично. Истории болезни с дневниками и эпикризом. Все это есть. А кризис нарастает. Поток раненых не только не ослаб, усилился. Хотя фронт, кажется, стоит. Мы работаем планомерно и упорно. Рабочий день покороче февральского — от восьми до полуночи, продуктивность — много выше. Делаем перевязки, операции и гипсуем. Всех гипсуем. Хотя я совсем не в восторге от гипса, от этого чуда военной хирургии...

«Коленки», ранения коленного сустава — вот что мучает нас неимоверно. Установка юдинцев: при появлении гноя вскрыть сустав, наложить гипс — и порядок!

Черта с два! Раненый продолжает лихорадить, худеет, истощается, развивается сепсис. Тяжелейший сепсис через две-четыре недели. Если ногу не успеть ампутирорать — смерть.

— Разве так можно, Аркадий Алексеевич?! Где же хваленый эффект? Нет этого эффекта. Миф!..

Он молчит. Конечно, раненые тяжелые, измученные холодами и бессонными ночами... Но нельзя же так, чтобы только третий ходил на своей ноге!..

Сказал ему, что буду искать свой метод. Он промолчал, он — мой авторитет — ничего не может предложить. Но в отделение к нам перестал ходить. Обиделся. Надеяться не на кого...

* * *

Думаю, неотступно думаю о «коленках». Гнойный процесс в суставе не может остановиться до тех пор, пока есть полость сустава. А она не зарастает, пока инфекция не разрушит хрящи и внутреннюю оболочку. До этого разовьется сепсис. Гипс не может помочь. Нужно удалить полость сустава. Хрящи и оболочки. Так была поставлена задача.

А Бочаров не приходит. Деликатный. Мог бы прийти и выругать меня — по старшинству, по дружбе, наконец... Считаю его не только учителем, но и другом. После того дня...

Я придумал новую операцию — вариант экономной резекции коленного сустава с сохранением связок. Пошел к Гурову в морг и прорепетировал на трупе. 22 марта сделал эту операцию. Может, она совсем не новая — слишком очевидное дело, но мне наплевать на

приоритет — лишь бы был толк! Теперь смотрим за этим парнем. Саша Билибин, двадцать четыре года, ранен в конце февраля, рана рассечена, поступил через пять дней, лежал в шине, резвился гнойный артрит. Артротомия, глухой гипс, — никакого толку: сепсис угрожает. Жалко парня... Можно еще, ампутировать и спасти... Не хочет. То есть не отказывается, но очень уж просит. Предложил попробовать новую операцию. «Надеюсь, но не уверен». Они мне верят — эти ребята, хотя — за что бы? «Да, давайте, Николай Михайлович! — Вдруг поможет, а? Очень жалко ногу...» Если этот Сашка помрет, уйду из госпиталя. Куда угодно. Уйду в медсанбат или в полк.

Аркадий Алексеевич пришел через два дня после операции. Сашка Билибин уже явно не умирает от операции, но температура высокая, радоваться совсем рано. Конечно, я рассказал все, что было за те две недели его отсутствия. Он был смущен, и, я чувствую, хотелось ему меня отругать и запретить... Но тем-то он и прелесть, что выше этих чувств. Выше! Поэтому мы все пошли в палату, он осмотрел Сашку, потом вернулись, снова перетрясли все цифры по «коленкам», он сидел,, теребил бородку и кокетливо поднимал свои выпуклые глаза на Лиду... Потом сказал:

— Ну, что же... Продолжайте.

Кончился март.

Сашка еще продолжает температурить, гипс сильно промок, но состояние — «тьфу-тьфу» — вполне удовлетворительное. Ест хорошо — это главное.

Сделал еще девять таких резекций. При одной из них стоял Бочаров — и все одобрил.

Я уже торжествовал — проблема колена решена! Но вот, пожалуйста: смерть. Прооперировали очень слабого, и он умер в первую ночь. Не перенес. Значит, для таких тяжело. Только ампутация может спасти.

А над старыми, загипсованными ранеными сепсис висит страшной угрозой, Бочаров говорит, потому что тяжелые раненые, нетранспортабельные. Но я уже разуверился... Все лихорадят на грани сепсиса, а о том, чтобы ходили, как в кино Юдин показывал, не может быть и речи... А лечим и ухаживаем теперь хорошо. Даже на улицу выносим, на солнышко.

Ранения голени и плеча в глухом гипсе — дело другое, но они, возможно, и другими методами лечились бы хорошо. Бесконечно спорим с Аркадием Алексеевичем на эту тему. Раз нет уверенности — перекладываем гипсовые повязки, вырезаем окна, ревизируем раны...

Основная работа лежит на Иване Ивановиче Игумнове, главном гипсовальщике и главном санитаре. Золотой человек!

Глава восьмая. ЛЕТО И ОСЕНЬ 42-ГО. КАЛУГА.

Мы остановились на отдых. Пришел приказ эвакуировать всех транспортабельных и не загружать госпиталь. Что это означает, никто не знает. Думаем, наступление. За несколько дней отправили почти всю свою старую гвардию. У нас есть успехи — выздоравливающие после резекций суставов. Сашка уже ходит, а другие хоть еще лихорадят, но невысоко — гноя мало, аппетит хороший. Вполне «надежные» ребята.

«Бедра» — хуже. Уверенности в них нет. Не поручусь, что останутся с ногами, если в тылу не найдутся более умные доктора, чем мы...

Ампутантов провожали — из газовой палаты и других септических. Многие уже ходят на костылях... Оделись в свое обмундирование, но штанины подколоты булавками. Такие незнакомые стали.

Готовили прошлую летучку. Вывели вечером раненых в эвакоотделение — там они должны ожидать в полной готовности на постелях, уже одетые. И тихого мужчину, Семена С., двадцати девяти лет, с ампутированной из-за сепсиса ногой тоже вынесли. Он говорил сестре в палате: «Не поминай меня плохо, Саша». С врачом простился, благодарил за операцию. Только странно как-то прощался, как потом вспоминали. Вечером поздно, когда потушили свет, закрылся одеялом и полоснул себя ножом по горлу... Соседи по кровати услышали странное клокотание, не поняли сначала. Пока свет зажгли, пока кричали,

вызывали врача — в перевязочную уже бесполезно было нести...

Письмо нашли от жены: «...Прости меня, не могу с безногим...»

Это мы виноваты, я виноват в такой смерти. Неужели нельзя спасти конечности раненым в бедро и колено, кроме тех, что с газовой? Просто мы не умеем. И не нужно прятаться за авторитеты, нужно думать самому...

«В последний час»: «Три дня назад наши войска прорвали оборону в районе Волчанска и Красноград. Продвинулись от 20 до 50 километров. Действуют массы танков, большие трофеи...»

Занимаюсь подведением итогов зимней боевой операции. 18 июня была научная конференция врачей ПЭПа, и мне поручили доклад о лечении ранений коленного сустава. Программный доклад! Первый научный доклад в моей жизни. Были представлены все данные — статистика, графики, рентгенограммы, рисунки моей операции. Говорил два часа, горячо говорил, и... не уложился. Но выдержали все, не разбежались. Потом были прения, и мне изрядно всыпали. Больше всего попало за незнание авторитетов.

А Бочаров сказал:

— Надо мне было с вами прорепетировать... А то уж очень долго, едва с трибуны стянул...

* * *

ППГ-2266 лихорадит.

Комиссара и Тихомирова снимают, отправляют в резерв фронта. Перед отъездом Зверев зашел ко мне.

— Ну, будь здоров, Николай Михайлович! Едва ли теперь увидимся. Если что не так было, извини... Всегда хотел, как лучше. Только о деле беспокоился. Хоть и не досмотрел за начальником...

— Знаю... Куда? На передовую?

— Другие давно воюют, и я должен. Выполню свой долг перед Родиной. Там я, может быть, нужнее... Я твердо знаю: выполнит.

Начальника судили военным судом, хотя не арестовывали. Рассказывают, что обвинили в растрате, вспомнили и пьянство во время переезда в Калугу. Приговор был суровый: десять лет... Но потом заменили отправкой в полк. Заходил к нему незадолго до суда. Единственный раз был на квартире. Связь ослабела еще после переезда в Егорьевск, а в Калуге совсем порвалась. Просто потерял к нему интерес, и он тоже не пытался сблизиться. Хотя работал хорошо. Как только приехал тогда, 27 января, сразу все наладил.

Хаминов уезжал на вокзал вечером. Пьяный, со слезами лез ко всем целоваться. С трудом забрался в пролетку, а там вдруг выпрямился и снова стал важным и значительным, каким мы его знали в походе. Эта странная метаморфоза почему-то вызвала у меня уверенность, что на фронте он подтянется...

Лиза уехала в Череповец, домой. Ее комиссовали из-за обострения ревматизма. Зоя выходит замуж за какого-то командира и уезжает к нему в часть. И когда она сумела при такой работе? Но факт... Тамару тоже демобилизуют по состоянию здоровья — надорвалась за зиму... Интенданты сменились. Повозочные — раньше всех. Скоро останутся только Чеплюк, Канский, я, Лида да, пожалуй, белозерские лошади.

В начале марта к нам пришло пополнение — много новых сестер из Москвы, сразу после курсов. Хорошие девушки, хотя ничего толком не умели делать. Быстро научились. Особенно отличились Катя Яковлева, Аня Сучкова, Тася.

У аптекарши новый заместитель — Зинаида Николаевна Фурсова, Зиночка. Москвичка, низенькая, толстовата, очень принципиальная, и нам нравится. В нашем отделении новый врач — Нина Николаевна. И, самое главное, начальство новое. Комиссар — майор Казаков, высокий, плотный, лет сорока пяти. Раньше был политруком в одном крупном московском госпитале и оттуда хочет перенести все порядки. Будет налегать на дисциплину, занятия и

всякую формалистику.

Ох, уж эти занятия... Понятно, что они нужны, для дисциплины нужны, но разве легче от этого? Особенно противна СХЗ — санхимзащита. Газы, иприты висят над нашими головами с начала войны. Еще установили строевые для сестер и санитаров. Девчонки просто возненавидели майора. И больше всего — за вечерние проверки. Когда было работы много, никто не проверял. Да и какая нужда — работали ведь почти по двадцать часов. А сейчас дело другое. Во-первых, появилось кое-какое свободное время. Во-вторых, и парней в Калуге немало. А девчонки — всегда девчонки, даже на войне. Трудная задача у комиссара.

С новым начальником дело проще. Конечно, не Хаминов. Но зато мягкий, интеллигентный. Военврач 2-го ранга Леонов — прекрасный глазник, москвич. Должностью тяготится, но отказаться по слабости не смог.

Еще у нас новый начальник АХЧ — вместо Тихомирова. Молодой техник-строитель Макеев.

Итак, ППГ-2266 вступил во второй год войны в новом составе.

* * *

Я чувствую, что вчерне мы сладили с коленными суставами. На очереди — «бедро». Ампутация среди тех, кого мы лечили гипсами зимой и весной, двенадцать процентов, смертность — восемь процентов.

По этому поводу и состоялся разговор с Бочаровым.

— Аркадий Алексеевич, давайте обсудим, как лечить «бедра».

— Чего ж обсуждать? Тактика известная. Одинокая. Уже есть приказ Банайтиса — распространить нашу методику на все госпитали фронта. Готовится приказ Главсанупра по госпиталям Минздрава.

— Аркадий Алексеевич! Ведь это заблуждение — с гипсом.

— Н-ну-ну...

Снова — в который уже раз! — перечисляю недостатки гипса в конкретных условиях войны.

— Глухой гипс — это миф!

Бочаров начинает сердиться. Он не закричит, конечно, только щеки порозовели. Долго спорили, но я получил разрешение попробовать лечить переломы бедра вытяжением.

Приготовились: достали шины, спицы, дрели, скобы... Я ведь был пару месяцев в травматологии, правда, еще аспирантом. Механика эта нехитрая — вытяжения. Случай представился скоро.

В июле привезли партию раненых. Среди них было несколько человек с высокими переломами бедра, очень тяжелые. По старым представлениям не миновать ампутации, а то и помереть можно... Мы наладили пятерым скелетное вытяжение на шинах Бэлера. Солдаты сразу прозвали их «зенитками» — вверх и в сторону торчали выступы шины с грузом.

Через пять-семь дней раненые были неузнаваемы. Температура снизилась, самочувствие стало просто хорошим, хотя раны гноились. Аркадий Алексеевич все внимательно просмотрел и сказал:

— Да. Убедительно. Но пока — мало. Продолжайте.

Я торжествовал. Нет, я ликовал! Не потому, что я придумал новое. Все это давно известно. Просто я почувствовал, что теперь можем лечить «бедра», раненые не будут больше умирать. Не стыдно будет смотреть им в глаза! Наконец, пришла зрелость в лечении ранений конечностей. Теперь мы готовы к наступлению.

* * *

Но наступления не было. Хуже того: на юге наши войска отступали... Немцы подошли к Воронежу, форсировали Дон и двигались к Волге и на Кавказ.

Комиссар приказал собрать всех командиров: читали приказ Сталина. Приказ № 227. Ничего подобного мы никогда не слышали. Текст не запомнился мне, но содержание осталось навсегда: объявить решительную борьбу трусам, паникерам, нарушителям дисциплины. Осудить настроения тех, кто считает, что наша страна велика, что можно еще отступать. Командный и политический состав обязан обеспечить резкий перелом в военных действиях. «Ни шагу назад!»

Расходились потрясенные и подавленные. Про себя я думал: все правильно. Уже доказали, что можем воевать, значит, должны! Кто-то не умеет делать свое дело, также как мы не умели лечить коленные суставы и бедра. Нас бы тоже стоило взгреть — за беспорядки, за результаты...

* * *

18 августа меня срочно вызвали в госпиталь: начался поток раненых. У нас было все готово. Два огромных ящика гипсовых бинтов заготовил Иван Иванович. Сестры накрутили несколько мешков шариков и салфеток. Мы не боялись никакой работы.

«И грянул бой...» В сводках что-то скупо сообщалось о сражениях под Ржевом.

Раненых — масса. 19 августа в Калугу пришло девятнадцать летучек, свыше четырех тысяч раненых, к нам в госпиталь больше четырехсот.

Но мы работали, как часы. Всех раненых мыли, переодевали в чистое, все лежали на матрацах с простынями, три раза в день горячая пища... Всех перевязывали и оперировали в день поступления. И работали только до полуночи. Конечно, всех раненых эвакуировали в гипсах. Раненые не те, что зимой. Солдаты отдохнули, поправились, медсанбаты и ППГ подучились и оснастились, транспорта прибавилось. Заносов не было, машины ходили быстро, летучки подавали регулярно, немецких самолетов не подпускали близко.

Так продолжалось дней десять. Потом еще недели две сочилось по десять-пятнадцать человек в день.

К концу массового наступления раненых у нас было почти триста человек: сорок пять — на вытяжении, сорок шесть — в высоких гипсовых повязках, главным образом, ранениями суставов. Еще человек пятнадцать ампутанов — самые разные — ожидали эвакуации. Задерживать транспортабельных по-прежнему не разрешают. Мы их скоро и отправили. Осталось человек сто раненых, которых мы должны серьезно лечить. Мы знаем, как лечить. Для «коленок» — резекции, для бедер» — вытяжение, потом гипс.

* * *

В Москве проходила фронтовая конференция хирургов, Бочаров взял и меня с собой. Доклады впечатления не произвели, но зато мы побывали в институте Склифосовского и даже у самого Сергея Сергеевича Юдина! Попили чаю, он подарил мне книгу и написал: «Доктору Н.М. Амосову, с приветом. Юдин».

Видел целый ряд раненых в бедро, все в гипсах. Внушительно, но не убедили, потому что все раненые подолгу лихорадили...

Аркадия Алексеевича назначили главным хирургом 5-й армии.

— Хочу поработать в войсковом районе, Никола. От них, от медсанбата зависит все дальнейшее.

— Меня возьмите...

— Уже пробовал — не удается...

Очень жаль. Я не могу сказать, что он мой учитель. Нет к нему такого ученического поклонения, «потолок» его, чувствую, не такой уж недосягаемый, можем и осилить... Я люблю его, как старшего брата, который всегда готов подумать вместе, дать совет, если может, погоревать и порадоваться... Разумеется, он научил нас многим вещам, передал опыт института Склифосовского, Юдина... Это, безусловно, ускорило наш прогресс. Главное, он

разрешал дерзать. Зачем анализировать, просто жалко расставаться...

Решил написать диссертацию. Чем я хуже других? Не стал бы об этом думать, если бы немцев не остановили. Но похоже, они накрепко завязли в Сталинграде и не могут перелезть за Волгу. «Теперь подходит наша очередь». Так говорят ребята в комсоставской палате. И уже погонят немцев подальше, чем в прошлый год! Вот только не знаю, как писать. Ни одной не видел и некого спросить. Тема: «коленки», то есть «Хирургическое лечение эмпием коленного сустава после ранений». Число резекций приближается к ста. Результаты последнего периода — считаем его с августа — отличные. На 250 проникающих ранений колена — только две смерти! Кроме того, своя методика операции. Уже приглядел переплетенную конторскую книгу страниц на двести...

23 ноября. Победа! Грандиозное наступление наших под Сталинградом. Ударили с севера и юга, прорвали оборону, гонят немцев, соединились, окружили. Такого еще не было: окружено свыше 300 тысяч немцев. Лида сделала статистику по «бедрам». Выделили два периода: январь — июль, когда были только гипсы, и август — ноябрь, когда стали использовать вытяжение. Прошло почти восемьсот раненых с огнестрельным переломом бедра. Вот результаты: за первый период смертность составила восемь процентов, а за второй — только полпроцента. Ни одной смерти от сепсиса! Да, мы можем гордиться. Но похвалиться некому. Новый инспектор нас почему-то не любит... Написал письмо Бочарову.

* * *

Пришел приказ: свернуть ППГ-2266, ввести в штатные нормативы и приготовить к отправке на фронт.

Снова новый начальник. Военврач 3-го ранга Сафонов. Вот он — высок, толст, лицо бесформенное. Кадровый, но ни малейшего военного лоска.

Зато с нами остается майор, наш комиссар.

А вот Ивана Ивановича у нас забрали, это хуже. Ходил в ПЭП, просил, умолял — не дали. Сказали: вам там нечего будет гипсовать, а здесь он нужен.

Канский — с нами. И Быкова, и Лида Денисенко, и Маша Полетова и Зиночка...

Нам дали машину — ЗИС-5. Конную тягу тоже сохранили, все 22 повозки. Все штатное имущество погрузили и сверх того еще многое сумели захватить: белье, медикаменты.

Наши войска на юге решительно наступают, мы тоже собираемся наступать. Настроение у всех отличное!

Встретили Новый год. Второй военный год... Устроили маленькую вечеринку с патефоном для медицинского и командного состава.

Ездили в Москву: сдал кандидатские экзамены и представил диссертацию к защите... Звучит... А? «Представил к защите». Да, да, в 1-й Московский медицинский институт, не куда-нибудь. Секретарь поморщилась, увидев мою конторскую книгу, исписанную фиолетовыми чернилами. «Я еще не видела такой диссертации... Неужели нельзя на машинке?» Упросил: «С фронта!»

Глава девятая. УГОЛЬНАЯ.

ППГ-2266 снова едет на фронт в воинском эшелоне. Назначение неизвестно. Уже добрались до Мичуринска, думали, едем в Харьков. И вдруг — крутой поворот на запад, на Орел. Даже разочаровались. Весь наш путь — по освобожденной территории. Сутками стоим на разрушенных замерзших станциях, со взорванными водонапорными башнями и сожженными вокзальчиками. Где-нибудь в землянке или в заиндевевшем вагоне сидит небритый телеграфист, к которому бегаем узнавать сводку. Только сводки и радуют душу!

О завершении Сталинградской битвы мы узнали морозным утром, когда остановились в поле перед Ельцом. Ждали, надоело, вылезли из вагонов. Очень красивое утро. Рядом по шоссейной дороге ехали машины. Одна остановилась, из кабины выглянул молоденький

командир и прокричал:

— Под Сталинградом порядок! Немцы разгромлены! Паулюс в плену!

Все закричали:

— Ура! Ура!

Утром 6 февраля, наконец, остановились. Станция Русский Брод.

— Выгружаться!

Мороз двадцать градусов. Прямо на земле вдоль путей разложено добро: ящики со снарядами, бочки с селедкой и солониной, мешки, насыпанные горы пшеницы. Дальше виден поселок — на голых холмах жалкие кучки обшарпанных домиков, между ними машины и снова штабеля грузов. Гражданских лиц не видно. Население эвакуировано перед боями. В отдалении видно зенитки. С полчаса толкали наши вагоны, пока нашли местечко, где выгрузиться. Прибежал комендант.

— Сбрасывайте, сбрасывайте как попало! Потом разберетесь, пути нужны!

Все дружно взялись и быстро выгрузились. На санитарной машине подъехал командир в белом полушубке, представился:

— Начальник армейского ПЭПа Хитеев.

Потом оглядел критически наши вещи и начал хохотать.

— А пианино вы не привезли?

На снегу нелепо торчали два больших платяных шкафа, письменный стол, на нем настольная лампа.

Майор защищался:

— Все нужные вещи, товарищ начальник.

— Ну-ну. Дело ваше. Слушайте приказ. Наступление началось. Потери большие. Сегодня же развернуться и принять раненых. Сегодня же! Все. Выполняйте. Сел в кабину и уехал. Скоро приехали из санотдела четыре санитарные полуторки с капитаном.

— Складывайте все быстро! Я повезу вас в только что освобожденную деревню, надо сменить медсанбат. Бросали в машины, что поближе лежало, забрались наверх сестры и врачи, поехали. Капитан успокоил:

— Тут восемнадцать километров. Мигом домчим — и обратно. Все заберем.

Мигом не домчались, потому что дороги товарищ не знал. Начало смеркаться, когда подъехали к назначенному пункту — в село Покровское...

Тут мы увидели передовую. Нет, тыл, конечно, но — дивизии. Передовая для солдата — это его окопчик. Для госпиталя — пятнадцать километров от него. Такова психология.

Пулеметные очереди слышны отчетливо, но дело не в этом. Покровское было полностью сожжено немцами, остались полуразрушенная церковь и школа. В них ютился медсанбат, мы видели, как подходят машины с ранеными, их выгружают и ставят носилки прямо на снег. Поди требуй от них радикальную обработку «бедер»!.. Затурканный начальник медсанбата сказал, что километрах в трех есть деревня Угольная, сплошь забитая ранеными их дивизии, и что они лежат там совсем без помощи... Указал нам дорогу.

Да, вот она — настоящая война!

* * *

Подъезжаем к Угольной уже при луне. Видны домишки, разбросанные в беспорядке между голых огромных лип. Много разрушенных, остались лишь печки, припорошенные снегом, и черные трубы. Окоченели совершенно — целый день на таком морозе... Одеты обычно, как в Калуге: гимнастерка и шинель.

Машины стали у крайних домов. Холодно, накурено и тесно... На полу, на лавках, на печке лежат раненые... Отпрянули в ужасе... Но в следующих домах было то же самое. Вся деревня забита ранеными, свезенными сюда прямо из полков. Около полупустой хаты выгрузились. Улеглись прямо на полу, не евши. Было одиннадцать часов вечера...

Встал, когда чуть обозначилось серое окно. Растолкал начальника АХЧ, и пошли на

разведку.

В деревне домов сто, разбросанных в радиусе полутора-двух километров. Третья часть их разрушена или сожжена. Между домами — окопы, наполовину засыпанные снегом. Здесь был передний край нашей обороны. В центре деревни есть школа, но от нее остались только стены и крыша.

Почти все надворные постройки в домах уже разобраны на топливо, и дрова будут большой проблемой. Пустых домов, пригодных для жилья, нет. Большая часть занята ранеными, в других — разные службы тылов дивизии, которые все еще не уехали.

Но раненых нужно принимать, и наше первое дело — развернуть перевязочную. Наконец нашли избу, из которой только что уехали постояльцы. Довольно большая комната и рядом, за печкой, закуток. На себе приволокли минимум вещей и поставили два стола — стерильный, для инструментов, и операционный. Канский установил в сенцах автоклав, и часам к трем операционная-перевязочная была готова.

Мы с Залкиндом поделили деревню на два конца, поделили персонал и к полудню уже приняли раненых. Приняли — это значит, что старшие и младшие сестры обошли «свои» территории и сосчитали «по головам». Триста двадцать человек в двадцати восьми хатах. Прежде всего, их нужно кормить. Чеплюк установил котел, разобрал сарай и сварил кашу, но как ее раздать? Посуда была еще на станции... Начали разносить в котелках, ведрах. Как здесь, не хватало людей... В Калуге мы мобилизовали дружинниц, а здесь население было эвакуировано. Санитаров у нас всего восемнадцать — половина еще не пришли с обозом, другие заняты на заготовке дров.

К полудню поднялась метель и замела проселок, который сворачивал к Угольной с наезженного большака. Машина уже не прошла, только лошади. Обоз подошел только ночью — долго искали дорогу...

До темноты я сумел заглянуть в соседние с перевязочной дома — картина была невеселая. Всех раненых нужно было оперировать, потому что они лежали в первичных повязках, которые им наложили в полковых пунктах.

В первый день мы оперировали четверых. Мне попался раненый в грудь. Рана слева на боковой поверхности груди, обширная — видимо, крупным осколком. Снесен большой участок кожи и мышц, пересечены пять ребер. Зияют серые дышащие легкие... Пришлось произвести операцию ушивания пневмоторакса, затампонировать плевральную полость. Наложили тугую повязку, отнесли в соседнюю хату, положили на печку. Надежды почти никакой...

У других трех раненых были повреждения сосудов с омертвлением, и им сделали ампутации — два плеча и одна голень.

В полночь работу закончили, потому что дальше упорствовать было бессмысленно — в темноте выбрать раненых, нуждающихся в срочных операциях, невозможно.

Все врачи и перевязочные сестры улеглись прямо на полу в закутке. Было очень холодно.

Мы с Залкиндом договорились так: один работает в перевязочной, другой занимается организацией и обходами.

С самого утра начали поступать новые раненые. Тяжелых везли на лошадях прямо из полков, а ходячие шли пешком. Я пытался организовать что-то вроде сортировки — освободили одну большую избу. Но... через час «сортировка» была полна.

Важнейшая задача — перевязочная. Ни одного подходящего дома. Нужна большая палатка, с бочкой вместо печки. С трудом натянули ее: колья не шли в замерзшую землю, пришлось вмораживать в лед. Только вечером растопили печь в новой перевязочной и развернули семь столов. Часов в одиннадцать вечера работа замерла, и вся Угольная погрузилась во мрак. Сестрам и санитарам вменено навещать свои хаты.

9 февраля наша бригада работала в новой перевязочной. Залкинд и Надя делали обход, отбирали на перевязки, майор организовал перевозку на санях к перевязочной. Здесь Бессонов с помощником разгружали и ставили носилки на пол у входа. Дальше раздевали.

Стаскивали шинель, ватник, валенки, шапку и клали на стол. Тут снимали лишь часть одежды, где нужно оперировать. Но Лида Денисенко стояла у инструментального стола в стерильном халате, как положено!

Не так много мы сделали за этот день, хотя работали вовсю. К вечеру подсчитали: сорок человек, из них четырнадцать ампутаций.

Кроме перевязочной, организовали «летучку». Это Лина Николаевна с Машей и с санитаром, нагруженные биксами, шинами и бинтами, ходили из дома в дом и перевязывали раненых на месте. Хотелось хоть чем-нибудь помочь тем, кто дожидается очереди в перевязочную.

Хозяйственники уже сумели обеспечить водой, три раза готовили горячее, в каждый дом завезли немного дров. Печь топили сами раненые. Страшно, вдруг — где-нибудь вспыхнет пожар. Но другого выхода не было, один санитар на три-пять домов. Конечно, он дежурил бессменно и спал с ранеными. Только палатные сестры имели «базу» — одну небольшую хату, где Броня пыталась устроить им минимальный отдых. Но не все они пришли ночевать — некоторые свалились на своих «объектах».

* * *

10 февраля — мой день работы в палатах и руководства «летучкой». Я выбрался на обход только часов в десять — пока утрясались всякие неполадки с питанием и размещением вновь прибывших. Вхожу в хату прямо с улицы, так как сени разрушены. Клубы морозного воздуха, полумрак после яркого дня. Окрик:

— Двери закрывай!

Закрываю. Рассеивается туман, привыкают глаза. Оконце маленькое, наполовину закрыто снаружи соломой для тепла...

— А, доктор пришел... Наконец-то!

Смотрю: на полу лежат самые тяжелые — с шинами Дитерихса. На печи и на полатях места заняли самые легкие и самые бойкие.

— Приготовьте карточки!

Ворчат.

— Только и ходят, считают да проверяют...

— Перевязку бы...

— Эвакуируйте нас!

Обхожу и смотрю каждого: проверяю карточку, сыворотку, обработку раны, повязку, ощупываю ткани — нет ли отека или газа. Сестра измеряет температуру, поправляет повязки. Не успел обойти и трех хат (выбрал человек восемь для больших перевязок и операций), как вбегает Бессоныч из перевязочной.

— Николай Михайлович! Начальство требует...

Всех застаю в перевязочной. Начальник, майор, Залкинд и новый — военврач второго ранга. Инспектор-хирург ПЭПа Лысак — невысок, плотен, круглолиц, усищи — почти как у Буденного. Шумит:

— Что вы тут устроили! Разве это госпиталь! Почему нет сортировки?! Что это за перевязки по хатам?! Почему раненые лежат на полу? Почему в шинелях в перевязочной?!

По честному, он прав. Только по честному же: я не вижу возможности что-то быстро исправить... И все-таки чем-то этот усач мне нравится. Поругался и быстро остыл.

— Давайте планировать... Ничего не обещаю... Самим нужно выкручиваться... Вам нужны два отделения. Одно — приемно-сортировочное, оно же будет лечить более легких раненых. Другое — главное, госпитальное. Перевязки по хатам запрещаю! Асептику наладить!.. Раздевать... Нары... Об эвакуации — в Русский Брод — беспокойтесь сами. Машины к вам не дойдут. Пауза. Плохо дело, чувствую.

— Ну, кто из вас будет заведовать сортировочным отделением? Вы, наверное, доктор? Как более молодой...

Так и знал. Возразить нечего. Но работа эта не по мне. Я тут же попросил перевести меня в медсанбат, но он отказал.

Ушли. Я продолжал обход. Нужно думать о новой организации. Планирую: поставим большую ДПМ-палатку для сортировки и к ней «тамбур» в «тамбур» — маленькую: для перевязочной. Если бы еще баню к ним... Но нет, пока нереально.

Начальство планы утвердило, и вечером поставили палатку с надписью: «Приемно-сортировочная».

Ох, как медленно все делается! Нам по «конвенции» отошло двадцать пять домиков, тридцать пять — первому отделению. Выделили одну лошадь для перевозки тяжелых раненых к Залкинду. 13 февраля мы закончили сортировку и отделились совсем. Теперь есть некоторый порядок: всех прибывающих раненых принимаем в большую палатку, записываем в книгу поступлений. Я или Лида смотрим их. Заведомо тяжелых — череп, грудь, живот, бедро — отправляем к Залкинду без перевязки, других, полегче, перевязываем и даже раны рассекаем. Еще кормим и горячим чаем поим, Любочка все устроила. Бочка — отличная вещь, можно какую угодно температуру нагнать. Были бы сухие дрова — тяга отличная. В общем — жить можно.

К 15 февраля в госпитале было восемьсот раненых. На скорую руку восстановили школу. Больше расширяться некуда. А эвакуации все нет и пока не предвидится. Имеем на вооружении передвижную дезкамеру сухо-жарового типа — она у нас на санях. Прожариваем одежду на месте, у хат. Натапливается печка, раненые раздеваются и сидят голые, а вещи — в камеру. Однако дело идет медленно. За день камера объедет не больше пяти-шести домов. Есть другой способ, массовый: выжаривание в русской печи. Топится печь, тщательно выгребаются все уголья, и туда на поленья загружают обмундирование. Закрывается заслонка, если она есть, и за пару часов все насекомые уничтожены. Все это, к сожалению, не помогает, потому что нет потока: не можем одновременно сменить повязки, убрать старую солому и застелить новую.

После 16 февраля поступления раненых сократились. Армия продвигается, — везти далеко, дорога к нам была только санная, машины не проходили. Лежачих почти совсем перестали привозить. Но ходячих приходило много, человек до ста в день. Правда, мы научились с ними управляться: принимали в сортировочной, кормили, перевязывали, даже оперировали некоторых, давали сухой паек на сутки, подбирали группу и отправляли в Русский Брод.

Каждое утро собирается около нашей палатки команда «пилигримов» — пешком в Русский Брод, те, что малость поправились... Хромые, у многих руки в больших шинах, завязанные головы, у некоторых вместо сапог опорки или разрезанные и перевязанные бинтами валенки... Вытягиваются длинной цепочкой и идут. Восемнадцать километров — не малый путь. Правда, на большаке некоторым удается пристроиться на попутные машины...

В нашем отделении положение постепенно улучшилось. Самое главное в госпитале — преодолеть кризис рабочей силы. Команда выздоравливающих уже достигла пятидесяти человек. Они хотя и неумело работают, но стараются.

В госпитале — девятьсот человек. Все хаты забиты, мы пока не можем наладить госпитального режима. Но самой острой оставалась проблема эвакуации. Ходячие-то уходили, а вот лежачие превращались в ходячих очень медленно. Машины к нам не ходят. До большака всего три километра, но непреодолимых.

Выход придумал начальник. Предложил поставить на большаке палатку с сестрой и держать там раненых, подлежащих эвакуации, чтобы грузить на проходящие с передовой порожние машины. По мере освобождения палатки подвозить туда новых. Преодолеть три километра мы можем на своих санях. Машины останавливает бравый сержант из выздоравливающих с повязкой и автоматом. Так мы отправляем до полусотни раненых в день.

Мы встретили День Красной Армии в своем отделении даже весело. Были на то причины — раненых осталось человек сто, не работа, а отдых. Женщины устроили сладкий

пирог, кто-то раздобыл пол-литра красного вина. Читали стихи Симонова из маленькой, тонкой книжечки. «Жди меня, и я вернусь...».

После этого маленького застолья я вдруг почему-то погрузился в раздумья... Плохо дело с первым отделением. Контакты у нас слабые, ненормально слабые. Даже трудно сказать по чьей вине. Нет, мы не ссорились с Залкиндом — но видимся раз-два в неделю. Он мне не доверяет, чем-то обижен. Работа у него не ладится, как передает Канский, который заходит к нам по старой дружбе. Много раненых умирает... Я представляю, когда умирают — нет жизни для хирурга. Но я в этом не виноват. Залкинд мог бы пригласить, посоветоваться... У меня уже неделя, как есть для этого время. «Пошел бы и предложил». Да, все правильно... Но это — самолюбие. Боюсь: вдруг откажется от помощи. Не смогу пересилить себя, не могу...

А 28 февраля меня вызвал начальник и приказал принять 1-е отделение. Залкинд и Надя откомандировываются в распоряжение санотдела армии. Да, начальник сам их откомандировал, без запроса свыше. Формулировка — «По состоянию здоровья». Мне бы, может, следовало отказаться? Нет, я согласился, быстро согласился, а потом только спросил:

— Почему?

Стандартный ответ:

— Развалил работу, не справляется. Странный он. Может быть, сходить к нему, к Залкинду, объяснить свою позицию? Нет, и этого я не сделал. Что ему скажу? Все равно подумает: «Карьерист. Выживает...»

В тот же вечер стали известны подробности. Видимо, дело было так: Залкинд совершенно измучился — огромная работа, ужасные условия, раненые умирают, он справиться с этим не может. Мнение о себе у Залкинда высокое, неудачи для него вдвойне тяжелы. При такой обстановке поди-ка будь вежливым и внимательным: и к сестрам, и к начальникам, и к раненым... Вот он и перессорился со всеми, несколько раз срывался. Гораздо сложнее судить о хирургических неудачах. Рассказывают, что было несколько досадных смертей во время операций, но трудно судить об этом достоверно.

* * *

Итак, я снова ведущий хирург ППГ-2266.

С утра 29 февраля захожу в перевязочную. Девушки собрались и ждут. Они уже все знают. Их всего четыре — Лида Денисенко за старшую, затем Маша Полетова, Шура Филина и Вера Тарасенко. Кроме того, Коля Канский да два санитара-носильщика. За старшего — Бессоныч.

Бессонычу в феврале 1942 года сделали трепанацию черепа из-за ранения головы с повреждением кости. Все быстро зажило, его комиссовали и ввели в штат. Он очень хороший, хотя и несколько нерасторопный.

— Девушки! Отныне всех раненых раздевать в предперевязочной палатке до белья. Для больших операций отгородите простынями угол палатки и чтобы там был отдельный стерильный стол. Асептику нужно повысить!

Вид «домиков» изменился в лучшую сторону по сравнению с первыми днями. Все лежат на нарах, одеяла, подушки... Но пока в своем обмундировании. Была проведена сортировка — раненные в грудь занимали две хаты, в живот» — одну, «черепники» — одну, газовые — еще две. Все остальные «палаты» — конечности, бедра, суставы и тяжелые ранения голени. Всего около двухсот человек в двадцати двух домах. Чтобы продезинфицировать, нужно всех вымыть, перевязать и перевести в новые палаты. А они были такие тяжелые, что даже страшно подумать о такой перетряске. И... я не решился на это. Особенно тяжелые — с ранениями в конечности. Тактика ясна — нужно делать ампутации. Вернуться к пироговским временам. Многие столь плохи, что и усечение конечности для них могло стать смертельным. Но делать нечего: надо использовать последний шанс. Если бы эвакуировать самолетом, в наше старое отделение в Калуге,

некоторым еще можно спасти ноги. Все тем же вытяжением... Но в Русском Броде таких условий нет, тем более у нас... Нет, нельзя рисковать жизнями ради страха перед высоким показателем ампутаций.

Раненые встречают мой обход настороженно. Те, что выздоравливают, смотрят с сомнением, слабые — с надеждой.

До обеда я обошел всех. Часть «спокойных» перевязок сделали во время обхода. После двух часов начали оперировать. На сегодня выбрано шесть наиболее тяжелых раненых в бедра и суставы. Четырем пришлось ампутировать бедра. Сделал одну резекцию коленного сустава, наложил гипс. В одиннадцать в перевязочную вбежала доктор Надя, без халата, бледная.

— Скорее! С Залкинду плохо... Повязку надо... Мы с Лидой делали резекцию колена. Бросить чью-то жизнь, висящую на волоске?..

— Нина, беги взгляни... Я скоро освобожусь. Больше врачей нет — я да она. Лида на обходе.

Продолжаю оперировать. Думаю: не выдержал напряжения. Минут через пять Нина вернулась довольно спокойная.

— Ничего опасного. Вены на предплечье перерезал...

Лида, дай стерильные салфетки. Пойду завяжу. Там Надя держит рану. Он совсем не в себе.

— Сделай ему морфий! Пусть успокоится и уснет.

Взяла все необходимое и ушла. А я вспомнил прошлый год, День Красной Армии... Так и у него сейчас... Представляю его состояние: полное поражение на работе, крайнее переутомление, условия... Да еще личные конфликты. Впрочем, если строго-все это «телячьи нежности» и «интеллигентские штучки». И у меня, и у него. Миллионы людей находятся сейчас в более тяжких условиях. Так что делай свое дело — и без сантиментов.

1 марта начальник получил приказ: передислоцироваться своим транспортом в деревню Верхняя Сосна. Развернуться 2 марта. Раненых эвакуировать в Русский Брод.

— Пошлите их к черту! — вспыхнув, посоветовал я. — Совершенно нереально! Масса нетранспортабельных...

— Да, их пошлешь, как же...

Приказ выполнить не пришлось. На следующий день разразилась страшная метель, дорогу замело совершенно. Получили сигнал со «стрелки», что машины по большаку не ходят, целые колонны стоят на дорогах, заметенные снегом.

Только на пятый день движение на дороге стало оживать. «Студебеккеры» пробили дорогу на «стрелку», и мы приступили к эвакуации более тяжелых раненых. Каждое утро снаряжаем обоз из десятка саней, набиваем соломой укладываем в спальные мешки, в одеяла...

Посылаем сестру с сумкой сопровождать. Поехала наша тяжелая артиллерия.

7 марта отправили Залкинда и Надю в санотдел армии. Для меня Залкинда — тоже укор совести. Нужно бы все-таки пойти, поговорить... Конечно, раненых в конечности он запустил, многие умерли по его вине, но и я не сделал всего. Не пошел, не предложил, играл в самолюбие...

8-го утром получили новый приказ: «Передислоцироваться а деревню Кубань, развернуться и 9-го принять раненых». Опять «своим транспортом». А лошадей только семь... С помощью запасного полка и через «стрелку» мы вывезли двести раненых. Осталось еще около ста, но только восемнадцать совершенно нетранспортабельных. Их помогут отправить запасники.

10 марта началось «великое переселение». Отличное морозное утро. У штаба выстроилась колонна: пешая команда и четверо саней, запряженных клячами, на которые погружен наш «первый эшелон» — имущество. Все сестры и санитары, кого можно высвободить от раненых, снарядились идти пешком. Вещмешок, сухой паек на два дня — и с богом! Майор, Быкова, я, Чеплюк и еще трое человек из команды должны выехать завтра

утром на машине — в нее мы нагрузили кухню и продукты. Погода такая, что снабжение может прерваться в любой момент. Без перевязок можно прожить, без еды — никак.

— Ну, воинство, трогай!

Пошли медленно — глубокий снег нанесло за ночь. Майор смеется:

— Как в Арктику отправляем!

Следующим утром выехали на машине и мы. До бани добирались два дня. Заносы...

Глава десятая. ВЕСНА И ЛЕТО. 43-й ГОД.

Наступление приостановилось, и медсанбат, который мы должны сменить, из Кубани не ушел. Мы жили рядом с ними еще десять дней. Перезнакомились и даже подружились. Они — гвардейцы. Гордые! Ведущий хирург в орденах — картинка.

Хорошие весенние дни. Проталины появились на косогорах, уже грачи галдят на высоких ветлах. Типичная орловская деревня: домишки маленькие, в два оконца, крыши крыты соломой. Взяли деревню 6 марта, целенькую. Фронт остановился в пяти километрах. Слышны пулеметные очереди, артобстрел. По улице снуют солдаты в валенках, несмотря на сырость, ездят подводы — иные на полозьях, как зимой, другие — уже по-летнему, на колесах. Офицеры всех рангов: здесь стоят тылы дивизии.

21 марта наши друзья-медсанбатовцы вдруг собрались уезжать и ночью передали нам сто пятьдесят раненых, в том числе тридцать нетранспортабельных — после операций. Передача была простая: перенесли раненых из своих палаток в хаты, старшие сестры сосчитали простыни и носилки под нетранспортабельными — и до свидания! Правда, терапевт из госпитального взвода рассказал немножко о своих подопечных «животах», «грудниках» и «черепниках», что лежали у него в двух хатах.

На этот раз мы развернулись отлично. Соблюдены все элементы организации потока и гигиены, хотя мы еще далеко не в полном составе. В Угольной еще оставалась большая группа людей, часть имущества. Но было главное — время на развертывание и команда выздоравливающих, рабочая сила.

Мы открыли «Кубанский университет». Решили провести серию серьезных занятий с сестрами, изложить им основы военной хирургии. Наши девушки кончали только трехмесячные курсы и ничего не знают. Занимаемся каждый день по три часа. Кстати, к явному удовольствию майора...

Раненых поступает мало. Бои затихли совсем, сведения с других фронтов тоже неутешительные. Оставлены Харьков и Белгород. Зато наш родной Западный фронт перешел в наступление, освободили Ржев, Гжатск и Вязьму. У Бочарова в Калуге была работка!..

Приезжало начальство. Сначала хирург ПЭПа, тот самый усатый Вася Лысак, потом начальник ПЭПа — Хитеев. Вспоминал:

— Где ваша настольная лампа?

Всем остался доволен. Посидел в перевязочной, познакомился с девушками. Особенно понравилась ему Лида Денисенко.

Лида Денисенко и впрямь замечательная. Такой работницы я еще не видел. Притом очень милая. Я тоже «положил глаз». Хотя и отягощен отношениями с Лидией Яковлевной. Мужская природа и на войне берет свое.

После Угольной отлично живем и работаем. Перегрузки нет, в госпитале порядок. Стреляют? Ну, что ж, фронт рядом...

Введено слово «офицер», погоны и новая форма. Медики приравнены по званиям к строевым. Теперь у нас тоже будут медицинские лейтенанты, майоры, полковники, генералы. Интересно, что же дадут мне?

* * *

Переживаем новый этап деятельности — медсанбатовский. Другие заботы и тревоги:

святая святых медсанбата — «груди» и «животы». Так вот, «животы». Вообще проникающих ранений в живот — порядочно. Старая истина: нужно доставить в МСБ в первые шесть часов. Позднее не справиться с шоком, потом — с перитонитом. Бочаров преподал мне истины брюшной хирургия: оперировать быстро, но тщательно. Иначе у пятидесяти процентов после лапаротомии — осложнения, перитониты, межкишечные абсцессы, расхождения раны и т. и.

Вторая проблема — «грудь», «грудники». Три вида ранений груди: первый — непроникаюшие в плевральную полость. Это самые легкие, никто не умирает, контингент ГЛР. Следующий: проникающие без скрытого пневмоторакса — маленькие ранки, слипаются, воздух из полости плевры не выходит, повреждения легких небольшие. И эти протекают легко. Наконец, третьи — раны с открытым пневмотораксом. Раны такие большие, что воздух входит и выходит в плевральную полость. Легкие, как правило, повреждены. Опасностей много: в раннем периоде шок — от нарушения акта дыхания и кровотечения, позднее — инфекция. Открытые пневмотораксы, наряду с проникающими ранениями в живот, — главный объект больших операций в медсанбате, их первая забота. Установка: нужно зашить рану грудной стенки, не обращая внимания на раненое легкое. Так все делают. И наш медсанбат таких же раненых оставил нам. Уверенно оставил, дело сделано хорошо. Они бы их эвакуировали на шестой день, вполне довольные. Но мы не эвакуировали, и все обернулось не так.

Три дня было терпимо. Пунктировали, отсасывали кровь, эксудат — до литра в день... На восьмой день повязка стала обильно промокать, а на десятый-двенадцатый начал проходить воздух. Еще через пару дней вовсе развалились раны и открылись зияющие отверстия, через которые виднелось легкое. Пневмоторакс открылся вторично. Правда, катастрофы не произошло, дыхание существенно не нарушилось, и шок не развился, так как легкое частично приросло к грудной стенке, но состояние раненых ухудшилось: прогрессировал сепсис. Он развивался куда быстрее, чем при ранениях конечностей...

Естественно, пробовали ушивать разошедшиеся раны. Бессмысленно... Швы держали не более трех-четырех дней, потом все повторялось. Значит, и здесь нельзя исправить ошибку медсанбата. Нужно попытаться сделать операцию более радикально. Мы разработали методику, проделали на трупах, а вскоре вынуждены были применить ее.

Санитар из команды выздоравливающих бросал гранату, баловался, должно быть. Бросать не умел, граната разорвалась рядом, получил множественные ранения рук и две раны в грудь — обе небольшие, но с открытым пневмотораксом. Оперировали парня по новой методике: широко иссекли рану, резецировали куски соседних ребер, вскрыли плевру, подшили к ребрам диафрагму, стянули целые ребра, потом все тщательно зашили послойно. Зашили и кожу. Это важно. Каждый день ему делали пункции, отсасывали кровь и жидкость. На пятый день он уже ходил, а на двадцатый выписали на работу. (Майор был особенно доволен, потому что можно было не сообщать о ЧП начальству и в особый отдел).

Был еще один похожий случай — и тоже полный успех. К сожалению, оперировал по два часа. Это страшно долго. Но и это еще не конец. Если имеется большая рана легкого, то никакое ушивание груди не даст эффекта. Нужно вмешиваться внутри, на легком!

К сожалению, все эти сложные способы ушивания, отсосы, вмешательства на легком ничего не стоят: нет времени для сложных операций... Это наш Подольск, Калуга первых дней. Угольная. Сознание этого убивает. Не должно быть такого! Если военачальники имеют возможность маневра, санитарная служба тоже должна это иметь. Раненых спасать можно и самых тяжелых — вот к какому выводу приходишь на исходе второго года войны. Военная хирургия недостаточно еще разработана: примеры — «бедра», «коленки», «грудь». Даже шок. Надо создать элементарные условия — маневром, транспортом.

* * *

А между тем идет весна на Орловщине. Середина апреля, садики около хат покрылись

легчайшим зеленым пушком — распускаются почки. Солнце светит и греет. Пахать надо. Но никто не пашет в деревне с названием Кубань, хотя возвращаются хозяева, собираются восстанавливать колхоз.

Грязь. Страшная грязища. Проселочные дороги совершенно непроезжие. Только «студебеккеры» медленно плывут в море грязи. Солдаты носят мины на передовую на спине.

«Кубанский университет» закончил работу. Принял экзамен. Доволен: квалификация сестер, несомненно, повысилась. Прислали двух врачей-мужчин. Один — «холодный уролог» из Москвы, другой — не поймешь кто. Скорее всего, временный персонаж... Уролог Гамбург — лет сорока — до этого был в полку. Так там намерзся за зиму, что даже около печки не расстается с меховым жилетом и наганом. «Холодный» — потому что не оперировал, только лечил промываниями...

Иногда выпадает свободная минута, почему-то хочется почитать, но книг взять негде. Приходит «Красноармеец» с Василием Теркиным, ждем его с нетерпением. Газеты достаются редко. Сводки — тоже нерегулярно.

Раненых — человек сорок, транспортабельных понемногу эвакуировали. Теперь полный штиль.

* * *

С 20 апреля целый месяц провел на курсах ведущих хирургов в Ельце при фронтовой госпитальной базе типа Калуги. Назад — уже на новое место, в деревню Ворово, — возвращался на санитарном самолете. Впервые в жизни. Лежал в ящике, где раненых возят. Понравилось. Жаль только, что мало этих самолетов. Добрался в полночь. Сухо, тепло, сады... Только домов не видно — деревня разрушена в зимнее наступление. С трудом нашел в этой странной пустыне наш госпиталь — палатки увидел. Сердце билось, будто домой возвращался после долгой отлучки. Тут же ночью все осмотрел... Разбудил перевязочную команду — они спят в маленькой лагерной палатке. Выскочили в рубахах, обцеловали меня. И сразу показывать. Как же, без меня развертывались, сами.

Деревня совершенно разрушена, только кое-где остались стены. Сколько потрудились, пока крыши над этими стенами возвели! Зато не госпиталь — картинка! Но мы, перевязочная, в палатках...

Среди больших яблонь три палатки друг за другом: предперевязочная — маленькая, потом перевязочная — большая, еще дальше — снова маленькая-операционная. «Колбаса». Мы так еще в Кубани спланировали, и теперь всегда так и будет. Отличный блок. Рядом — госпитальные палатки.

В общем, все было развернуто, как надо. Похвалил и пошел спать в дом. Дом — это только название. Крыша покрыта ветками и при каждом дожде течет, как решето. Поэтому внутри еще натянута лагерная палатка.

Развернулись на 200 коек, по всем правилам. Но раненых приказано держать минимум. Хирургия у нас теперь первоклассная. Сделал отличную операцию аневризмы правой подключичной артерии — раненый был совершенно на грани гибели. Гемоглобин — восемнадцать процентов! Опухоль под правой ключицей величиной с детскую голову. Пульсирует и жужжит, даже страшно смотреть. Без меня были здесь Вася Лысак и армейский хирург, профессор Д. Лида им показывала раненого — отказались оперировать. «Отправляйте самолетом». А какая отправка, если у него из ранки постоянно сочится кровь и температура 39! Мальчишка еще — боец Егоров, 19 лет. Все прилично сделал, трудно было очень и страшно.

Проверяли свои установки по ранениям груди, продуманные в Кубани. Все правильно. Четырем раненым ушил пневмоторакс — удачно.

Ну, а «бедра»? «Коленки»? Самое время показать, что может сделать в войсковом районе опытный хирург. Ведь в любое время возможен переезд. Все же мы наложили восемь высоких гипсов на бедра и на суставы. Осложнений не было.

В общем, все подтвердилось. Самых тяжелых раненых можно хорошо лечить, если рано и правильно. Для этого нужно или много полевых госпиталей, или отличный транспорт. Транспорт даже лучше.

Всю весну ходили слухи, что немцы готовят наступление. Мы теперь, конечно, не те, но все же...

Большак от нас за два километра, и хорошо слышно, как идут наши танки и тракторы на позиции. Ждали грозы.

И она пришла.

В ночь на пятое июля услышали канонаду: глухой постоянный гул... Остаток ночи не спали. «Началось!» Утром привезли первых раненых... Они и сказали: немцы наступают на Курск. Потом пришли более подробные сведения: главный удар пришелся на наших соседей, на 13-ю армию. Из нашей в зону ожесточенных боев попали только две дивизии.

Мы ждали большого потока, а получили всего восемьдесят человек. Все они были обработаны в МСБ, поэтому никаких проблем не возникло. Раненые прибывали в отличном настроении.

— Не поддаемся. Ни шагу не отступаем, как он ни бесится. Он танки — и мы танки. Самолетов наших — тучи!

Пять дней мы работали и слушали артиллерию, расспрашивали раненых: «Как там?» Был страх — вдруг наши не удержатся. Но нет, все хорошо. Канонада стала стихать, поступления раненых почти прекратились... УСТОЯЛИ.

10 июля узнали, что некоторые ППГ, которые летом были свернуты, пошли вперед. Значит, нужно и нам готовиться. Все возбуждены. Наступать! Вперед!

Впрочем, память об Угольной еще свежа. Все приготовлено для переезда. Первая очередь — перевязочная и отделение на пятьдесят коек с минимальным запасом медикаментов и еды. Это у нас вмещается в машину.

13 июля мы снова услышали канонаду и почувствовали: пришел наш черед.

Глава одиннадцатая. ОТ ОРЛА ДО ГОМЕЛЯ.

В ночь на 25 июля получили приказ: «Передислоцироваться в деревню Каменка и 26-го в 10.00 принять раненых». Поглядели по карте — пятьдесят километров, от большака проселок километров на восемь. К счастью, у нас раненых сейчас мало. Прилетал самолет и всех, кого можно, вывез. Оставшихся ночью перевезли в ближайший госпиталь, за семь километров. К семи утра свернулись и погрузились. Шофер Федя ходит около рессор и охает: «Засядем...»

В восемь утра отбыли на своем ЗИСе. Начальник в кабине, мы все наверху, почти под небом — перевязочная и часть сортировки. ППГ-2266 выбрасывает десант. Лошади, к сожалению, придут не раньше, чем через два дня. Наступление ждать не будем. Есть, правда, расчет, что Федя будет курсировать между Каменкой и обозом. Кроме того, обещали прислать две «санитарки».

Погода переменная... Со страхом смотрим в небо: нет, не самолетов боимся — дождя. Если польет, забуксуем, засядем, хоть караул кричи. Но мы веселы, хотя и не спали, — наступаем!

В полдень приехали.

Каменка... Высокий косогор, наверху — десяток ободранных яблонь, два домишка. Большая палатка. Дальше глубочайший овраг и за ним еще десятка два орловских маленьких хат.

Весь косогор усыпан ранеными. Одни лежат прямо на земле, распластанные, неподвижные, другие сидят, некоторые бродят. Сколько их? Человек двести...

Идем с начальником к палатке. Оттуда доктор вышел, маска на шее. Хирург. Представляемся. Спрашиваем.

— Да, здесь человек двести... Ходячих отправили пешком. Наш санбат уже впереди.

Двух врачей оставили, три сестры и часть кухни...

— Много обработанных?

— Много ли мы обработаем такими силами? Десятка два перевязаны, остальные — из полков, сегодня и вчера. Хорошо, что дождя нет.

Мы ведем переговоры:

— Перевязочную развернем сейчас... Но кормить столько не можем. Оставьте, пожалуйста, свою кухню, пока наша машина сделает еще один рейс, до конца дня хотя бы.

Доктор согласился.

Выбираем место для перевязочной — у нас длинная «колбаса» из трех палаток. Приходится переносить раненых под другие деревья, чтобы площадь освободить. Солнце печет немилосердно.

— Сгружайте, ставьте палатки. Канский, командуй! Лида, в темпе развертывать!

Мы идем с доктором в «госпитальный взвод» — в те две хаты, что на краю сада.

Входим, после солнца темно, окошечки крохотные, заткнуты тряпками... Так на меня пахнуло Угольной! Тепло, но зато тучи мух сразу облепили нас, лезут в рот. Кажется, я никогда не видел столько.

На полу, на скомканной реденькой соломе, лежат раненые, человек тридцать. Некоторые прикрыты шинелями, другие почти совсем голые. Бредит «черепник» без сознания, пощупал — без пульса. Рядом — оперированный «живот», губы сухие: «П-и-ть... п-и-и-ть...»

Солдат с перевязанной кистью поит из большой кружки всех подряд.

— Санитары только в операционной. Этот вчера ранен, в команду взяли...

— Да...

Доктора отпустил: говорит, у него на столе больной. Вызвал Нину, сестру, — помогать. Просмотрел карточки — они были не у всех. Сделал «назначение» — запретил поить раненых в живот.

Наконец подошли две «санитарки» — привезли Броню с сестрами, две палатки и имущество на сорок коек. Это уже хорошо: сможем оперированных устроить...

К трем часам операционно-перевязочный блок был готов. «Колбаса» из трех палаток стоит между яблонями, Нина в стерильном халате сидит, ожидает у стола. Лида с девушками «доводят» операционную, предперевязочную... Можно начинать! Медсанбаговцы свою операционную уже свернули и грузят на телегу. Доктор — уже без халата, заросший, усталый — усаживается на передок.

— Теперь поеду к своим... Спасибо.

Уже развернули госпитальную палатку, на носилках, но с матрацами и бельем. Можно переносить тех оперированных. Но бог против нас. Небо совсем затянуло тучами, и дождь вот-вот хлынет... Не до перевязок: нужно спасать раненых от дождя (этого им еще не хватало — промокнуть!).

— Не перетаскивайте из хаты! Третью палатку натягивайте! Уберите носилки из палатки! На брезенте больше войдет! Всех, кто может двигаться ,- за овраг, в деревню! Натягивайте полы вместо навеса!

Все бегают как угорелые, а капли уже падают...

— Скорее, скорее! Ребята, ползите в палатки! Под брезент! Санитары, переносите лежачих! Скорее!

Дождь по-настоящему хлынул в шесть часов. Мы успели укрыть всех, но забили каждую дырку.

В семь вечера начали оперировать. Первый раненый уже ждал меня на столе. «Грудь»... Когда сняли кровавую повязку — в правом боку открылась огромная рана 10 на 12 сантиметров, из которой поднимался пар в такт с дыханием. Три ребра сломаны, в рану прилежит диафрагма, в ней тоже зияет отверстие, видна кровоточащая рана печени. Вот она, настоящая проверка изысканий по ранам груди...

Делаем все, как обдумано: обширная резекция ребер, экономное иссечение раны

диафрагмы, швы на печень. Вскрыли живот отдельно для высушивания. Провозились почти три часа... Капельно переливали кровь. Дождь барабанит в крышу, как в мою голову. Все наши планы на сортировку и культурную работу рухнули. А тут еще проклятый движок, который летом майор достал, не заводится, хоть плачь, и опять приходится оперировать при керосиновых лампах... Канский возится около него. Ругаю его через стенку палатки.

Сделали ампутацию, несколько обработок больших ран... Лида и Быкова ходят по палаткам, отбирают срочных, насколько это можно сделать с коптилкой, когда нужны акробатические прыжки, чтобы добраться, посмотреть раненого.

Наконец около полуночи зажглось электричество. Асептику соблюдаем — всех раздеваем и полостные операции делаем в операционной. Но мухи уже «заселили» нашу перевязочную, тоже прячутся от дождя.

В три часа ночи скомандовал отбой, и все улеглись прямо на полу перевязочной. Другого места все равно не было и сил не было.

Следующий день начался с грандиозного разноса, который нам учинил полковник из санотдела армии. Начальник стоял по стойке «смирно», а он кричал: «Где сортировка? Где шоковая?» Правильный разнос... А что сделаешь, когда дождь?

Целый день он то переставал, то снова начинался. Все время были в напряжении. «Освоение площадей» продолжалось, а справиться с поступающими не могли из-за дождя. Только к обеду сумели, наконец, освободить одну палатку и развернуть там послеоперационное отделение. Ходячих направляли пешком через овраг: там создали малую перевязочную.

Хотя сортировочной у нас и не было, но мы не «потонули». Всех поступающих регистрировали, бегло осматривали. Приняли пятьсот тридцать человек. Эвакуации не было: дороги развезло.

На третий день мы, наконец, создали сортировочное отделение с баней, а число «госпитальных» коек довели до ста.

Дождь кончился, но ночи стояли очень холодные. Раненые в сараях и хлевах жестоко мерзли. Большинство были одеты перед боем совсем по-летнему — в одних гимнастерках.

С четвертого дня пошла газовая, очень много. Не удивительно — раны обработаны поздно, плохо, а многие совсем не перевязывались с момента ранения... Каждую ночь мы с Лидой и Канским оперировали.

Мухи не давали житья. Днем дважды делали перерывы и распыляли порошок дуста. Но проходил час, и все как прежде. Проклятые, садились на газовые раны, а потом на чистые...

На четвертый день появились черви. Снимаем повязку — под ней ползают личинки. Раненых это очень пугает: «заражение». Я-то знал, что личинки безобидны. Они пожирают мертвый материал с поверхности ран. Раны под личинками удивительно быстро очищались и начинали гранулировать.

Организовали три поста по «ловле» машин. Они работали не столь эффективно, как зимой, но все вместе давали до двадцати машин в день. Заготовили соломы, чтобы подстилать в кузов, потому что и для лежачих не хватало «санитарок». Эвакуация началась.

Только первого августа мы вошли в норму. Большая радость: освободили Орел и Белгород! Не зря наши ребята проливали кровь...

После этого дня поступление раненых прекратилось. Бои ослабли, другие госпитали выдвинулись вперед. Мы начали «подчищать хвосты».

У нас семьдесят человек нетранспортабельных. До госпитальной базы армии — восемьдесят километров, они не могут перенести такой путь даже на санитарных машинах. Нетранспортабельные... Слово это обозначает — нельзя перевозить. Нельзя, потому что может умереть в дороге. Доктрина строго требует: «Не отправляйте ненадежного!» Правильно требует. Эта эвакуационная горячка — страшная зараза. Все начальники госпиталей, медсанбатов жмут на хирургов: эвакуируй. Хирурги должны сопротивляться. Они представляют медицинский гуманизм.

Но как бы я не хотел быть нетранспортабельным, когда фронт движется! Лучше бы я

перетерпел транспорт, пошел на риск умереть, только бы везли до надежного места.

Практика такова: войска продвигаются, санитарные учреждения должны идти за ними. Приказы: «Эвакуировать... передислоцироваться... развернуться... нетранспортабельных раненых оставить для долечивания».

Будь я начальником, я бы все изменил. Отправлять нетранспортабельных при стабильном фронте, когда есть условия лечить, — преступление, нужно наказывать. Но когда наступают — да, эвакуировать обязательно, даже с риском для жизни. Поэтому мы стараемся теперь лечить наших раненых что есть сил.

— Николай Михайлович! Прилетел самолет! В поле сел...

— Беги немедленно к нему... Тащи летчика прямо к Чеплюку. Слышишь? Да захвати немножко спирту... Попроси у Лиды.

Санитарный самолет — это ангел-спаситель в наступлении. На нем можно отправлять кого угодно — кроме тех, кто уже без пульса. Но летчики капризны, их иногда нужно даже ублажать...

За два последующих дня все нетранспортабельные раненые были вывезены в Елец.

Вот и Каменка позади. Можно подводить итоги. Итак, приняли 1700 раненых. Большинство — лежачих. Два процента газовой. Смертность при газовой — одна треть. Не очень много... Но и не мало. Правда, мы не имели «пропущенных» раненых. Пропущенные — это поздно диагностированные газовые, это когда не заметят шокового больного, а раненый в живот или грудь пролежит без операции больше, чем следует. Никто не умер от кровотечения. Сестры стали опытнее — «Кубанский университет» помог. Когда столько раненых, только они могут выловить срочных. У нас всего четыре врача. Впрочем, уже пять теперь. Прибыла новая докторша — Малахова Анна Васильевна. Пришла в гражданском платье, в белых туфельках, очень скромная девушка с гривой темных волос. У Зиночки поселили. Та смеется: «Я все говорю, а она — молчит».

* * *

13 августа нам приказали переезжать аж в район Дмитрова-Льговского, за 12 километров, вместе с армией.

Опять нагрузили перевязочную и сортировку на ЗИС, опять Федя ругался, что тяжело, пинал колеса: «Сдадут покрышки!.. Пропадем...» Опять мы забирались на верхотуру, на палатки и мешки с марлей... Там совсем неплохо, если без дождя. Нам все видно, и нас видно. Солдаты, сержанты и лейтенанты при встрече кричат:

— Госпиталь! Смотрите, сколько девок насажали!

А где-то далеко позади тянется обоз. Пока он не приедет, мы еще не в своей тарелке: того нет, другого нет...

Когда ехали, всю местность оценивали с точки зрения развертывания. Большой сарай — для сортировки, другой — для ходячих раненых, домики — резерв для палат... А если школа, да еще двухэтажная, да со стеклами — так это вообще мечта: там все можно развернуть! Офицеры мне рассказывают, что они так же на местность смотрят: где удобно обороняться и как бы они атаковали эту деревню...

Не спеша развернулись в деревне Лубашево. Не успели оглядеться, как опять махнули на семьдесят километров. Деревня Олешек большая, целая и богатая. Немцы так стремительно удирали, что сжечь не успели. И у нас было два дня на развертывание. Поэтому мы спокойно принимали и обрабатывали до двухсот раненых в день. Эвакуировали попутными машинами.

Майор влюбился в Тасю. Это было очень заметно, и все в госпитале подтрунивали исподтишка... Как Тася поглядит на какого-нибудь офицера или на нее кто-нибудь поглядит — все: строгости, проверки, отбои, дежурный по части покоя не знает... Сам майор в любое время ночи может проверить дежурного... Поговорит Тася ласково с майором — он расцветает, строгости смягчаются.

Девчонки просят:

— Таська, ну, смягчись... Чуть-чуть, хотя бы на недельку, пока раненых нет. А там, как поток пойдет, отшивай его, сколько хочешь...

Но Тасе не нравится майор, хотя она от природы кокетка и ей льстит поклонение. Разве что чуть-чуть пофлиртует, для пользы общества.

В Угольной и даже в Кубани некогда было думать о романах. Потенциальным кавалерам тоже было не до того. В Борове, пока фронт стоял, яблони цвели да пели соловьи, все изменилось. Стали приезжать на машинах офицеры и сержанты из частей, свидания, прогулки по вечерам после отбоя. Любовь... Даже на войне, среди смертей...

Вынужден признаться: сам испытываю трудности. Нравится Лида Денисенко.

Я уже майор медицинской службы, Лида — капитан, Нина — старший лейтенант, Быкова — лейтенант.

* * *

Десять дней после Олешка мы сидели в резерве: ждали, пока наши части форсируют Десну и возьмут Новгород-Северский. Жили в деревне Вовна. Наконец Десну перешли, и мы получили новое назначение — местечко Семеновка, районный центр Сумской области. Вот и до Украины добрались!

Приехали ночью. Тут же все осмотрели, спланировали. Отлично можно работать. Старая земская больница, все есть: несколько больничных корпусов, баня, кухня, прачечная. У немцев здесь был госпиталь, и они оставили двухэтажные деревянные кровати. Нашли также много матрацных наволочек из какой-то синтетической дряни. Это наши первые трофеи...

Работать начали с ходу, потому что из ближайшего медсанбата перевезли триста раненых, а потом и дальше пошло... Но развернуться успели, и поэтому не было никаких проблем. Поток раненых прошумел и стих в несколько дней. Фронт подвинулся, возить далеко — санотдел выбросил вперед новый госпиталь. Это называется у нас — санитарная тактика...

Какие чудные березы растут около самой больницы! Целая роща, белые красавицы, листья пожелтели, но от этого еще лиричнее. Мы ходим туда гулять, просто невозможно удержаться. Жизнь свое требует.

Эвакуировать опять не на чем: нет санитарных машин. Но уже укоренилась новая практика: заезжают автоколонны и забирают раненых. По приказу заезжают, ловить не нужно.

7 октября переезжаем. Раненые уже не поступают, большинство эвакуированы. Остальных тоже отправляем на попутных, но со своим персоналом. Доехали благополучно. Прощай, Семеновка! Хорошо поработали, подлечили чуть не две тысячи раненых.

Белые березы останутся в памяти, тихие улочки с аккуратными домиками, земская больничка...

Поехали на запад. Пока без определенного назначения, без спешки. Едем на машине, подолгу стоим, ожидаем обоз. Стоит сухая осень, тепло. Поля, перелески. Белоруссия... Следы боев — окопы, воронки от снарядов и бомб. Нет, немного следов, видно, что немцы отступали быстро. Но деревни сожжены, каждая вторая. Зачем эта бессмысленная жестокость? Наступление нельзя остановить, сжигая мирные дома.

Деревни бедные. Еле-еле сыты здесь люди: картошку собирают, молотят во дворах рожь с частных делянок, с огородов. Голодная зима предстоит. Местами пашут. На коровах, на жалких клячах, женщины сами впрягаются в плуг. Хотят посеять немного озимых...

— Где народ? Почему деревня пустая?

— И-где? Эвакуировались некоторые, некоторых немец в Германию угнал... Почитай, всех девок подчистил... Мужики служить пошли. Из лесу вернулись — и служить... Поумирали тоже много... особенно ребятишки... Вот и весь народ... Да и тем, что остались,

где кормиться, где жить?..

В самом деле, где будут жить люди? Чем дальше продвигаемся по Белоруссии, тем больше пепелищ: и свежие, и старые — это за партизан. Северная Украина и Белоруссия — партизанские земли. Немцам страшно здесь было, в деревнях боялись останавливаться. Ездили главным образом по большим дорогам, которые охранялись. Непросто давалась партизанская война. Смелый налет, диверсия — ответные репрессии: сожженные села, расстрелянные жители. Трудно сказать, какой баланс жизней. Но зато огромный эффект — советская земля осталась непокоренной. Ничего с нее немцы взять не могли, даже армию питать были не в силах.

Когда видишь этих женщин и детишек в лохмотьях, копающихся на пепелищах, смотрящих голодными глазами, в груди глухо поднимается ненависть к фашистам...

Нет, наш народ все-таки не такой! У русских не было пренебрежения к другим народностям. Недавно привезли нам группу раненых немцев. Это было здесь, в Семеновке. Раненые не тяжелые, ходячие. Выгрузили их вместе с нашими. Было тепло, сортировочная переполнена, и все, кто мог, сидели прямо на земле около бани. Немцы имели жалкий вид. Сбились в кучку, говорили мало и шепотом, оглядывались по сторонам со страхом. Наши солдаты веселы: наступление идет удачно, раны не тяжелые, предстоит баня и еда. Они громко разговаривали и делились махоркой, кто-нибудь сосредоточенно выбивал огонь кресалом, все закурили.

— Ишь, притихли... фрицы... Зачем их только берут... живодеров? Стрелять бы всех...

— Да, вон видел по дороге? Редкая деревня цела. Под корень подрезали народ. А спроси, скажут: «Я не я и лошадь не моя. Гестапо... Гитлер капут...» Немцы услыхали знакомые слова, забормотали негромко: — да, да, Гитлер капут...

— Вот, видишь, капут... А деревни зачем жжете?.

— Не понимай. Гитлер капут. Германия капут.

Разговор не состоялся.

Проходит еще время. Немцы чуточку отошли, принюхиваются к табачному дыму, что ветерок доносит до них... И наши посматривают.

— Ишь, немчура, носом-то поводит... Чует.

— Известно, курить хочет.

— Курево у них поганое. У офицеров еще ничего, а солдатское — сено... Только что пропитано табачным духом.

Солдатам хочется угостить немцев махоркой, советской махоркой, но они стесняются друг друга — показать слабость к врагу. Потом кто-нибудь не выдерживает, встает, открывает кисет:

— На, фриц... попробуй, чем настоящий табак пахнет! А то прогоним вас, так и не узнаешь...

Немцы заулыбались, загалдели, закивали. Наши одобрили снисхождение товарища.

— Пусть покурят, затянутся... Хрен с ними!.. Тоже люди...

После этого уже завязывается разговор. Любопытство толкает на беседу. Наши знают, что немцы — неплохие солдаты, но со своими не сравнивают. «Нет, немцу против русского не выстоять!» Видна советская гордость: вот всех, мол, они, немцы, побили, а мы остановили и гоним.

Мы едем к Гомелю. В дороге нам сказали: «Возьмут Гомель — там работать будете». Все довольны. Надеемся, там развернуться лучше будет.

Но остановились в двенадцати километрах от Гомеля — в деревне Ларищево. Фронт, кажется, стоит. Слышны редкие артиллерийские выстрелы. Над передовой летают самолеты, но бомбежек нет, видимо, разведчики.

Госпиталь отдыхает. Ребята ходят на речку Ипуть, даже рыбу ловят, угощали меня как-то ухой. Я же частенько заглядываю в гости к своим перевязочным сестрам. Даже слишком часто. С Лидой гулять ходим. Окрестности очень красивы — лес еще не оголился и блистает желтым, красным, оранжевым.

Да, кто-то получил известие о Хаминове: он прибыл в полк в самый разгар боев летом 42-го, отличился при эвакуации раненых, был помилован, потом попал под Сталинград и там погиб.

Глава двенадцатая. ХОРОБИЧИ.

На новое место приехали 4 ноября под вечер. Село Хоробичи огромное — четыреста пятьдесят домов, почти совсем целое. Рядом — станция Хоробичи, через которую снабжается наша армия, нацеленная южнее Гомеля.

Будем работать в составе ГБА. Это только название громкое — госпитальная база армии, а всего-то маломощный ЭП и мы, ППГ. Все раненые будут поступать на попутных машинах к нам. Мы должны тут же на машинах их сортировать, снимать тяжелых для себя, а ходячих и сидячих отправлять теми же машинами в ЭП, в соседнее село Городню.

Но сейчас мы думаем не о том. Опять негде развертываться. Все занято. Стоит летная часть, генерал и разговаривать не стал с нашим начальником. Где там! Ездили в соседние деревни — тоже нет места. Придется развертывать палатки среди площади. Но есть, однако же, высшая справедливость! 6 ноября летчики получили приказ уезжать, и генерал охотно передал нам все свои помещения. И еще: Киев наш! Это тоже генерал сказал. Я даже не знаю, чему мы больше радуемся.

Теперь мы обладатели школы, клуба, и еще около двадцати домиков под службы и квартиры личного состава. В праздник развернулись. Все продумали и приготовились для большой работы. Задачи трудные: на носу зима. Но мы не повторим Угольную. Ни за что!

Итак, наше развертывание. Сортировочное отделение: три большие палатки — для приема раненых, отсюда они идут в баню, потом без белья — в конвертах и под одеялами, в халатах — собираются в палатку-буфер, где ожидают перевязки. Это важное новое изобретение. В перевязочной меняют повязки и только тогда надевают чистое белье и отправляют в госпитальное отделение. Однако не всех. Кто с легкими ранениями, тех несут обратно в «буфер», там их одевают в пожарное обмундирование и везут в эвакоотделение. Госпитальное отделение на двести мест в школе. Эвакоотделение на 220 — в клубе, сельсовете и в палатках. Шестьсот раненых можем вместить.

Операционно-перевязочное отделение развернули в доме, где раньше жили учителя. Выпилили стенку — получилась перевязочная на восемь столов. Отдельная операционная, предперевязоная и еще перед входом поставили палатку-буфер, чтобы не было простоев.

* * *

С 10-го началась работа... Нам привезли всех нетранспортабельных из ППГ первой линии и специализированного ППГ («голова»). Заняли почти все койки в школе. 16-го в полночь, когда шел ледяной дождь со снегом, за мной прибежал Бессоныч:

— Николай Михайлович! Привезли... Страшное дело!

Слышу мощный гул машин, как будто идет эскадра самолетов, и в окне мелькают отблески фар. Одеваюсь, как по тревоге. Бегу... Вся огромная площадь перед школой заполнена медленно ворочающимися и ворчащими «студебеккерами» со вспыхивающими и гаснущими фарами, сильными, как прожекторы. В их свете падает снег.

У сортировки ругань. Шоферы обступили Любовь Владимировну, кричат, матерятся...

— Сгружай немедленно, старая карга!

— Ты видишь, что с ними? Замерзли! Слышишь, стонут?!

— Вот он — критический момент. Вот сейчас их нужно матом, как я умел раньше, когда был сменным механиком... Но тут эта Любочка. Нельзя.

— А ну, тише! Старшего сюда!

Старшим был капитан, но он молчал. У него был приказ, и он знал порядок, но ехать по грязи в Городню совсем не хотелось. А тут еще дождь со снегом...

— Сколько машин?

— Сорок три.

— Сколько раненых?

— А кто их знает... Мы же их не по счету... Человек пятьсот, наверное...

— Не сметь сгружать! Здесь снимаем только лежачих и тяжелых. Знаете приказ?!

— Знаю, знаю... Давайте скорее... Разве вы не видите, что они замерзли?!

— Сейчас отсортируем. Санитары! Снимать только лежачих и с бирками! Кто слезет самовольно, обратно в машину! Пошли, Любовь Владимировна, Аня!

В кузове, на соломе или прямо на железном полу, лежали раненые — без одеял, только в шинелях. Между лежачими — согнутые фигуры с завязанными головами и шеями, с разрезанными рукавами, штанинами, запорошенные тающим снегом, мокрые... Куда тут их еще везти! Но если мы примем всех, значит, сразу заполнимся до отказа. А завтра? Нет, солдат должен терпеть. Это его первая обязанность.

Санитары с носилками следуют за мной и Быковой. Залезаю в машину. Кричат:

— Давай снимай, чего смотреть.

— Не видишь, раненые!

Объяснять некогда, нужно приказывать.

— Снимут только тяжелых и лежачих. Кто полегче, поедет в Городню за пять километров. И не шуметь!

Лежачих быстро стаскивают санитары. Тех, кто сидит, проверяют. В других машинах командуют Быкова и Аня Сучкова. Разгрузка идет быстро: в сортировке много мест. Укладывают подряд, потеснее. Там раненые сразу замолкают, потому что бочка уже шумит от пламени, дрова сухие заготовлены.

В иных машинах шоферы командуют ходячим:

— Слезай, чего ждешь? Не выгонят!

Но мы неумолимы и отправляем из приемной снова на машину. Майор тут же, помогает объясняться с шоферами и капитаном. Это очень важно, потому что у меня плохо получается...

По мере разгрузки машины ворчат моторами, зажигают фары и начинают маневрировать к выезду с площади. Она постепенно пустеет. Разгрузка заняла всего полчаса. Лоб мокрый от пота, хотя на мне одна гимнастерка. А может, от снега?

В сортировке уже идет работа. Прежде всего согреть, напоить. Бочка пылает, бак с кипятком и даже чайник с заваркой стоят на бочке. Настроение уже совсем другое. Слышатся даже благодарности.

— Спасибо, сестрица... Так замерзли, так замерзли, что и сказать нельзя.

— А кормить будут?

Только потом спрашивают о перевязках.

Приняли 152 человека. Все три палатки загрузили до отказа, некоторым даже лечь негде. В палатках сделаны очень низкие нары, застланы соломой и хорошо покрыты брезентом. Низкие — это важно: чтобы санитар мог с ногами забираться, перекладывать на носилки. Оставлять на носилках мы не можем — они неудобные и много места занимают.

Теперь нужно их пересмотреть — выбрать срочных и назначить очередности перевязок на завтра. С начальником решили, что ночью плановых перевязок не будет. Без сна долго не вытянем, а работа на ГБА — это месяцы. Станции снабжения меняются не часто...

* * *

Каждый вечер приходила теперь автоколонна и привозила нам по несколько сот раненых. В первые дни управлялись за сутки разгрузить сортировочную, вымыть и перевязать всех поступивших. Каждое утро делали внутригоспитальную пересортировку — выводили в эвакоотделения — в палатки, клуб и сельсовет тех, кто не вызывал тревоги. Но все было заполнено за три дня. Начали выводить в ближайшие хаты...

На пятый день, когда число раненых достигло тысячи, нас захлестнуло. Сортировка забита, вынести некуда, перевязывать всех не успеваем. С трудом освободили два десятка мест в приемной палатке, чтобы иметь возможность снять самых тяжелых.

Ночью пришла колонна, и мы не смогли ее разгрузить. Сняли только самых тяжелых, остальных начальник с санитарами лично повез разгружать прямо в хаты. Планировали занимать подряд все дома целыми улицами. Дома, разумеется, все были заняты, но мы уже не церемонились. Машина подъезжала, начальник стучал в дверь — если нужно, то и рукояткой пистолета.

Санитары заносили раненых в хату и складывали на пол, на кровати, на лавки, на печку. Квартиранта не выселяли — живи вместе с ранеными.

Цифра перевалила за тысячу, поползла за полторы...

И все-таки мы не потонули! Угольная не повторилась. Первое дело — уход и питание. Быстро создали большую команду выздоравливающих — человек до ста, а потом и больше. Но, конечно, они не могли обслужить всех раненых, ведь 90 процентов — лежачих, они лишь могли с помощью передвигаться по комнате. Обслуживание строилось так: на каждую улицу или две выделялась сестра и в помощь ей — ответственный санитар, «старшина». Кроме того, улица прикреплялась к врачу, который, разумеется, вел еще основных больных в госпитальном отделении. Врачей ведь всего пять. За ранеными ухаживали хозяйки домов. Кухня могла прокормить только полторы тысячи. Женщины приходили со своей посудой и по талончикам, выданным «старшиной», получали обеды. Для остальных выдавали продукты на дом — по таким же бумажкам с печатью. Хозяйки варили сами. Говорят, что они кормили даже лучше, ведь Чеплюку было не до разносолов. Мы никогда не размещали в одной хате «чистых» и «нечистых», мыли всех обязательно. Конечно, в наших госпитальных и эвакоотделениях все были мытые, и о вшах не было даже речи...

Чтобы возить раненых внутри госпиталя, мобилизовали колхозников с лошадьми. Свои подводы едва успевали снабжать нас продуктами. Бывали дни, когда одного хлеба уходило до двух тонн! Пекарни не было, пекли хлеб сами. Для этого пригласили нескольких колхозниц, которые славились умением и имели печки. Женщины работали очень хорошо, и мы им благодарны несказанно. А мужики работали плохо. Только не догляди — уже исчезла подвода вместе со своим хозяином. Ох, попортили они крови... Раненого нужно везти с перевязки, а подвода исчезла! Прости меня, господи, но не раз пришлось матюкнуться, а однажды даже потрясти такого «куркуля».

Хорошо работали наши хозяйственники, ничего не скажешь. Медицину обеспечить было труднее. Мы оперировали только срочных и осложненных раненых. К счастью, первичная обработка ран проводилась прилично. Фронт двигался медленно, да и медсанбаты подучились. Но перевязки необходимы. Нужно было перевязать по первому разу, чтобы не пропустить осложнений. Через четыре-шесть дней нужно перевязать повторно: почти все раны гноятся, повязки сползают. За сутки мы перевязываем двести сорок человек, но, кроме того, пришлось направлять «летучки». Часть раненых в домиках перевязывали «палатные» сестры. Общая цифра перевязок достигла четырехсот. Работали с семи утра до двенадцати ночи. Разумеется, врачи не могли каждый день смотреть всех раненых в хатах. Только раз в три дня. Но сестры обходили свои «улицы» каждый день по два раза и даже измеряли температуру.

К 23 ноября число раненых достигло 2350. Из них полтораста — в команде выздоравливающих, но это единственные «ходячие». У нас было семьсот человек на дальних улицах, за два километра от центра. Они не прошли санобработку, но многих перевязали на месте. Остальные прошли через баню и главную перевязочную. Вшей у них не было. Это важно, потому что в некоторых деревнях встречались заболевшие сыпным тифом.

Нет, мы не «потонули» в смысле хирургии. Только благодаря отличным сестрам и правильной сортировке. Не зря восемь колхозных подвод целый день перевозили раненых с места на место. Нам удавалось вылавливать всех «отяжелевших» и собирать их в основных помещениях, где был постоянный врачебный надзор. За все время в домах умерло двое, и

был один просмотренный случай газовой флегмоны: раненого доставили в перевязочную уже без пульса.

* * *

Главная медицинская забота — не пропустить кровотечения. У многих через две недели после ранения развивается инфекция, самое время для так называемых «вторичных» кровотечений от разрушения стенки артерий. Как выловить такого раненого за один-два километра, в страшную грязь и темень? Помощь нужна немедленная. Первое — нужно зажать кровоточащее место и держать. Потом жгут, и только тогда — операция. Самое трудное — зажать. И мы проводим обучение хозяек: пока они стоят в очереди за питанием, им рассказывают, как нужно прижать рану ладонью через повязку, если из нее потекла кровь. Это же сестры рассказывают самим раненым при обходах. Жгутами мы не можем снабдить каждую хату, да и не так легко его наложить. Зато около перевязочной круглосуточно дежурит наша повозка, а в предперевязочной — наши отличные санитары.

Ночью прибегает в перевязочную запыхавшийся бледный паренек:

— Дяденька, скорее! Кровь идет... Мамка послала, раненый помирает...

Бессоныч просыпается моментально. Хватает паренька в телегу, сам стоит во весь рост и, размахивая вместо кнута жгутом, гонит по грязи, куда укажет пацан. Тут он застает страшную панику, уже горит коптилка, все возбуждены. Хозяйка или кто-нибудь из раненых держит рану, из-под рук течет кровь, потому что это тоже надо уметь — держать. Пострадавший чуть жив. Быстро накладывает жгут, в телегу и — опять галопом к перевязочной. А тут уже другой санитар прибежал ко мне, разбудил Лиду или Машу Полетову, и она уже надела перчатки, ждет. В предперевязочной стаскивают одежду и — на стол. Канский режет ножницами бинты, мажет раны йодом и медленно ослабляет жгут. Вторичные кровотечения коварны: они временно останавливаются под жгутом, чтобы возобновиться снова через день-два, а то и через час или пять минут. А иногда и жгут снять нельзя, сразу струя крови бьет вверх. Обычно тут же оперируем вдвоем с сестрой, под местной анестезией. Коля переливает кровь и глюкозу.

Мы здорово наспециализировались на сосудах. Но полночи все-таки проходит, пока найдешь и перевяжешь артерию. А иногда откладывали, если после жгута не кровит... Тогда этого раненого оставляют тут же, в предперевязочной, спать рядом с санитарами. Тут уж не дадут умереть. И мы не дали умереть от кровотечения ни одному.

Наконец 25 ноября пришла летучка. Для нашего госпиталя выделили пятнадцать вагонов, но мы сумели загрузить больше. Страшный был аврал! Непросто вывезти на станцию и погрузить семьсот лежачих раненых... Расстояние хотя и небольшое — всего три километра, но нужно каждого проверить, кое-кого подбинтовать, одеть, положить в телегу, привезти,, перенести в вагон, там уложить. Все плановые перевязки были приостановлены, хорошо, что накануне не было новых поступлений. Мобилизован транспорт, люди. Женщины упрашивают за своих квартирантов, но мы строго придерживаемся принципа: в тыл только обработанных. Вывозили дотемна и справились. На следующий день сообщили, что в летучке умерло несколько наших раненых. Оказывается, поезд не ушел... Я поскакал на вокзал верхом, прямо в халате. Умер только один раненый, его хозяйка из хаты привезла самовольно. Однако пришлось вернуть еще несколько человек с мочевыми и каловыми свищами. Теплушки не приспособлены для них...

Обещают наказать меня. Наверное, правильно; заслужил.... А сегодня утром узнал, что меня наградили орденом Красной Звезды.

26 ноября наши взяли Речицу. После этого дня поступления раненых пошли на убыль. Возить стало очень далеко — до Речицы 120 км. Начались холода. Раненых привозили совершенно замерзших, потому что при эвакуации на попутных машинах практически невозможно обеспечить одеялами и спальными конвертами.

После второй летучки у нас осталось только 1500 раненых, и мы смогли навести

некоторый порядок. Освободили дальние улицы, провели планомерную санобработку и перевязки тех, которых вынуждены были сразу развозить по домам.

29 ноября ЭП свернулся и ушел вперед. Теперь мы принимали всех, отсортировывая только для ГЛР. Ходячие раненые не доставляли хлопот — их легко перевязывали, а осложнений у них почти не встречалось. Зато летучки приходят теперь почти регулярно, и мы постепенно разгружаемся.

Стало немножко меньше работы. Это значит, что можно встречаться за обедом, поболтать, справиться о сводке и выслушать комментарии... Даже отпраздновали мое тридцатилетие. Была даже «личная жизнь». Мы с Лидой все больше сближались... Боюсь, что это становится заметным.

Хирургические проблемы... В Хоробичах нас преследовали кровотечения. Никогда их не было столько, я подсчитал по перевязочному журналу: свыше ста! Конечно, не сто раненых — некоторые «кровили» по два и три раза, пока удавалось сделать радикальную операцию. С конца ноября, пожалуй, не было ночи, чтобы мы с Лидой не оперировали кровотечение. Бывало и по несколько случаев подряд.

Кажется, в организме нет сосуда, который бы не пришлось перевязывать при кровотечениях. Одни простые, как сонные и бедренная артерии, другие — коварные: ягодичная или подключичная.

Еще нас мучили «мочевики». В МСБ и ППГ знали только одну урологическую операцию — свищ мочевого пузыря. Наш «холодный» уролог Гамбург очень пригодился. Он ходил в жаркой палате в своем неизменном меховом жилете и с наганом, пот с него течет градом. Своими квалифицированными промываниями спас многих.

Наши старые проблемы — грудные клетки, бедра и суставы — оставались столь же нерешенными, как и раньше. Мы не могли их лечить в этих условиях. Нужен рентген, нужно вытяжение, нужен гипс... время, наконец! Мы не пропускали начавшуюся газовую, не давали умереть от вторичных кровотечений, но не могли предотвратить развитие сепсиса. Только вскрывали гнойные затеки, флегмоны. И ждали эвакуации...

А раненые отяжелевали и становились нетранспортабельными... Тогда — ампутация. Так и получалось: ожидали время для ампутации. Ужасно...

16 декабря отправили последнюю летучку и тут же получили приказ переезжать. А у нас 87 нетранспортабельных раненых.

Оставили Гамбурга, перевязочную и палатных сестер, повара, двадцать выздоравливающих. Снарядили их как на зимовку — все хотелось предусмотреть: медикаменты, перевязку, питание... Да разве можно оставить главное — опыт, уменье?

Сижу наверху машины, надел массу всякой одежды. Тепло, хотя ветер злой, мороз около двадцати. Странное состояние — и тяжело, и легко. Тяжело, что оставили раненых. Легко, что уже не нужно думать, напрягаться: при переездах все равно решают без тебя и за тебя.

Выпал снег и закрыл израненную землю, пепелища. В сожженных деревнях люди живут, как кроты в норах: видны сугробы, из которых торчат железные трубы с лентами жидкого дыма...

Дорога накатана военными машинами. Едем довольно быстро. Вот уже Сож, временный мост. Гомель. Что от него осталось! Вся длинная улица, что ведет на север, разрушена, одни остовы сгоревших кирпичных домов со слепыми черными глазницами окон да пустыри с грудами кирпича. Что сделали с городом! Еще осенью мы видели с другого берега целые дома среди сожженных, а теперь, кажется, нет ни одного.

Но уже заделывают досками окна, уже выставлены в некоторые окна трубы, как было в Калуге. Сколько таких городов уже оставила война, а сколько еще разрушат?.. Велики успехи, но как много еще нужно освободить.

Потом начинаю думать о близком — о своих кровных медицинских делах... О только что прошедшей работе в Хоробичах. С 10 ноября по 18 декабря средняя загрузка составила 1080 человек, 90 процентов — лежачие. Свыше восьми тысяч прошло через госпиталь за это

время, больше трех процентов умерло. Даже страшно назвать, цифру смертности, если сложить все этапы: и медсанбат, и ППГ первой линии, и ГБА, и дальше — фронтовую базу, как в Ельце. Я могу сосчитать, сколько останется в живых, сколько без ног...

Кто виноват? Сколько здесь моей вины?

Все это я передумал уже сто раз за этот год...

Глава тринадцатая. БУДА-КОШЕЛЕВА.

Приехали вечером. Остановились у взорванного вокзала. Начальник пошел к коменданту. Холодно и тоскливо — разожгли костер. Федя сделал шоферскую разведку; «Плохо!» Станция снабжает две армии. Все забито тылами. Наконец идет начальник. Грустный. «Ничего нет». Ночевали в хате, занятой ЭПом. Спали на нарах, приготовленных для раненых.

Следующий день проискали в окрестностях... Безнадежно. БАО, автобазы, склады — все, кроме мест для раненых...

Вечером, когда возвращались совсем замерзшие, увидели двухэтажную школу без окон и дверей... В 41-м году в этой школе немцы собирали всех евреев перед тем, как расстрелять...

Посмотрели. Окна и двери выломаны, некоторые даже с косяками, печки полуразрушены. Но полы и потолки почти везде целы. И крыша.

— Неплохой бы мог быть госпиталь... а?

— Отличный. Но как осилить?

Вечером пришла наша летучка. Выгрузились, погрустили, раскинули палатки, чтобы ночевать. Ходили школу смотреть.

Решились. Утром начался ремонт. Имеем сто человек выздоравливающих — есть мастера, но нет материалов. Пошли искать по домам. Обнаружили вывороченные вьюшки и часть дверей... Мужики не зевали. Но и мы не церемонились.

Трудно со стеклами... Нашлись добрые люди, отдали часть своих зимних рам — можно хоть маленькие окошечки вставить. Кирпича много на станции — взорваны вокзал и башня. Но не просто было его выламывать.

Каждое подразделение само ремонтировало себе помещения. Закладывали окна кирпичом до размеров имеющихся рам, вставляли вьюшки и дверки, ладили, двери.

Полностью воспроизвели схему Хоробичей, только в лучшем варианте — в одном здании 250 коек, баня и перевязочная. Вместе с палатками снова имели 600 мест.

На этот раз раненых, привозимых в Буду, сортировали в ЭПе. Проблемы не было — приходит колонна машин, сортировщик командует: «Ходячие, вылезай!» Все, кто может, моментально слезут. Остальных везут нам.

26 декабря еще не окончен ремонт, а работа уже началась. Госпитали первой линии «накопили» раненых, пока мы переезжали, и теперь везли их нам по 50-60 человек в день. Раненые были тяжелые... Наш контингент.

Началось наступление, и поток увеличился. Такого сумасшествия, как в Хоробичах, не было — поступало самое большее двести-триста человек. Скоро пошли летучки, поэтому больше семисот раненых у нас не собиралось. Занимали одну-две соседние улицы.

В эвакуации была только одна трудность: захватить вагоны в поезде. ЭП стоял около станции, публика у него подвижная — скомандуй, сами побегут и в вагоны залезут. Нам нужно было вывезти иногда двести-четыреста человек. Где транспорт взять? Но голь на выдумки хитра. В день эвакуации мы ставили «заставы» на всех дорогах, что ведут к Буде, «арестовывали» всех колхозников с лошадьми и поворачивали их к госпиталю. Они были обязаны возить раненых, пока не погрузим всех в поезд. В день летучки вся улица вокруг госпиталя загружена разномастными клячами и санями. На каждой сидит хозяин, с ним санитар из выздоравливающих. Наша армия вела наступление до 20 февраля. Куда наступали, мы толком не знали. Бывают такие бои, которые в сводки не попадают...

Ничего плохого не могу сказать о работе в Буде. Было культурнее, чем в Хоробичах, все раненые проходили санобработку и перевязку в первые сутки, мы довели пропускную способность перевязочной до 250 и даже 300 человек — работали, как машины! Но суть дела это не менялась. Лечение было по-прежнему только срочным. Лечили тяжелых, кого нельзя отправить, а их было слишком много, чтобы лечить хорошо. Вытяжения для бедер и даже гипсы накладывать не могли — не было мест и условий. А тут еще недостаток бинтов. Бинты, салфетки и даже марлевые шарики мы все стирали, никогда не резали повязки... Где же тут гипсовать?

Произошло важное событие в моей жизни: я женился. В первых числах января Лида Денисенко переехала ко мне. Было объявлено во всеуслышание: жена! Кончилась моя свобода. Я не очень ею пользовался, но ощущение возможности приятно. Значит, уж такова судьба мужчины. Три с половиной года я был холостым после Али... Так мало! А первый раз женился в двадцать... Теперь мне уже тридцать. Пора!

Нам нашли комнату рядом с госпиталем. Хорошая комната, есть даже радио. Хозяева живут в другой половине, и нам никто не мешает. Настоящие молодожены.

Было несколько бомбежек. Дважды вылетали стекла в перевязочной. Один раз бомбили днем, все столы в перевязочной были заняты. Не слышали, когда прилетели самолеты, и вдруг — взрывы совсем рядом, полезли стекла. Наших лежачих, тяжелых раненых, как ветром сдуло со столов — сразу оказались на полу. В палатах тоже попрятались под топчаны. Паника была изрядная. Но сестры все оставались на местах и успокаивали своих пациентов. Какие молодцы!

Второй раз бомбили целый вечер. После первого налета привезли раненного в живот лейтенанта — он оказался приятелем нашей сестры Веры. Поступил в шоке, вывели, срочно оперировали. Только вскрыли живот: бомбы! Одна, другая, совсем рядом. Посыпались стекла. Все наши держались мужественно, никто не нарушил асептику. Лида боится самолетов, но и она только присела, выставив стерильные руки вверх. Лейтенант умер спустя пять дней после операции. Развился перитонит, и не смогли спасти...

Еще одно событие: в Буде судили полицаев и предателей. Двоих приговорили к повешению. Была публичная казнь — на пригорке под высокими соснами, почти рядом с госпиталем. Масса народа собралась. Многие наши ходили. Рассказывали потом: приговоренных поставили на машину, петли приладили на ветку сосны, зачитали приговор, и машина пошла. Они повисли... Висели дня три, и я боялся подходить к тем окнам... Почему-то было очень противно на душе, пока не сняли. Я за наказание предателей. За смертную казнь для злостных. Но надо ли публично? Зачем разжигать жестокость в людях, допускать, чтобы это видели дети... Не могу понять.

Началась весна. Третья военная весна... В первых числах апреля госпиталь свернули, нетранспортабельных раненых передали эвакогоспиталю, который приехал на наше место. Кончился еще один этап работы. Как будто все делали хорошо, но удовлетворения не осталось. Нет, грубых ошибок почти не было. Но условия крепко держат нас в руках и не дают добиться решительных успехов. Неужели до конца войны так и не испытать радости настоящей эффективности хирургии, которую испытали в последний период работы в Калуге?

Итак, межбоевой период. Войска в обороне. Большинство госпиталей свернуты. Время переездов, инспекций, учебы и конференций.

В апреле ездили с начальником и Канским в Речицу на армейскую конференцию. На выставке мы похвалились гипсом: повязки были наложены на санитара Степу Кравченко, срезаны, заглажены и высушены. Получились — как античные скульптуры. Очень всем понравились. Думаем под них получить профиль спецгоспиталя «бедро — суставы», если такой будет.

В президиуме сидели строевые генералы. Армейский хирург сделал обзорный доклад — пересказал «Указания». Ни слова о трудностях, будто и не было Угольных и Хоробичей. Научные доклады очень слабые. Я тоже выступал, даже дважды. Повторил калужские

материалы о «коленках» и рассказал новое о пневмотораксах. А самым лучшим было сообщение:

— Одессу освободили!

Со смешанным чувством еду домой, в Буду. Приятно, что доклады прошли хорошо. Приятно сравнивать себя с другими и убедиться: да, на уровне. Вот и ящик с гипсами едет обратно, жалко было выбросить, хотя на что они? Приятно завести знакомство с хорошими людьми — хирургами. Но противно слушать фальшивые речи, хвастовство и славословия. Ведь еще так далеко до Берлина.

Идет дождь. Дорога совершенно размокла. Как свернули с шоссе, так и застряли. Я не стал ожидать, пока будет трактор или «студер», пошел пешком. Восемнадцать километров по глубокой грязи... Пришел поздно вечером, устал до полусмерти. Лида ужин взяла для меня. Попили чай, рассказал... Стало легче. Брак — неплохо придумано.

На следующее утро пришло письмо из 1-го Московского мединститута, сообщалось, что профессор Силищев дал на мою диссертацию отрицательный отзыв и поэтому она не может быть рекомендована к защите: Горько стало. . Хотя и не особенно рассчитывал, но надеялся.

Кончится война — кому будут интересны «бедра» и «коленки», пневмотораксы? И станешь ты, Амосов, опять ординатором с двухлетним стажем...

20 мая переехали в Речицу. Имущество привезли летучкой. На фронте тишина, летучкам делать нечего. В самой Речице не остановились, поехали в Озерщину — большущее село на Днепре, километров десять от города. Совсем целое, дома просторные, окна с цветными ставнями. Немцы его не тронули, не успели. Скорее бы уже наступление...

Мы с Лидой — законные муж и жена. Ездили в Речицу — там уже восстановлена Советская власть, есть ЗАГС.

Сегодня сообщили, что началось вторжение союзников на континент. Наконец долгожданный второй фронт открыт... Скоро и у нас начинается летнее наступление. Сшибить бы Гитлера до осени, а?

Наконец мы получили назначение — развертываться. Опять на ГБА, но нам сейчас куда угодно, только работать. Поселок Пиревичи — это близко от Буды. Стоило ездить взад-вперед. Пути начальства неисповедимы. Впрочем, наверное, трудно командовать армией. Тут с хирургией толком не управишься... Едем опять старой дорогой через Гомель. Сейчас он куда красивее. Отцветают яблони. Масса зелени, она закрывает пепелища деревянных домиков на окраине. Странно торчат черные трубы среди цветущих деревьев. Трава, еще не растет на пепелищах, и черные фундаменты домов врезаны в зеленые рамы двориков. Но всюду уже копаются люди. Не погорельцы, а горожане.

Уже живой наш, советский город. Висят лозунги: «Возродим наш родной Гомель!»

Глава четырнадцатая. НАСТУПЛЕНИЕ.

Мы приехали в Пиревичи на четырех машинах. Уже издали увидели длинные строения — все в порядке! Главное дело — сараи. На лето нам ничего больше не нужно. Мы вычистим и хлевы — было бы время. Команда выздоравливающих растаяла... Никуда не денешься: почти четыре месяца не работаем, почти все поправились, осталось человек пятнадцать.

Конечно, все занято! Как может быть иначе? Стоит саперный батальон со своей техникой... Начальники пошли в их штаб. «Откажут, конечно».

Вот возвращаются довольные, и с ними чужой подполковник интеллигентного вида. Это их командир. На погонах — инженерные знаки.

— Да, мы вам освободим все, что необходимо. У нас люди здоровые... И мы поможем устроиться.

Не верю ушам своим! Вот это человек!

Распланировали, «вошли в контакт» с подчиненными этого подполковника... уже на

низшем уровне: старшие и младшие сестры — с капитанами, лейтенантами.

В Пиревичах был деревообрабатывающий завод. Он пострадал, но уцелел длинный сарай — пойдет под сортировку, а большой цех — для эвакоотделения.

Перевязочная получила домик, саперы вставили окна. Девушки выбелили стены. Лида работала кистью на козлах, как заправский маляр. Мы решили показать, что можем гипсовать не только для выставки. Летом получили «стол Юдина» — передвижной ортопедический стол, чрезвычайно удобный. Прямо сам просится — используйте!

Впрочем, может, опять захлестнет. Как немец будет сопротивляться, как будут действовать наши генералы?

Никогда у нас не было таких приятных соседей. Не удивительно: все инженеры-техники, много ленинградцев. Вечерами они собираются на нашем широком дворе, приносят радиолу и открывают танцы. Один парень чудно играет на гитаре и поет. «Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя привозил...» Еще: прочитал главы из новой книжки Шолохова «Они сражались за Родину». Отлично. Сцена в перевязочной медсанбата будто с натуры написана.

Песни трогают не только меня — трогают и наших девушек, Даже самые скромницы завели себе кавалеров и тем повергли майора в страшную тревогу. И вот у нас уже строгости. Подъемы, отбои, проверки, патрули. Уже организована, ловля опоздавших... Уже их сажают на гауптвахту.

Ребята возмущаются, и отношения между нашими и саперными начальниками сильно охладились.

22 июня, в третью годовщину войны, саперы ушли на передовую. Говорят: мосты через Днепр будем наводить.

Летучка уже на станции стоит и ждет раненых. Вот как нынче! Напряжение ожидания нарастает с каждым днем. Наши самолеты-разведчики летают постоянно, немецкие — редко.

* * *

Наконец началось! 24 июня утром проснулись от страшной канонады. Стрельба не прекращается целый день, хотя и потише. Ходим и слушаем: не дальше ли? Не глуше ли? Нет, пока так же.

Вечером уже привезли первых раненых на нескольких санитарках. Прямо из МСБ — с ранениями конечностей. Говорят: «Не продвинулись. Бьет. Подняться не дает».

Проработали до поздней ночи: наложили три высоких гипса и несколько на голень. Обработки ран для гипса неподходящие. Приходится дополнительно иссекать раны. Не быстро получается. Стол занят часа полтора. Но надеемся натренироваться. Юдинский стол отличный. Нужно еще один, если станем специализированными. Вася Лысак обещал.

Завтра нужно ждать большого поступления. Прорыв, видимо, дается нелегко.

Два дня работаем интенсивно. Раненых везут небольшими партиями почти все время. Сразу видно, что фронт близко и транспорта прибавилось. Приемная такая большая, что вмещает всех. Некоторых сразу переводим в эвакоотделение, потому что все солдаты чистые, многие прямо из МСБ, перевязывать не нужно.

27-го слышим страшный гул. И бомбят. Вечером шоферы с машин сообщили: «Прорвались!» Теперь, наверное, пойдут... Дай-то бог!

У нас уже скопилось человек пятьсот раненых. Гипсуем немного — не успеваем. Раненые идут хорошие. Сказался летний отдых, питание, солнышко. Настроение — побеждать. Многие жалеют, что ранило, когда подошло самое время — вперед.

30 июня вдруг рывок: все время везли из-под Бобруйска, а тут сразу — Осиповичи и даже дальше. Посмотрели на карте — это километров шестьдесят западнее. Теперь пойдут! Рассказывают, что под Бобруйском немцев окружили, что авиация работала отлично, что машин валяется тысячи... Немцы бродят по лесам, сдаются. Во, господа, и вам привелось прятаться! Трудновато будет на нашей территории. Партизаны, небось, того и ждут.

После 1 июля поток раненых резко спал. А 6-го нас предупредили, что скоро нужно

ехать. Пока мы собираемся, войска уже ушли далеко, даже толком не знаем, где идут бои Каждый вечер по несколько раз передают приказы Верховного Главнокомандующего. Вся страна живет наступлением...

Наконец 9 июля получили приказ ехать в район Бобруйска.

* * *

В Рогачеве переправились через Днепр. От самого города ниче го не осталось — его уничтожили еще зимой. Пепелища заросли травой, даже трубы сожженных домов обвалились.

Наконец мы покатили по настоящему шоссе. К полудню уже подъезжали к Березине, что недалеко от Бобруйска. И тут мы увидели то, что осталось после окружения. Это невозможно представить по описаниям.

Поле и редкий лесок, сколько видит глаз с машины, усыпаны техникой. Усыпаны буквально — почти вплотную друг к другу, в разных позициях, стоят и лежат перевернутые и целые автомашины всех марок, тягачи, орудия. Между машинами — воронки взрывов, покалеченные деревья, тряпье, масса разбросанных бумаг... Трупов уже не было, их убрали. Можно себе представить, что здесь делалось, когда 27-го наши самолеты бомбили этих немцев, густо сбившихся в кучу.

Разумеется, мы остановились... Все останавливались. Нельзя, просто невозможно проехать мимо этого богатства техники... А вдруг там окажутся целые грузовики? Федя кинулся, как пес в стаю куропаток...

Каких только марок тут не было! «Мерседес», «фиат», «ситроэн», «оппель», «хорх». Огромные дизельные грузовики «МАН», «шкода»... Германия, Италия, Бельгия, Франция, Чехословакия, Венгрия. Непостижимо уму, как мы могли противостоять такому обилию первоклассной техники со всей Европы силами молодых заводов, разбомбленных в спешке отступления и снова собранных в такой же спешке руками женщин и подростков где-то в Сибири и на Урале. Это — больше, чем героизм минуты боя. Это — упорство, жизненная сила народа, партии. Да — и партии, несомненно. Но вступать в нее я все равно не собирался.

В связи с этим «особист», который «курирует» наш госпиталь, вел со мной доверительную беседу: о врагах народа, шпионах. Я выражал удивление: «Неужели? В самом деле? Вот сволочи!» Отлично знал, куда клонит...

— Не хотите ли помочь нашему общему делу? — И предав жил сообщать.

Не буду восстанавливать разговор. Ответил вежливо:

— Я бы с дорогой душой... Но — не могу. Убеждения не позволяют, моральные установки...

Он был разочарован. Но подписку о неразглашении разговора взял. В этом я не отказал. Побоялся. Так что «заседание продолжается, господа присяжные заседатели». Вот с войной покончат и начнут новый заход...

Бобруйск более или менее цел. Приятно посмотреть на приличный город после сожженных деревень... Получили указания ехать дальше — Осиповичи, Марьина Горка — по дороге к Минску.

Дорога — асфальт. Мы и не видели такой после Рославля. Трудно было немцам поддерживать эту дорогу. Леса вырублены по обе стороны метров на сто, чтобы был обзор. Через каждые три-пять километров построены деревянные форты, в которых держали гарнизоны. Это после трех лет оккупации. Нет, не завоевали!

Мостики все взорваны. По обочинам валяются вздутые трупы лошадей с задранными ногами, запах от них — за полкилометра. Теперь мы вдоволь насмотрелись на немцев. Их вылавливают в лесах — попрятались во время окружения. Впрочем, они сами выходят и сдаются, партизан боятся. Жалкий вид имеют пленные из окружения. Вот ведут группу человек в пятьдесят. Не ведут, а сопровождают в плен, дорогу показывают и от населения

охраняют. Один пожилой солдат нестроевого вида идет впереди колонны — устал, ему жарко, винтовка сзади через плечо... Он не беспокоится, что пленные разбегутся.

По дорогам идет бесконечный поток обозов и машин. Много трофейных, некоторые даже раскрашены в желтый цвет, говорят, что немцы привезли их из Африки. Забавно они выглядят среди других — камуфлированных зеленым с коричневыми полосами. До 43-го года они не раскрашивали своих машин, не маскировали свет, а после Сталинграда надломились — стали бояться наших самолетов.

Войска идут вперед так быстро, что нам со своим обозом не догнать. Получили приказ ехать до деревни Бобовня, что находится где-то около старой границы. Длинное и скучное сидение в Бобовне. Где-то далеко «чапает» наш обоз, сведений о нем нет.

Я лежу в сарае и читаю книжки, захваченные в Пиревичах. Думаю о медицине и о жизни. Женщины ходят в лес за орехами. В качестве охраны от немцев их сопровождает Гамбург и начфин Михаил Васильевич — оба с наганами.

Сводки получаем от проходящих машин — очень краткие и поверхностные. Иногда попадаются старые газеты, прочитываем приказы, салюты, очерки о продвижении союзников во Франции...

18 июля пришел обоз. Наконец наш ППГ воссоединился и может работать. Но здесь мы никому не нужны. Получили приказ двигаться по дороге на Белосток.

* * *

Мы догнали фронт в начале августа за Белостоком. Остановились в местечке Брянск. Совсем целый маленький городок. Развернулись в хорошей больничке типа земской. Скоро и раненые подоспели — их везли прямо из полков. Мы вышли на линию медсанбата.

Сделал тут операцию, о которой давно мечтал: радикально прооперировал ранение груди с обработкой раны легкого. Операция заняла два часа. Дрожал ужасно, особенно, когда отсекал по зажиму кусочек доли с осколком. А потом боялся, что не ушью... При кашле легкое страшно выпирало в рану, делали под местной анестезией.

Раненый капитан вел себя отлично. В конце, когда воздух отсасывали, он совсем повеселел и свободно сидел на столе. И губы уже не синие, а просто бледные.

— Думал, конец. Я с 42-го воюю, под Сталинградом был... Насмотрелся... Знаю, что когда воздух хлюпает, не жильцы... А тут прямо как заново родился. Спасибо, доктор.

Отправили его в палату, уложили. Сдали Шуре Маташковой, в самые надежные руки.

На другой день воздух перестал выходить из дренажа, и мы наладили отсос нашей системой, из трех ампул. Капитан хорошо поправлялся.

В общем, очень понравилась операция, только много времени требует и страшно.

Вся другая хирургия была обычная. То есть не совсем обычная, потому что мы гипсовали.

Раненых принимали всего восемь дней. Войска опять довольно ходко пошли вперед, и начальство выдвинуло другой госпиталь.

Острув-Мазувецка — сюда мы переезжаем теперь. Новые впечатления: польский городок с частным предпринимательством, костелы, синагоги, магазинчики. Было много евреев — всех уничтожили. Ужасно слышать об этом поголовном уничтожении нации. Совершенно не укладывается в голове, чтобы в двадцатом веке была возможна такая жестокость.

Едем по Варшавскому воеводству.

Ландшафт? Он мало отличается от Центральной России и Белоруссии. Ровные места, перелески, дороги. Только население гуще: много хуторов, мелких деревень — местечек с большими мрачными костелами. Мы заходили внутрь-там красиво и непохоже на наши веселенькие церкви. На перекрестках дорог высокие кресты с распятием или статуей божьей матери у основания, с засохшими или свежими цветами. Странно выглядят для нас, безбожников, и костелы, и монашки, и ксендзы в черных сутанах, и кресты на дорогах. Но

крестьяне выглядят так же, как наши, и домишки в деревнях почти такие же.

Развертываемся в городке Комарове. Фронт близко. Стрельба слышна хорошо, ночью — даже пулеметы.

Работаем, как медсанбат, получаем раненых из полков. Организовали «шоковую» палату. Поставили печку и топим, держим температуру до 28°. Разумеется — все другое, продуманное еще в Подольске. Но законы природы неумолимы: если кровяное давление низкое более двух часов, не вывести из шока...

Первый день оперировал только животы и пневмотораксы — весь день был загружен до отказа. К сожалению, когда в сортировке очередь, приходится торопиться. Сделали семь ушиваний пневмотораксов, и только у одного ушил рану легкого, без иссечения. Однако все раненые в приличном состоянии.

У нас более или менее человеческие условия для раненых, и они уже не страдают, как в прошлые годы. Впрочем, не стоит обольщаться. Осталось самое главное — страдание от ранения, боли. И осталась опасность перитонита, газовой, шока, сепсиса... И смертность от тяжелых ранений уменьшается медленно .Нужны новые научные решения и другие организационные формы.

Страшные злодеяния творили немцы. Недалеко от нас был лагерь смерти Тремблинка. Сейчас там работает комиссия. Разрыли рвы, заполненные трупами, и производят вскрытия. В них участвует и патологоанатом нашей армии. Он приходит оттуда почти в шоке. Слой за слоем снимают трупы, и у всех находят сквозные пулевые ранения головы. Всех убивали выстрелом в затылок. Как будто стоял станок и стрелял. А ведь это стрелял человек... Кажется, что ничего не дала цивилизация этим людям. Ничего...

Отшумела работа. Эвакуировали раненых. Помогала авиация — очень удобно! Почему их мало, самолетов?

Опять я пытаюсь размышлять. Говорят: есть большая правда о войне и маленькая. Большая — это стратегия, государственный расчет. Маленькая — восприятие участников: солдат или, например, врачей. Они не всегда совпадают, эти правды. Рассуждение логично. Могут сказать, что по большой правде невозможно было сделать тысячу «кукурузников» для санитарной авиации, что если бы ее сделали в ущерб сотне истребителей, то войну бы не выиграть. Может быть, и так, но только они необходимы, эти «кукурузники».

Длугоседло — не очень подходящее место для этого. Маленький городок, в котором нет ни одного приличного дома, кроме костела. Пришлось выбрать деревню, что километра полтора от местечка. Хорошая, чистенькая деревня — Карнациска. В садах мы и расположились. Скоро и раненых привезли.

Самое трудное — наладить поток в перевязочной: снятие повязок, анестезия, обработка ран, гипс. Это нам удалось осуществить на шести столах, из которых три специальные — наши и юдинские.

Если при снятии повязки оказывается, что раны плохие, что газовая весьма возможна, мы делаем рассечения раны и тут же накладываем вытяжение. Оставляем на шине, пока не минет опасность острой инфекции. Затем — гипс. Всех загипсованных выдерживаем не менее семи дней, чтобы не пропустить газовой. Если после гипса состояние утяжеляется, мы не упорствуем: гипс долой и вытяжение. Никаких сепсисов у нас не будет. Ошибок Калуги не повторим.

Ранения суставов — коленного и тазобедренного — статья особая. Малоинфицированные раны держим в шине Дитерихса дней пять и, если все спокойно, накладываем глухой гипс. Раны с большим разрушением и инфицированием сразу обрабатываем радикально, по типу первичной резекции, и, конечно, гипс.

Все остальные раненые идут между делом. Для них — два перевязочных стола, тут же и гипсуем. Вот пригодились два тяжелейших сундука с гипсовыми бинтами, что возим уже пятьсот километров — от самых Пиревичей.

Главный гипсовальщик — Канский. В помощь ему Маруся — санитарка-дружинница. Ну, и Лида, если понадобится. Вася Лысак слово сдержал: раненые поступают по профилю

«тяжелая травма конечностей».

В первый же день наложили двадцать семь высоких гипсовых повязок и трем раненым наладили, вытяжение. Работали нашу обычную норму- 18 часов. Коля Канский так устал, что еле выполз из перевязочной. Печка в палатке уже была предусмотрена, ее затопили и устроили вентиляцию — открыли тамбуры. Раненым после наложения гипса очень холодно. Кроме того, нужно сушить скорее, чтобы можно было выводить в другие помещения, когда нас захлестнет. Кроме высоких гипсов, еще наложили около тридцати повязок на голени, стопы, плечи.

Удачной ли была наша боевая операция? Несомненно. Вот статистика; 55 оперированных и загипсованных огнестрельных переломов бедра. Пять из них были уложены сначала на вытяжение, и гипсы наложены спустя 7-16 дней. Только у одного, развилась газовая флегмона под гипсом, своевременно сделана ампутация, и жизнь спасена.

По ранениям колена; оперировали 37 человек — три первичные ампутации, десять резекций, остальные — первичные обработки. Всем — гипсы.

Нетранспортабельных мы не имели. Начальник ПЭПа сказал, что следующий раз снова будем работать по такому же профилю.

Да, еще новости: получили массу наград. Начальник, майор и я — ордена Отечественной войны 2-й степени, Лидия Яковлевна и Лида — «Звездочки», еще несколько человек — медали.

В конце декабря получили новое назначение: развернуться в лесу около, реки Нарев — поближе к линии фронта. Предполагалось, что мы будем принимать раненых в бедро и суставы во время наступления. Думалось: «Последнего наступления...».

Поехали смотреть: три домика и сосновый бор. Пришли в уныние. Начальник поехал плакаться в ПЭП. И тут случилось чудо: нам дали строителей. Сказано было: сделать землянки на 200 человек. Но мы-то знаем, нужно больше. Не будешь же раненых раскладывать под сосенками в январе. Поэтому запроектировали землянки на триста человек, а остальное покрыть палатками. Расположение — по нашей обычной схеме.

Землянки топились целыми днями. К сожалению, дрова сырые, горят плохо. Влажность была высокая, беспокоились: как будут гипсы сохнуть? Но еще было время подсушиться и дрова достать. «Даешь 40 высоких гипсов в сутки!» — такой лозунг. Бинтов наготовили много — все сундуки забили. С перевязочным материалом теперь не ограничивают. Просто поразительно, как это сумели напасти на такую массу раненых. Честь и слава медицинским снабженцам!

Военные говорили, что особенно больших потерь не ожидают, что артиллерия и авиация имеют огромный перевес над противником. Новый год по традиции встречали в аптеке. Собрались все офицеры и сестры. Было тепло, сытно, вкусно, чуточку пьяно. И даже весело. И музыка была, и танцы, и анекдоты. И традиционные и нетрадиционные тосты. Но все скромно. Скромный у нас госпиталь!

Числа 12 января пошли танки. Большая дорога от нас километрах в двух — все было слышно. Шум моторов не прекращался ни днем, ни ночью двое суток. Тринадцатого началась оттепель, и пал туман. Такой густой, что не видно за десять метров.

14-го утром началось наступление. Об этом услышали по канонаде. Орудия ревели несколько часов. Первых раненых привезли около полудня.

— Нет, не прорвали...

— Страшно укрепились... Чувствуют, гады, что последний бой.

— Но мы их выпотрошим!

Да, не позавидуешь фашистам: столько ненависти накопилось к ним!...

Работа пошла спокойно с самого начала. В сущности, это было повторение предыдущего — Корнациски. 40 высоких гипсов не наложили — просто некому было, но за тридцать перевалили.

Да, забыл самое главное: у нас появился рентген. Наконец нам дали на время рентгенологическую группу усиления, и мы имели возможность делать снимки. Работаем,

как в тылу.

Мы получали раненых в течение семи дней. Говорили, что прорыв был трудным, но мы этого не чувствовали, потому что работали одновременно, по крайней мере, пять ППГ.

19 января раненые сообщили, что войска подошли к границам Восточной Пруссии, 23-го и нам было приказано готовиться к переезду.

* * *

Похоже, что война для нас кончается. Мы в Германии, почти не работаем и только ездим. То ли госпиталей теперь много, то ли организация страдает. Скорее — раненых мало, иначе нашли бы для нас место. Есть авторитет у ППГ-2266. Это хорошо, что людей генералы берегут. Теперь, когда дело уже почти сделано, вдвойне жалко. Пусть пушки и самолеты воюют.

26 февраля нас внезапно перебросили на север — в городок Либштадт. Ехали по дороге, по которой удирали немцы. Все обочины усыпаны брошенными вещами — колясками, подушками да выпотрошенными чемоданами.

Видимо, тогда была оттепель, все это потом примерзло к снегу. Всюду на деревьях — примерзший пух перин. Не могу унять злорадное чувство: «Вот и вам досталось испытать».

Сходу развернулись в здании вокзала, чтобы принимать раненых, уничтожавших окруженную группировку в центре Пруссии. Устраиваться легко: помещений, перин, угля, мяса — сколько угодно. На нары в сортировке разложили матрацы и накрыли коврами — как у султана во дворце...

Хирургия не представляла труда. Приняли всего около трехсот раненых, большинство — легких, уже обработанных в МСБ. 10 марта эвакуировали раненых, и мы переехали в Морунген. Город окружной, тысяч на двадцать жителей. Пустой, как и другие. Нам снова установили профиль: ранения нижних конечностей. Однако раненых мало, и проблем не возникало. Нашли окружную больницу и добыли там целых два маленьких рентгена — один переносной, другой на колесиках. И пленки, и все химикалии. Теперь Канский катает тележку с аппаратом от стола к столу при перевязках, и мы имеем вполне культурную травматологию.

9 апреля взяли Кенигсберг. Мы с начальником ездили, спустя два дня, посмотреть город. Масса впечатлений. И только потом узнали, что там наступала 5-я армия, в которой служил Бочаров. Узнали, когда армия уже ушла. Очень жалел.

В конце апреля нам приказали свернуть госпиталь, переехать в Эльбинг и там развернуться для приема раненых.

Шло последнее наступление на Берлин, и мы с нетерпением ждали: вот-вот возьмут!

1-е Мая отметили, как в доброе старое время. Торжественное заседание, доклад майора, праздничный обед. Внизу была большая школьная столовая, и в нее вместились все.

А 2 мая — наши взяли Берлин. Началось напряженное ожидание мира. Пошли слухи о перехваченных радиосообщениях, что «вот-вот».

Нам привезли около ста раненых из ближайших медсанбатов, из тех дивизий, что сражались на косе Фриш-Гоф. Немцы там упорно сопротивлялись, неизвестно зачем.

Одной из последних раненых привезли девушку-разведчицу. Ей уже сделали высокую ампутацию бедра по поводу оскольчатого перелома, и она в тяжелейшем остром сепсисе. Красивая белокурая девушка с мужественным лицом. У нее было четыре ордена, из них два — Красного Знамени. Теперь ее представили к званию Героя, но ей уже не дожить до награды...

— Я умру, доктор? Да?

— Ну, что ты, милая. Жалко ноги, но жизнь дороже... Сделают протез.

— Что — протез... Я чувствую, как жизнь уходит. Засыпаю, забываюсь и все боюсь, что не проснусь... А не спать не могу...

Что мы могли для нее сделать? Переливали свежую кровь каждый день, вливали

глюкозу, всякие витаминные препараты. Культя была покрыта омертвевшими тканями, из нее торчал острый обломок бедра почти у шейки. Надо думать, что инфекция прошла в тазобедренный сустав.

Сепсис развивался стремительно, каждый день потрясающие ознобы и поты по несколько раз. В интервалах лежит бледная, как труп. Несмотря на ежедневные переливания крови, процент гемоглобина снизился до 30. За ней ухаживала Шура Маташкова. Слабеньким голосом больная спрашивала:

— Шурочка... уже объявили о победе?

— Нет ещё... еще нет.

— Ты же меня сразу разбуди... Так хочу дожить, чтобы уже сказали: «Все!»

И она дожила...

Вечером 8-го инженеры из соседней радиочасти принесли новость: готовится формальное подписание капитуляции.

Утром 9 мая наша перевязочная работала как всегда, хотя все ждали экстренного сообщения. На столах лежали раненые, некоторые развязаны, другие ожидали перевязки, третьих готовили к гипсованию. Канский делал рентгеноснимки. перекатывал передвижной аппарат от одного стола к другому. Было часов одиннадцать.

Вдруг слышим стрельбу из винтовок и автоматные очереди. Все сильнее и сильнее. Сначала не поняли.

— Что там — сказились? Сейчас кого-нибудь подстрелят.

Вдруг Степа Кравченко объявил из дверей:

— Победа! Победа!

На улицу!

Все кинулись наружу. Я тоже. Лида накладывала повязку и задержалась.

— Сестрица... Останьтесь с нами...

Так она осталась и ходила от одного стола к другому, пожимала руки, поздравляла.

А на стадионе около госпиталя уже собралась толпа. Наши в халатах, другие в форме, солдаты из разных частей. Кругом слышим беспорядочную стрельбу.

Майор влез на ящик и объявил:

— Товарищи! Фашистская Германия капитулировала! Ура!

Все закричали, бросились обниматься. Майор выстрелил вверх, нашелся еще кто-то с оружием, послышались редкие хлопки. Салют слабенький, мы — госпиталь.

Долго еще не хотели расходиться, с трудом удалось отправить сестер и врачей.

В перевязочной Лида уже успела перевязать почти всех, что лежали на столах. Я поздравил их с победой. Дальше были слезы, которые запомнились на всю жизнь.

Шура Маташкова заглянула в перевязочную.

— Николай Михайлович, пойдемте к Зое...

А что, плохо?

Нет, нужно ей сказать... просила. Вы лучше скажете.

Мне не хотелось идти... Нет, не хотелось... Но что сделаешь — надо. Доктор.

Она лежала одна в маленькой палате, бледная, с синевой, глаза закрыты, и даже не знаешь, жива ли. Шура шепчет:

— У нее был озноб в восемь часов... Теперь забылась. Но очень просила разбудить...

— А может, не будить? Проснется — скажем.

— Разбудить, Николай Михайлович... Пожалуй, и не проснется уже сама.

— Зоя, Зоечка!

Чуть приоткрыла веки. Облизала сухие губы.

— П-и-ть..

Шура напоила ее из поильника морсом. Глаза совсем открылись. Взгляд осмыслился.

— Зоя, Германия капитулировала! Поздравляю тебя с победой!

Оживилась, улыбнулась болезненной, робкой улыбкой. Слеза поползла из угла глаза по виску вниз.

— Позд-р-а-в-ляю... и вас поздравляю... Дождалась... Теперь бы поправиться...

Сел около нее на кровать, взял руку, тонкую, бледную, бескровную, с грубой кожей на ладони, с короткими неровными ногтями..

Говорил, утешал...

— Ты усни, Зоечка. Набирайся сил...

И она уснула...

К вечеру был еще один озноб, после которого полный упадок сил и сердечная слабость... Ничего сделать не могли. Умерла...

Это была последняя смерть в нашем госпитале. И оттого особенно обидная и печальная. Но все вокруг так переполнилось счастьем, что ничем не затмить радость: Просто не верилось: «Уже не убивают!»

Глава пятнадцатая. КОНЕЦ ППГ-2266.

Днем 9 мая заканчиваются мои военные записки. Дальнейшую историю ППГ-2266 я кратко расскажу по памяти.

Она не кончилась сразу, после победного салюта. Госпиталь расформировали только в ноябре. Пока была война, казалось, что, как только немцев побьют, сразу всех распустят, и начнется счастливая мирная жизнь. Но была еще Япония. Эти полгода нудные: исчезла главная связь между людьми — работа, великая общая цель — победить!

Мирное, отдельное, а не общее будущее встало перед каждым. Для многих оно было суровым и неприглядным. Хорошо, если дома ждет семья, а если нет? Пожалуй, самым трудным была необходимость действовать одному, индивидуально.

Но хорошо быть молодым! Молодые не обременены воспоминаниями и разочарованиями. Они жадны к жизни, храбры.

Помню, я был счастлив в те первые дни мира. Ощущение огромного облегчения и масса интересного вокруг, впереди.

Но обратимся к истории.

В Эльбинге мы работали еще больше месяца: «доводили до кондиции» тяжелых раненых, лечили случайные травмы. Стержня уже не было, но держали обязанности и инерция.

В нашем госпитале проводилась армейская хирургическая конференция. «Подведение итогов». Обстановка была скорее праздничная, чем деловая, хотя еще спорили по хирургическим проблемам, но уже как о чем-то нереальном. Я опять делал два доклада — на этот раз о суставах и о бедрах. Представил опыт от войскового района до фронтового тыла.

Еще я писал научные работы. Целых восемь. «Бедро», газовая, переливание крови, вторичные кровотечения, две статьи о ранениях груди, две статьи о «коленках». Они и сейчас у меня хранятся. Прочитал — вполне приличные статьи, с хорошей статистикой. Никуда их не посылал, не рискнул после неудачи с диссертацией.

Еще ездили всей компанией получать ордена и медали в штаб армии. Орденами наградили еще прошлой осенью, а медали — свеженькие: за победу над Германией, за Москву, за Кенигсберг.

В середине июня получили приказ свернуться, сдать лошадей, машины, все лишнее имущество и готовиться к погрузке. Радовались, рассчитывали, что едем на расформирование. Но были и сомнения — очень много частей ушло на восток из Пруссии.

Погрузились в такие же товарные вагоны, как четыре года назад, и отправились в Россию. Ждали, что поедем в Череповец, но проехали Москву, повернули на восток. Когда перевалили за Урал, осталось только гадать — в Монголию или в Приморье?

Грустное это было путешествие, как помню. Ехали целый месяц, надоели друг другу «до чертиков».

Выгрузились на станции Лесозаводск в Приморье, и снова началась военная жизнь. Имущества много, вплоть до рентгена. Нас определили в 35-ю армию, что простояла всю

войну на дальневосточной границе.

На второй же день я поехал разыскивать Бочарова, зная только, что его 5-я армия где-то здесь. Ехал поездом, машинами, расспрашивал встречных и нашел штаб армии. Аркадий приехал только к вечеру, и мы проговорили до утра. Помню, сделал ему подробный доклад об Угольной, о Каменке, о Хоробичах, о Карнациске, о 35 высоких гипсах, об ушивании раны легкого. Никто так не понимал военную хирургию, как Бочаров. Он тоже рассказывал о своей армии. Конечно, у них было гораздо лучше нашего, даже сравнить нельзя. Специализация с 43-го года, транспорта много больше. Смертность по тяжелым ранениям значительно ниже. Но до ушивания ран легких, до вытяжения бедер и первичных резекций колена они все-таки не дошли, он признал. Похвала Аркадия была мне очень приятна. Утром он проводил меня на своем «виллисе» до станции. Дружба наша продолжалась потом лет двадцать пять, до самой смерти Бочарова, генерал-лейтенанта, заместителя главного хирурга Советской Армии, профессора.

Потом мы пережили рецидив войны. К счастью, короткий и бескровный.

Главным хирургом фронта был Александр Александрович Вишневский. У него были свои идеи в добавление к «доктрине»: местная анестезия, мазь, которая называлась эмульсией, и «крестовина» — крестообразное расположение палаток операционной, перевязочной, предперевязочной, шоковой. Середина между палатками накрывалась брезентом. Пока сухо — это было неплохо, но при дожде — наказание: в средину стекала вода с палаток, и всю грязь несли в операционную.

9 августа утром началась артподготовка. «Опять стреляют!» Ничего, кроме раздражения, эта «музыка» не вызвала. Через несколько часов стали прибывать раненые — необстрелянные дальневосточные ребята. На нашу долю пришлось всего человек двадцать — «семечки» для нас.

14 августа приказали срочно свернуться и отправляться в Маньчжурию. Скоро услышали, что японцы капитулировали. Обрадовались, но теперь ехать вперед вдвойне не хотелось: «Зачем?»

Следующие сутки были последним испытанием доблестного ППГ-2266. На санотделских машинах, под легким дождичком, повезли к реке Уссури, к границе. Нас завернули в сторону, километра за два до реки. Пошли смотреть.

На понтонном мосту — шлагбаум, патруль, охрипший полковник, несколько его подручных офицеров. Со всех сторон на них наседают жаждущие наступать в Маньчжурию. Не пускают никого! Оказывается: прошли дожди, размыли дорогу, непроезжая. Нужно ждать солнышка, чтобы просохло.

Под вечер, когда надежды на переправу исчезли, мы получили приказ идти пешком в некий населенный пункт, который нам указали на карте, для того, чтобы оказывать там хирургическую помощь. Это — километров десять от границы.

Приказ есть приказ. Дальневосточный, то есть не воевавший, подполковник не стал слушать начальника. «Выполняйте!» Быстро перетряхнули свои ящики, собрали все необходимое, чтобы можно было сделать полостную операцию, распределили и двинулись. Надо думать, что колонна была смешная: впереди толстый начальник, за ним майор и дальше мы — Анна Васильевна, Гамбург, Шурочка, я, Быкова, Тася, Лида, палатные и перевязочные сестры. Санитаров было всего восемь — Канский, конечно, Бессоныч, Кравченко. Вооружение — пистолеты у начальника и майора. (Начфин и Гамбург свои уже сдали). Полковник на мосту удивился, посмеялся, но пропустил.

Засветло прошли немного. Дорога была разбита, грязи по колено, кругом болота, заросшие высоченной травой, никакого жилья не видно.

Колонна страшно растянулась. Когда стемнело, стало страшновато. Один японец мог перестрелять нас из тростника... Часам к двенадцати заметили впереди огонек. Оказалось — несколько покинутых фанз, в одной — солдаты, костер. Тут и свалились полумертвые от усталости.

Утром обнаружили невдалеке тот самый пункт, куда шли. Это оказалось что-то вроде

японской пограничной заставы. Днем, действительно, привезли одного раненого в живот, и мы использовали имущество, принесенное на себе: сделали лапаротомию. Раненого не спасли: экспромты в хирургии не проходят:

К вечеру дорога подсохла, пришли санотделские машины с имуществом, забрали нас и повезли куда-то. Два дня путешествия по Маньчжурии, китайцы всюду приветствовали нас. Кричали:

— Шанго! Шанго!

Не знаю, что это означало, но лица — радостные.

Наконец развернулись в городе Боли и даже приняли там около сотни свежих раненых. Через пару дней их эвакуировали.

На этом наша вторая война окончилась.

В середине сентября госпиталь вывезли в район острова Ханко, там мы прожили неделю в палатках и переехали в пригород Владивостока — на станцию Седанка. Месяца полтора мы разъезжались отсюда... Сначала проводили демобилизованных санитаров, потом отпустили младших сестер. Пришла наша очередь: мы с Лидой были направлены в другой ППГ. Последними оставались начальник, майор, Канский и хозяйственники. Кажется, они оформляли ликвидацию еще недели две.

Так прекратил свое существование ППГ-2266.

Со многими мы с Лидой встречались после демобилизации. Анна Васильевна и сейчас работает в нашей клинике. С Быковой дружили в Брянске до самой ее смерти. Многие годы заезжали к Зиночке в Москву и виделись с Аней Сучковой. Лидию Яковлевну встречал в Ленинграде, когда приезжал с лекциями. Заезжал в Череповец и видел Тамару. Татьяна Ивановна вернулась из ссылки в начале шестидесятых. По-разному у девушек сложилась судьба... Канский — как в воду канул: Майора мне видеть не хотелось.

Вот так.

Наверное, нужно что то сказать в заключение?

Когда переписывал свои записки, все время оценивал и свою работу, и товарищей, думал о народе, о войне, хирургии. Думалось, что нужно эти сегодняшние мысли записать.

Море страданий человеческих... Почти 50 тысяч раненых, большинство — лежачих, тяжелых. Свыше тысячи умерли. Это только в нашем маленьком ППГ на конной тяге, рассчитанном на двести коек, с пятью врачами...

Какие они были молодцы, наши раненые! Мужественные, терпеливые — настоящие герои! Но сами о себе, о своих подвигах они рассказывают просто, как о чем-то будничном.

Вот какие свои записки, писанные в Эльбинге в мае 45-го, нашел я среди черновиков научных работ.

«Да, о героизме. Какой героизм можно увидеть в полевом госпитале? Немец нас не окружал, в атаку наши санитары и выздоравливающие не ходили... И даже странно сказать — я мало слышал рассказов о героических подвигах. «Приказали... поднялись... пошли... он строчит... мы идем... он побег... вскочили в его окопы...» А чаще даже не так. «Лейтенант кричит: «Вставай! Пошли!» — а он строчит... головы не поднять... лежим, не глядим на лейтенанта... Тут он опять: «Вставай!..» Пистолет вытащил. Что он сделает пистолетом? Но тут он стал вылезать из окопа: «Ну, и черт с вами!.. Валяйтесь тут, а я пойду...» Пришлось вылезать и нам... Побежали, потом залегли... Лейтенант опять поднялся вперед... Тут его убили, а нам вроде стыдно стало, старшина нас повел... Так и добежали до их окопов... Тут в меня один фриц выстрелил. Хорошо, что не убил.»

О таких лейтенантах я слыхал не раз... Но сами они про это не рассказывали, если и доходили до нас. Они рассказывали иначе:

«Капитан звонит: «Поднимай своих!..» А мои все лежат в окопчиках, головы не поднимают, стреляют изредка в белый свет. Немец бьет из пулеметов сплошь. Где же их поднять?.. Звоню: «Александр Иванович, не поднять мне... подави вон те точки...» А капитан в ответ только материт: «Приказ!» Что будешь делать? Приказ! Думаю, хотя бы на минуту перестал стрелять! Хотя бы продвинуться вперед метров на сто, на двести... Нет, не

перестает.

Кричу своим:

«Вперед! За Родину! За Сталина!»

Побежал вперед, и что вы думаете? Поднялись — один, другой... побежали. Ну, думаю, теперь только бы подальше пробежать, пока не стукнут. Бегу что есть духу, на них не оглядываюсь, слышу, что топают недалеко... кричат... прорывается через шум «Ура!». Думаю: «Добегите, миленькие!» Так нет... не добежали! Оглянулся — падают... или ложатся... Вижу — оторвусь без толку. Махнул им: «Ложись!» Потом еще раз... вроде поднимал. Но второй раз не повезло. Поднялся, побежал и... к-а-к он дал... упал и сознание потерял, потом очнулся скоро и даже облегчение почувствовал: «Вот и все, мамочка...» Но видите — ожил... не бросили меня мои...»

За всю войну мне не довелось быть свидетелем броских, эффектных, героических поступков, кроме того отчаянного летчика в октябре 41-го в Сухиничах. Но я видел другой, повседневный, ежечасный героизм, видел массовое мужество. Уж чего-чего, а этого насмотрелся. Нужно мужество, чтобы переносить страдания.

Страдания: физическая боль — острая, когда снимают повязку, когда распирает бедро, пораженное газовой флегмоной. Когда трется гипс о пролежень на крестце. Когда месяцами болит голова после проникающего ранения черепа. Голод и жажда челюстного раненого, с развороченным ртом, не глотающего, которого не могут накормить, пока не привезут к специалистам. Хроническое голодание раненых в кишечник. Страдания: холод, отсутствие постели, неудобное положение в гипсе... Сколько из них плакало и кричало в палатках, при перевязках и наших хирургических процедурах? Единицы... Кто из них просил себе частного, отдельного снисхождения или льготы по тяжести ранения или по чину? Единицы.

А мужество принятия решения? «Нужно отнять ногу...» «Нужно сделать резекцию сустава... Да, нога гнуться не будет...» «Нужно делать операцию при аневризме... Да, опасность умереть велика».

Если он может принимать такие решения — то может решать и в бою.

Да. Героический наш народ. Мужественный, терпеливый, стойкий. Это не просто дисциплина. Это величие духа.

Низкий поклон им, всем раненым, которые прошли через наш ППГ, через все госпитали.